

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ЕЯ СКАЗКАХЪ.

—

Есть у насъ на Руси большой край, межъ Днѣпромъ и Западной-Двиной: его зовутъ *Бѣлоруссію*.... Живутъ тамъ люди бѣлорусскіе, потомки древнихъ *Кривичей* и *Дреговичей*, родные братья людей великорусскихъ.... Жили-были долго они вмѣстѣ племенами и родами, но раздѣлились потомъ: кто на сѣверъ пошелъ, кто на югъ забрелъ, а кто и съ востокомъ сдружился; всѣ разрознились и раздѣлились.... Остались одни Дреговичи и Кривичи — люди бѣлорусскіе — на своихъ мѣстахъ, полюбили свою *домову* (пепелище), не покинули своихъ оселищъ.... Съли да и сидятъ на однихъ мѣстахъ.... Худо ль, хорошо ли — не выходятъ изъ своихъ хатъ: ихъ гнетутъ поляки, полонить Литва, гонять турки и татары, — они терпятъ да молчатъ, и все-таки остались на своихъ мѣстахъ до-сегодня.... Великорусскіе люди на новой сторонѣ зажили другою жизнью, — заговорили рѣчью великорусскою; научились всякимъ наукамъ, искусствамъ, мастерствамъ и ремесламъ: образовали себя на европейскій ладъ. Явилась письменность у нихъ — признакъ просвѣщенія и цивилизаціи.... Страхнули съ себя невѣжество: оставили суевѣріе и побасенки; просвѣтили свои нравы и обычаи, — стали европейцами по всему.... Что же случилось съ Кривичами — Дреговичами, людьми бѣлорусскими? Они отстали во всемъ отъ своихъ великорусскихъ братьевъ: не разстались съ своими суевѣріями, не учились ничему; ихъ литература и письменность — это народныя

сказки, преданія и повѣрья... Они живутъ до-сихъ-поръ жизнью древне-русскою, простою, необразованною; говорятъ тѣмъ же языкомъ славяно-русскимъ, на которомъ нѣкогда говорили первобытные русскіе-славяне, жившіе отдѣльными племенами, составлявшими одну и единую Русь!... Нравы и обычаи, преданія и повѣрья, сказки и повѣсти отзываются мѣологической стариной... Въ Бѣлоруссіи до-сихъ-поръ хранятся въ устахъ народа сказки и преданія о похожденияхъ фантастическихъ героевъ, князей и царевичей, невидимыхъ духахъ и чудесныхъ силахъ, — совершаются празднества и игрища быта языческаго. Это потому, что нынѣшняя Бѣлоруссія нѣкогда была главнымъ сердцемъ славяно-русскихъ языческихъ вѣрованій, гдѣ въ честь божествъ воздвигаемы были кумиры. Конечно, съ введеніемъ христіанской вѣры, идолы и капища уничтожены; но преданія, хранившіяся въ народѣ, не могли уничтожиться, устное преданіе не переставало сохранять въ народѣ воспоминанія о вѣрованіяхъ предковъ. Этому способствовало и то, что христіанство не вдругъ утвердилось въ сердцѣ древней Руси, но постепенно: то-есть, преданія находили себѣ опору въ языческихъ вѣрованіяхъ сосѣднихъ племенъ славянскихъ, и такимъ-образомъ жители нынѣшней Бѣлоруссіи, будучи христіанами, все еще имѣли случай сохранять понятія и представленія о жизни языческой. Прошло нѣсколько вѣковъ послѣ утвержденія христіанства въ Бѣлоруссіи, а преданія о духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдмахъ, заклятыхъ людяхъ, русалкахъ, оборотняхъ и другихъ страшилищахъ не изгладились, но съ теченіемъ времени облеклись только въ поэтическій вымыселъ и приняли живописный колоритъ въ устахъ разскащика.

Такова Бѣлоруссія въ настоящее время!... И потому не можетъ не обращать на себя вниманіе образованнаго человѣка — русскаго, желающаго ознакомиться съ древнимъ бытомъ своихъ единоплеменныхъ собратьевъ... Насъ интересуютъ преданія и вѣрованія древнихъ грековъ и римлянъ, мы пишемъ объ ихъ нравахъ, мѣологіи, языкѣ, даже прішествахъ и обѣдахъ; отчегожь не писать о родной Бѣлоруссіи, которая такъ богата своими самобытными нравами, мѣологіею, языкомъ и, наконецъ, игрищами и празднествами.

Желая сколько-нибудь познакомить читающую публику съ Бѣлоруссіею въ фантастическихъ сказаніяхъ, я рѣшился составить рядъ статей, характеризующихъ современный бытъ бѣлорусскаго народа, его преданія и сказки, и даже самую мѣстность бѣлоруссіи... Конечно, тутъ я буду имѣть въ виду исключительно простой народъ.

При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что подъ Бѣлоруссіею я разумѣю губерніи: витебскую, минскую, могилевскую и часть смоленской;

при каждой статьѣ будетъ означено, въ какой изъ этихъ губерній хранится то, или другое преданіе, или разсказъ...

Въ составъ *описаній* войдутъ очерки мѣстностей, нравовъ и образа жизни бѣлорусцевъ; въ составъ *сказокъ*, — ихъ фантастическія преданія о духахъ, привидѣніяхъ и колдунахъ.

І. СЕСТРА ЧАРОВНИЦА.

Преданіе Минской губерніи.

Быль на свѣтѣ, на Бѣленькой—Руси, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ: и красавецъ собой, и ума въ немъ палата, а доброты его всей не расскажешь; ужъ какъ любили его все — и сказать нельзя....

Быль онъ молодъ: — ну и жениться вздумалъ.... Долго ль было ему искать жены?... Полюбилась молодцу княжна одна: бѣлолицая, чернобровая; ростомъ хоть куда; коса длинная — не обнять рукой.... А главное — дивныя примѣты на ней были: солнце на лбу, звѣзды въ глазахъ, *мѣсяцъ* на затылкѣ....

Было-бъ все хорошо; да бѣда тутъ случилась вотъ какая.... У княжны была сестра старшая, презлая и предурная, хитрая и лукавая, да вдобавокъ *чаровница лядая* (вредная). Какъ увидѣла королевича, обезумѣла родная.... Ужъ чего не дѣлала она, чтобъ приглубить его, да отбить отъ сестры — красавицы; но не тутъ-то было!... князь-князевичъ души не слышалъ въ себѣ отъ княжны младшей, и не думая долго, объявилъ отцу и матушкѣ красавицы, что онъ хочетъ взять у нихъ дочку ихъ младшую въ жены себѣ....

Сестра старшая чуть съ ума не сошла; — она поклялась отмстить князевичу всѣми силами чаръ своихъ, и стубить со свѣта сестру родную.

Вотъ *оборотилась* она въ вѣдму мохнатую, сѣла на кочергу, засверкала огненной метлой и полетѣла, по-верхъ лѣсу, по-верхъ облаковъ, на *уряду* (совѣщаніе) къ бабѣ-ягѣ-костяной-ногѣ.

Между-тѣмъ князь-князевичъ вводитъ въ царскія свои шалаты не-наглядную красу, раскрасавицу княжну. Растворились ворота, заиграли,

затрубили на дворѣ; слуги дорогу прочищаютъ, ковры подстилаютъ; а навстрѣчу молодымъ откуда ни возмись коровка молодая, съ рогами большими, съ ногами толстыми, вся сама съ ноготокъ, а хвостъ тянется отъ крыльца до воротъ.... Разсердились холопы, что коровка-ноготокъ невпопадъ зашла на королевичевъ дворъ: стали бить, колотить ее;—завопила, замычала коровка... Стало жаль ее королевичу и княжнѣ; вотъ велѣли они не толкать и не бить ее, а завести на скотный дворъ и устроить для нея ясли и помость, да кормить зерномъ и всякимъ княжескимъ добромъ. Запрыгала коровка отъ радости большой, замахала хвостикомъ и облизала ноги благодѣтелей своихъ....

Князь-князевичъ молодецъ и княжна прекрасная входятъ въ мраморныя палаты.... Все тамъ — золото, серебро, бархатъ да парча....

Пиръ-горой.... веселились до дня.

Но настала пора расходиться по домамъ: — остались одни — князь-князевичъ да княжна жена.... Но лишь только они вошли въ опочивальню, какъ въ тужь минуту загремѣли громы, затряслись хоромы, зашверкали молніи, — небо все покрылось темью черною... Перунъ грохнулъ и ударилъ въ окошко; окошко вылетѣло и въ опочивальню вскочила черная кошка; замыкала жалобно и съ фыркомъ и сыканьемъ бросилась на княжну. Князь съ испугу помертвѣлъ, и когда пришелъ въ себя, вмѣсто княжны жены, на кровати увидѣлъ *жабу-рапуху* (водяную лягушку)....

Таково было мщеніе сестры чаровницы, обратившейся въ черную кошку, по возвращеніи ея отъ яги.

Князь-князевичъ зарыдалъ, заплакалъ, и не зналъ, чѣмъ такому горю пособить.... бѣдная лягушка скакала по постели, да жалобно квакала, какъ-будто дитя плакало....

Сбѣжавшаяся на плачь князевича прислуга, увидавъ такой *страхъ* (привидѣніе), испугалась и вся разбѣжалась.... Оглянувся князевичъ на все стороны: нѣтъ ни палатъ, ни золота, ни серебра, ни парчи, ни бархату.... Вмѣсто палатъ явилась хатка, да два прилавка... Зарыдалъ пуще князевичъ, и въ забытїи сталъ звать княжну жену... Вдругъ слышитъ — лягушка проговорила: не плачь, не горюй, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ!... Хоть сестра зачаровала меня, но мы все-таки будемъ вмѣстѣ;—вечеромъ я буду являться къ тебѣ такою же княжною, какою взялъ ты меня отъ отца и матушки....

Такъ и было. Днемъ жаба-рапуха выползала на дворъ и сидѣла въ водѣ, а вечеромъ являлась красавицею-княжною съ солнцемъ на лбу, съ мѣсяцомъ на затылкѣ и звѣздами въ очахъ...

Князь-князевичъ не могъ удивиться такому событію... Жили такъ они долго; наконецъ не утерпѣлъ князевичъ, сталъ слѣдить, какимъ-образомъ изъ лягушки является красавица-княжна?...

Вотъ однажды спрятался онъ въ уголокъ и поджидалъ, откуда явится жена. Вотъ вползла лягушка, ква-ква... да и скокнула въ бочку съ водою... вода заколыхалась, что-то зашелестило и изъ бочки вышла красавица-княжна... а въ водѣ осталась кожица лягушки....

— Пстой же, говоритъ князевичъ: я спасу тебя, княжна, — и, не думая долго, вытащилъ изъ воды кожицу и бросилъ ее въ огонь.

На другой день пробуждается княжна, хочетъ встать... не можетъ... наконецъ кое-какъ встала и подошла къ бочкѣ... глядь, кожицы нѣтъ...

— Князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ! завопила она: что ты сдѣлалъ со мной и съ собой?... Вѣдь теперь я не твоя... ты погубилъ и меня и себя; я ужъ больше не жилица у тебя.

Князь-князевичъ сталъ на колѣна и умолялъ ее остаться; но она заплакала, и обвинявши его, сказала: прощай, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ!... долго придется тебѣ искать меня...

И — не стало княжны....

Призадумался князевичъ; нѣсколько дней не ѣлъ, не пилъ; исхудалъ, истощалъ весь, и готовъ былъ умереть...

Однажды, когда онъ горевалъ и напрасно звалъ княжну, слышитъ, что-то жалобно мычитъ подъ окномъ... Посмотрѣлъ: то была коровка-ноготокъ, о которой онъ забылъ....

— Ахъ, коровка-ноготокъ, ты коровушка моя длиннорогая!... что ты мычишь такъ жалобно? — Нечѣмъ мнѣ накормить тебя, негдѣ головку твою пріютить!..

— Охъ, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ! да развѣ жъ мало добра ты сдѣлалъ мнѣ?... Ты приласкалъ меня, приголубилъ, и кормилъ и поилъ всякимъ царскимъ добромъ; — такъ неужели жъ думаешь ты, что коровушка я глупая и не помню твоего добра?... Я пришла къ тебѣ — помочь твоей бѣдѣ, сослужить тебѣ мѡлодцу-красавцу службу вѣрную.... Ты послушайся меня, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ, и увидишь тогда, что я правду баю; — ты найдешь свою княжну, ненаглядную жену....

— Ахъ, коровушка дорогая!... Что ты баешь?... Аль ты въ горѣ только меня потѣшаешь?... Говори жъ поскорѣй, гдѣ княжну мнѣ найти; — я слушаю тебя....

— А вотъ видишь, мѡлодь-королевичъ; есть за лѣсами большими, за

горами высокими, за морями далекими, — не видать отсюда... очень далеко... есть конецъ свѣта; а на томъ концѣ свѣта есть гора *большущая* — превысокая и на ней скала каменная; внутри горы стойтъ дворець неприступный; вокругъ него болото, а самъ онъ безъ оконъ, безъ дверей, только сверху есть проходъ... Вотъ въ этомъ-то дворцѣ сидитъ твоя *крѣля-княжна* и плачетъ-не наплачется по тебѣ, зоветь-не дозвется тебя... Я ужъ была тамъ, и узнала обо всемъ... Не добратъся тебѣ туда безъ моей помощи... Но я службу тебѣ сослужу за доброе сердце твое... и за ласки княжны.

— Чтѣ-жъ мнѣ сдѣлать, чтобъ попастьъ къ княжнѣ?... научи меня, коровушка!... ты коровушка, вижу, не простая, знаешь больше меня; я повинуюсь тебѣ во всемъ, только возврати мнѣ княжну, мою милую жену.

— Ну такъ вотъ-же сдѣлай чтѣ, князь-князевичъ, мѣлодь-королевичъ!.. Ступай за мной...

Королевичъ повиновался, и коровка завела его въ осиновый лѣсъ.

— Ломай эту осину!... Князевичъ сломалъ осину. «Дери съ нее лыко!» Князевичъ содралъ лыко... «Согни осину въ дугу и перевяжи ее по концамъ лыкомъ, будетъ лукъ съ тетивою». Князевичъ повиновался... «Ну, а теперь ломай другую осину и сдѣлай изъ нея стрѣлу!» Князевичъ сдѣлалъ стрѣлу...

— Ну, князь-князевичъ, мѣлодь-королевичъ!.. теперь возьми этотъ лукъ и садись на моихъ рогахъ; да смотри, держись крѣпко и не оглядывайся назадъ, а не то, разнесутъ вѣдмы твои косточки по чистому полю, по синему морю... и я сама пропаду черезъ тебя...

Королевичъ повѣсилъ на шею лукъ, сѣлъ на коровку, и обѣими руками уцѣпился за рогъ.

Побѣжала коровка—поготовкъ по горамъ, по буграмъ, по несслыханнымъ мѣстамъ, по невиданнымъ землямъ... мѣлодь-князевичъ сдержалъ слово и не оглянулся ни разу назадъ... Вотъ примчалась, наконецъ, коровка къ какой-то пропасти и остановилась.

— Ну, князь-князевичъ! теперь мы миновали пятую часть дороги; здѣсь я тебя оставляю... Слазь, и смотри, чтѣ будетъ... Выбѣжить волчица бѣшеная, съ огненными зубами; она бросится на меня, но ты прицѣлься въ нее изъ лука...

Князевичъ слѣзъ и отошелъ въ сторонку...

Тутъ коровка замычала... Вотъ изъ пропасти показалось пламя... выбѣжала огромная сѣрая волчица и хотѣла было броситься на коров-

ку... Но князевичъ прицѣлился въ нее изъ лука... тогда волчица, защелкавъ зубами, отскочила отъ коровки, и сказавъ: «счастье твое, коровка-ноготокъ, а то я давно острою зубы на твое бѣлое мясо», пала ницъ предъ князевичемъ и завывала жалобно...

— Князь-князевичъ, молодъ-королевичъ! не губи, не бей меня; у меня дѣтки малыя; а за-то, я тебѣ службу сослужу... Ты къ княжѣ своей хочешь добратся, такъ я тебя подвезу по пути; позволь только мнѣ съ дѣтками проститься... Сказавъ это, волчица побѣжала въ пропасть.

— Ахъ, коровушка дорогая!... сказалъ князевичъ коровкѣ тогда: чѣмъ благодарить мнѣ тебя за твою службу молодецкую? Жаль мнѣ съ тобою разстаться...

— Не жалѣй меня, князевичъ, я съ тобой еще увижусь.. А теперь послушай, что скажу тебѣ на прощанье... Не потеряй ты лука, да какъ сядешь на волчицу, не забудь вырвать по волоску изъ каждаго ея уха; волоски тебѣ пригодятся... спрячь ихъ хорошенько!...

Въ эту минуту явилась волчица, а коровка-ноготокъ исчезла...

— Ну, садись на меня, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ, сказала волчица, защелкавъ зубами: да смотри не шевельнись и назадъ не оглянись, а не то—худо будетъ и тебѣ и мнѣ...

Королевичъ съѣлъ и тутъ-же вырвалъ два волоска изъ ушей волчицы... А волчица понеслась поверхъ лѣсу темнаго, поверхъ бору чернаго... застонала, закричѣла... наконецъ спустилась на высокую гору и остановилась.

На верхушкѣ горы лежало огромнѣйшее орлиное гнѣздо, а въ немъ сидѣло два птенца—орленка...

— Ну, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ! теперь мы миновали четвертую часть дороги; моя граница кончилась, дальше я тебя не повезу; отсюда ты полетишь на птицѣ... Слѣзь и ожидай, пока прилетитъ орлица; она бросится на меня съ желѣзными когтями, но ты прицѣлйся изъ лука въ ея птенцовъ, и дѣло кончится мирно...

Не успѣла сказать послѣднихъ словъ волчица, какъ съ облаковъ спустилась орлица и разъяренная бросилась прямо на волчицу.... Тутъ царевичъ навелъ лукъ на орленковъ; тѣ закаркали и стали звать на помощь мать родную.

— Ну, счастье твое, волчица! а то я давно приготовила когти на твое красное мясо,—сказала орлица, и пала ницъ предъ князевичемъ, закричавъ: «Не стрѣлай, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ, моихъ

бѣдныхъ дѣтенытъ; ихъ всего у меня двое, орель погибъ въ облакахъ; вся надежда на нихъ; какъ убьешь ихъ, некому будетъ кормить меня въ старости... А зато я сослужу тебѣ службу... ты ищешь свою красоту-жену, я донесу тебя до слѣдующей границы; позволь только накормить птенцовъ...»

Сказавъ это, орлица подлетѣла къ гнѣзду...

— Ну, спасибо волчица, сказалъ князевичъ: ты сдержала свое слово, сослужила службу вѣрно...

— Не благодари меня, князь-князевичъ, ты не этакой службы стоишь... Я готова и еще тебѣ помочь... Теперь дорога будетъ страшнѣе и опаснѣе; смотри, какъ сядешь на орлицу, не забудь вырвать изъ лѣваго ея крыла перо, да спрячь его подалеже; оно тебѣ пригодится на концѣ свѣта.

Затѣмъ прилетѣла орлица, и волчица исчезла...

— Ну, садись на меня, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ; да смотри, не гляди внизъ, а не то полетишь въ преисподнюю, и съѣдятъ тебя вѣдьмы.

— Будетъ по твоему, сказалъ князевичъ и сѣлъ на орлицу...

Вотъ поднялась орлица съ верхушки горы и понеслась, полетѣла подъ облака;—вотъ исчезли облака; вотъ орлица несется выше... выше, чуть не до самаго неба долетаетъ... Князевичъ дрожитъ и все какъ-будто хочетъ взглянуть внизъ.

Орлица встрепелась... князь-князевичъ опомнился, и тутъ только догадался, что такой страхъ напалъ на него оттого, что онъ забылъ вырвать перо изъ крыла орлицы...

Лишь только онъ вырвалъ перо, какъ орлица стала спускаться ниже, ниже, и наконецъ, предъ глазами царевича показалось огромнѣйшее море... орлица спустилась къ самому берегу и остановилась...

— Ну, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ, ты миновалъ двѣ части дороги своей; теперь осталось еще двѣ, но я съ тобою разстанусь; мои владѣнія кончились... Берегись,—тутъ ты встрѣтишь больше трудностей и препятствій... смотри, будь остороженъ... Видишь-ли, вонъ семь красавицъ—дѣвицъ, семь сестеръ родныхъ купаются въ морѣ: ихъ русалками зовутъ; онѣ поджидаютъ тебя, и того гляди, защекочутъ тебя, и не увидишь княжны своей... Жаль мнѣ тебя, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ!...

Королевичъ испугался...

— Не пугайся, добрый королевичъ, сказала орлица: я помогу тебѣ...

Ты пожалѣлъ моихъ птенцовъ, пожалѣю и я тебя, сослужу тебѣ службу орлиную... слѣзь и ступай къ лозовому кусту; въ этомъ кустѣ спрятана одежка русалокъ; возьми ее и подойди къ самому морю; да смотри, не отдавай одежки русалкамъ, пока онѣ не перенесутъ тебя на тотъ берегъ и не расскажутъ дороги къ милой твоей княжнѣ... А какъ будутъ переносить тебя, такъ не забудь захватить у старшей русалки *косникъ* (ленточка, которою связывается коса); онъ пригодится тебѣ; а не то—бросятъ въ море, и погибнешь тамъ, не увидавъ красавицы—жены. Теперь прощай, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ!.. не забудь про косникъ...

— Благодарю тебя, добрая орлица, за совѣтъ твой правдивый, за рѣчи искреннія, нелживыя.

Орлица улетѣла, а князевичъ подкрался къ лозовому кусту, и забравъ одежду русалокъ, подошелъ къ самому морю.

Взволновалось море, закипѣли волны, завизжали, захохотали русалки и приплыли къ берегу.

— Ахъ, сестрицы милыя, — завизжала старшая изъ нихъ, прикрывъ обнаженное тѣло длинными распущенными волосами: это князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ!! Онъ забралъ нашу одежку... Что намъ дѣлать?... Онъ перехитрилъ насъ.

— Я отдамъ вамъ одежку, если перенесете меня на ту сторону моря...

Русалки разразились хохотомъ.

— Брось одежку, такъ перенесемъ...

— Нѣтъ, красавицы водяныя, не обманете меня; перенесите прежде, такъ отдамъ одежку...

— А! это орлица злая научила тебя... Ну, нечего дѣлать!.. ступай, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ въ лозовый кустъ и садись на верхушку вербы; да смотри не гляди на насъ, а нето—погубишь насъ и себя; ты хорошъ и пригожъ, мы боимся твоихъ очей, жгучихъ, пламенныхъ взоровъ...

Князевичъ взобрался на верхушку вербы; а русалки раздѣлились на двѣ половины: однѣ три переплыли на ту сторону моря, а другія три остались по сю сторону и уцѣпились за вербы... седьмая, съ распущенными волосами, по срединѣ моря, металась на всѣ стороны и какъ-бы вызывала вѣтеръ и бурю... Вдругъ на морѣ поднялась страшная буря; вѣтеръ вылъ и гудѣлъ... Князевичъ затрясся всѣмъ тѣломъ и чуть было не выпустилъ изъ рукъ одежку русалокъ... Но въ эту минуту,

высокія, касающіяся почти облаковъ, вербы, колеблемыя вѣтромъ, мало-по-малу начали сгибаться и наклоняться одна къ другой, такъ что составили, наконецъ, надъ моремъ какъ-бы одну большію дугу, по которой можно было перейти съ одного берега на другой. Тутъ седьмая русалка схватила одной рукой соединившіяся верхушки вербъ, другою перекинула съ вербой князевича на противоположный берегъ моря такъ быстро, такъ мгновенно, что онъ едва успѣлъ захватить у русалки коникъ... Русалка захохотала и окунулась въ море.

Князевичъ, стоя на противоположномъ берегу, кинулъ одежду седьмой русалки въ море и ожидалъ ея прихода... Предъ нимъ предстала необыкновенной красоты дѣва съ огненными глазами, съ черными, распущенными поверхъ одежды волосами...

— Здравствуй, князь-князевичъ, мѣлодь-королевичъ, сказала она; красавецъ-молодецъ этакой!... Знаю, знаю, что тебѣ нужно; да одежду сестеръ отдай ты мнѣ прежде...

— Ну, нѣтъ! воскликнулъ князевичъ: скажи мнѣ прежде путь-дорогу къ моей женѣ...

— Перехитрилъ ты, князевичъ, насъ сестеръ!.. Такъ и быть! изволь, скажу тебѣ путь-дорогу къ твоей княжкѣ, да смотри, слушай хорошенько, не забудь ничего изъ того, что скажу я тебѣ; а нето, пропадешь на этомъ-же мѣстѣ... слушай!... Отсюда пойдешь ты на горку, а съ горки въ лѣсъ направо, а потомъ черезъ рѣчку и налѣво; а пройдеши налѣво, будетъ гора высокая, а на горѣ три дороги: ты ступай по средней, и увидиши лѣсъ густой; какъ пройдеши лѣсъ, возьми направо, а потомъ налѣво, будетъ путь-тропа прямая: вотъ по ней-то ты взойдеши на крутую скалу, а въ той скалѣ живеть-поживаетъ *Змѣй-змѣевичъ* самый пребольшой: отродясь ты не видѣлъ такого... Подходя къ скалѣ, не пугайся, а не то налетятъ на тебя *круки* (вороны) и проглотятъ живаго, и не видать тебѣ княжны. Тамъ подъ скалою ужъ давно ждеть тебя коровка-поготовкъ; она наставитъ тебя, какъ войти къ *Змѣй-змѣевичу*... Поклонись отъ меня коровкѣ, да скажи, что я вѣрно сослужила тебѣ службу. — Прощай-же, князь-князевичъ, мѣлодь-королевичъ! Ну что, все-ли замѣтилъ, что я сказала... Отдавай-же теперь одежду моихъ сестеръ!

Князевичъ отдалъ одежду, и русалки всѣ исчезли: остался онъ одинъ...

— Ну! сказалъ самъ себѣ князевичъ: было горе, да такого еще не бывало... До-сихъ-поръ меня везли, а теперь пѣшкомъ нужно идти!..

Тутъ сталъ онъ припоминать сказанное русалкою... вздохнулъ тяжело-тяжело... и пошелъ путемъ дорожкой...

Вотъ идетъ да идетъ; вотъ прошелъ и горку и лѣсъ; вотъ направо поворотилъ, вотъ и влѣво пошелъ, и опять направо; вотъ взбирается на высокую гору... Наконецъ, усталый, измученный, подходитъ къ самой скалѣ... Не по силамъ была путь-дорога, занемогъ и присѣлъ... Смотрить: — къ нему бѣжитъ коровка-ноготокъ и мычить, что есть силы, изо всего горла... Князевичъ побѣжалъ къ ней навстрѣчу.

— Охъ, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ! Какъ же медленно ты шель, чуть-чуть не опоздалъ; я ужъ думала было послать къ тебѣ на помощь сокола... Садись на меня поскорѣй, я внесу тебя на скалу, на конецъ свѣта...

Князевичъ сѣлъ, и въ минуту коровка взобралась на самую верхушку скалы...

— Теперь елѣзь! я поведу тебя въ хатку, гдѣ живетъ Змѣй-змѣевичъ и сторожитъ дворецъ, въ которомъ сидитъ на цѣпи твоя княжна. Теперь дома его нѣтъ, онъ на службѣ у яги, вмѣстѣ съ сестрою княжны, чаровницею злою... Я ужъ чую, онъ собирается въ путь, незадолго прилетитъ...

Сказавъ это, коровка ввела князевича въ хатку на куричьей лапкѣ. Князевичъ задрожалъ... испугался. Видъ хатки былъ самый страшный — волшебный; въ уголку еле-еле свѣтился зеленый огонекъ; посреди стояла кровать изъ человѣчьихъ костей; вмѣсто подушки — челюсть льва, вмѣсто перины — рядъ змѣиныхъ головъ, покрытыхъ человѣчьей кожей... Прямо противъ кровати пламенѣла раскаленная печь, а въ печи кипятилась въ котлѣ смола.

— Не пугайся, князь-князевичъ, горе-королевичъ, сказала коровка, замѣтивъ испугъ князевича: я съ тобою — будь смѣлѣй, не дрожи, не пугайся... Вотъ тогда бы ты задрожалъ, еслибъ часъ еще опоздалъ... Вѣдь смола эта кипятится для твоей княжны прекрасной; сегодня хотятъ высосать изъ нея кровь и послать ягѣ, а потомъ скипятить въ этой смолѣ и разметать ея косточки по чистому полю, по синему морю... Князевичъ зарыдалъ... «Не рыдай, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ: я съ тобою... будь храбрѣй!.. Ужъ немного намъ осталось времени... слышишь — гудеть въ полѣ, свистеть въ воздухѣ, *цмокаетъ* (свистеть) на весь лѣсъ... Это змѣй-змѣевичъ летитъ на половинѣ дороги.

— Что же дѣлать намъ, коровка-спасительница моя?... Гдѣ мы скроемся отъ змѣевича?

— Не твоя забота: это мое дѣло... Полежай за печь и притаись въ уголку... Змѣй-змѣевичъ влетитъ, ляжетъ на кровать и уснетъ... Выходи тогда изъ-за печки, натяни свой лукъ и пусти стрѣлу прямо въ глазъ, что на лбу... Забушуютъ вѣтры, загремятъ перуны, засвѣтятъ змѣи;—не трусь, молодежь-королевичъ! Зачерпни изъ котла кипятку смолы и ожидай, что будетъ дальше; только чуръ, не забудь вырвать стрѣлу изъ змѣевичева глаза и взять ее опять съ собою... Ну, прощай, — мы еще увидимся съ тобой...

Такъ промолвила коровка и исчезла. Царевичъ залѣзъ за печь и сталъ думу думать...

Стонетъ земля, свищутъ вѣтры, шелестятъ дубы, каркаютъ вороны, воютъ псы; вотъ раздался грохотъ... затрещали сосны и осины, раскатился громъ, задрожали скалы, затряслись стѣны, и распахнулись двери... Змѣй-змѣевичъ съ шумомъ, визгомъ, пискомъ и воемъ влетѣлъ въ хатку и упалъ на-земь; встрепенулся, затрясъ огненною головою, подошелъ къ раскаленной печкѣ, помѣшалъ смолу въ котлѣ хвостомъ и остановился у кровати...

— А!.. проговорилъ: еще чаровница на грищѣ у яги скачетъ съ *гарцукѣми* (горными духами) и *ледѣштыми-звѣдьями* (зловредными оборотнями)... можно часикъ отдохнуть... Тутъ змѣй-змѣевичъ страшно свиснулъ, встрепенулся и изъ ужаснаго змѣя превратился въ великана, съ огромнымъ огненнымъ глазомъ на лбу; скокнулъ, прыгнулъ, на волшебной кровати... и въ ту жь минуту уснулъ...

Князевичъ вылезаетъ изъ-за печки, хватъ, прицѣлился изъ лука и пустил стрѣлу прямо въ глазъ змѣевичу-красавцу.

Застоналъ змѣй-змѣевичъ и покатился на полъ мертвый.

Затрещали стѣны, засвѣтали вихри, зашумѣли моря, заблистали молніи, грохнули перуны; налетѣли змѣи, нахлынули вороны, замахали крыльями *кажаны* (летучія мыши)... Князевичъ испугался; но вспомнилъ про княжну и ободрился; зачерпнулъ изъ котла смолы, рванулъ изъ глаза змѣевича стрѣлу и... не стало хатки на куричьей лапкѣ.

Раздвинулись скалы, распались камни, растворилась земля и запылало пламя по всему воздуху: — князевичъ провалился въ бездну... и ни живъ, ни мертвъ остался...

А коровка-ноготокъ... какъ тутъ была...

— Встань, князь-князевичъ, молодежь-королевичъ, говоритъ она ему... ты забылъ, что я съ тобою... Опомнись!.. Вѣдь княжна — жена твоя ждетъ давно тебя... Неравно подлетитъ сестра-чаровница, и тогда пропадемъ мы оба... Вставай же, молодежь-королевичъ, и иди за мной...

Князевичъ всталъ и пошелъ за коровкой-ноготкомъ...

....Вотъ стойтъ, весь въ болотѣ, дворецъ непреступный, — безъ оконъ, безъ дверей, только сверху въ него проходъ.

— Садись, князь-князевичъ, на меня, сказала коровка, и когда царевичъ сѣлъ, поднялась на воздухъ, прыгнула въ отверстіе и очутилась съ царевичемъ внутри дворца... Но еще далеко было до темницы княжны... нужно было пробраться чрезъ трое сѣней, а у каждаыхъ сѣней лежалъ *цмокъ* (змѣй) престрашный.

— Ну, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ!.. Ступай теперь воевать, я буду на сторожѣ... Вотъ тебѣ огненный мечъ; имъ ты отрубишь головы у цмоковъ... Будь смѣлѣе, похрабрѣе!.. А какъ придется жутко, — въ первыхъ сѣняхъ махни волосками волчицы, во-вторыхъ — перомъ орлицы, а въ третьихъ — косникомъ русалки... А если и это не поможетъ, зови меня къ себѣ на помощь.. Я спасу тебя...

Приздумался князевичъ; да нечего дѣлать, какъ вспомнилъ о княжѣ, рѣшился на все...

Вотъ онъ входитъ въ первыя сѣни, а навстрѣчу къ нему — цмокъ съ тремя огненными головами и шестью очами...

— Чего тебѣ надо здѣсь, человѣчье мясо? спрашиваетъ.

— За княжной-красавицей пришелъ, отвѣчаетъ князевичъ.

Тутъ цмокъ бросился на князевича; но князевичъ не струсилъ, и пошла потѣха... Стали бороться... Цмокъ дерется когтями и сверкаетъ очами, да пылаетъ огненными головами... Замахнулся князевичъ мечемъ, не стало у цмока одной головы; замахнулся другой разъ, пала на-земь и другая голова; замахнулся третій разъ... Цмокъ видитъ — плохо, свистнулъ что было мочи... Князевичъ вздрогнулъ, замахнулся еще разъ, Цмокъ упалъ и провалился въ землю... Между-тѣмъ, на свистъ Цмока сбѣжалось стадо мохнатыхъ собакъ и давай кусать князевича: вотъ, вотъ князевичу процасть, но князевичъ не робѣетъ, достаетъ изъ-за пазухи волоски волчицы и давай махать ими въ воздухъ...

Вотъ вбѣжала тьма волковъ, подъ начальствомъ волчицы, и разтерзали мохнатыхъ собакъ...

Князевичъ пошелъ дальше...

Во вторыхъ сѣняхъ на него началъ цмокъ съ шестью огненными головами и двѣнадцатью огненными очами... Князевичъ отрубилъ ему пять головъ, но когда замахнулся мечемъ въ шестой разъ, цмокъ взвизгнулъ и налетѣла стая черныхъ *круковъ*.

Князь-князевичъ не робѣетъ, машетъ въ воздухъ перомъ, орлицы

слетѣлась стая бѣлыхъ орловъ, подь предводительствомъ орлицы; — началась война птицъ, и орлы разтерзали круковъ: тутъ погибъ и цмокъ.

Въ третьихъ сѣняхъ бросился на князевича цмокъ-цмоковичъ, весь огненный, пламенный.

— Ну! подумалъ князь-князевичъ: какъ-то справлюсь съ этимъ духомъ?..

Вотъ вступилъ онъ въ бой съ цмокъ-цмоковичемъ: бой былъ страшный; князь-князевичъ дрался долго съ врагомъ; вотъ срубилъ одиннадцать головъ, — замахнулся двѣнадцатый разъ, цмокъ-цмоковичъ тряхнулъ желѣзными крыльями и сломалъ мечъ князевича...

— Быть бѣдѣ! подумалъ князевичъ, и ну звать ни помощь коровку-ноготокъ.

Цмокъ-цмоковичъ струхнулъ и давай свистать, — рать военную сзывать.

А коровка-ноготокъ какъ тутъ была, и махнувъ своимъ хвостомъ, убила цмока-цмоковича.

Между-тѣмъ собралась рать военная: тьма силачей-великановъ съ топорами и съ мечами кинулась на князевича...

Князь-князевичъ испугался... и забылъ о косникѣ... Тутъ коровка замычала; князь-князевичъ опомнился и сталъ махать косникомъ... Вотъ явилась тьма красавицъ водяныхъ, бѣлолицыхъ русалокъ, подь предводительствомъ семи сестеръ, и напали онѣ на великановъ; не побоялись ихъ мечей, острыхъ топоровъ; стали щекотать ихъ, и передушили молодцовъ.

Князь-князевичъ чуть живъ остался со страху; весь дрожалъ..., въ глазахъ его потемнѣло....

«Эхъ, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ! закричала коровка-ноготокъ: Опомнись!... пора дальше идти; неравно чаровница-сестра налетитъ, и пропадемъ мы здѣсь... Поскорѣй за мной!..

Пробѣжали подземелье... вотъ стѣна желѣзная, а на ней виситъ 12 мѣдныхъ замковъ... Тутъ коровка топнула ногой — отлетѣли замки, махнула хвостомъ — затрещали и распались на-двое стѣны, боднула рогомъ — и передъ ними засвѣтилась свѣтлица: то была княжны темница....

Посреди, на желѣзномъ столбѣ, сидитъ княжна, жена князевича, блѣдная и худая, вся закованная въ цѣпи и какъ-будто погружена въ сонъ.... солнце на лбу потускнѣло, звѣзды въ глазахъ померкли, а мѣ-

сяцъ вовсе не свѣтитъ на затылкѣ.... предъ княжною стояли два кувшина—полные слезъ....

Какъ увидѣлъ княжну царевичъ—князь, такъ и обмеръ весь, и, упавъ къ ногамъ ея, зарыдалъ, какъ дитя...

Тутъ княжна пробудилась, и увидѣвъ князевича, хотѣла броситься въ его объятія; но не могли встать за цѣпями, стала плакать и она, какъ дитя.

«Эхъ, вы—дѣти, дѣти!!!» закричала коровка—ноготокъ. Полно плакать, полно тужить; вамъ бы радоваться, а не горевать....

Сказавъ это, коровка страшно замычала, такъ—что стѣны задрожали, а княжна и князевичъ—князь чуть не померли со страху. ...

Не прошло и двухъ минутъ, какъ цѣпи зазвенѣли и распались на половину....

Вдругъ у княжны солнце на лбу ярко засвѣтило, звѣзды въ глазахъ засверкали, мѣсяцъ на затылкѣ ясно засіялъ...

Обнялись князь съ княжною и хотѣли благодарить коровку—ноготокъ....

Но коровка въ это время тряхнула головкой въ потолокъ, и исчезла изъ темницы....

А князь—князевичъ съ княжною—красавицей женою очутились въ своемъ дворцѣ и—какъ будто все это видѣли во снѣ....

Вотъ задали они у себя пиръ на весь мѣръ, и созвали гостей со всего свѣта; пригласили и меня.... Я тамъ былъ, медъ—вино пилъ, — по бородѣ текло, а во рту не было....

—

Что—же стало съ чаровницей—сестрой?

Чаровница—сестра отъ досады и злости провалилась въ пропасть и обратилась въ Черно—Море.

—

2. БѢЛОРУССКАЯ ЯРМАРКА.

Съ разсвѣтомъ дня, по всемъ дорогамъ, ведущимъ въ мѣстечко, тя-

нутя безчисленные ряды подводъ и фурманокъ съ сельскими продуктами, предназначенными для продажи, разныхъ формъ и величинъ возы съ живыми кабанамн, курами, гусями и индюками, крытыя и некрытыя брички, напичканныя *подпанками*, экономами и писарями, полотняныя буды, начиненныя тьмою темъ жидовъ съ грязными жидовками и жиденками, и въ заключеніе—оригинальные *облублицы* (особаго устройства и фасона телѣги изъ лубьевъ), на которыхъ возсѣдаютъ *паробки* (мужчины) и молодицы, хлопцы и дѣвки — въ праздничныхъ нарядахъ...

Къ 9-ти часамъ вся площадь мѣстечка, отъ одной корчмы до другой, наполняется народомъ.... Безчисленные возы цѣпляются колесами одинъ за другой, такъ-что нельзя свободно пройти между ними, а особенно близъ корчмы, гдѣ ранніе гости успѣли кой-что продать, и уже запиваютъ *магарычи* и дѣлаютъ дружескія *почестки* (угощенія). Начинается шумъ....

Къ полдню шумъ увеличивается; со всѣхъ сторонъ раздаются голоса людей и звуки животныхъ. Тамъ мужикъ спорить съ жидомъ; тамъ баба ругаетъ жидовку; тамъ волъ рыкаетъ; тутъ лошадь ржетъ; тамъ связанные на возахъ кабаны хрюкаютъ и визжатъ; тутъ коровы мычатъ, овцы и бараны блеютъ.... Какая разнообразная смѣсь физиономій, лицъ, голосовъ, разговоровъ, характеровъ, костюмовъ и головныхъ уборовъ!

Вотъ жида съ вѣсами на плечахъ, будто съ оружіемъ какимъ, шмыгаютъ межъ подводъ, и выискиваютъ на возахъ льну, грибовъ, и воску; вотъ — бѣлорусцы въ бѣлыхъ *свитахъ* (армякахъ) съ красными поясами, съ *калитой* (кожаная сумка), и *кресивомъ* (огнивомъ), и *папушею цюцюну* (свертокъ листоваго табаку) при бедрѣ, и вѣчною *мюлькой* (коротенькая трубка) въ зубахъ, дымящеюся подъ носомъ и то и дѣло гаснушею, — собираются въ кружокъ и дѣлаютъ складчину на обѣденную попойку. Вотъ *пиптоны* (такъ называются разнощики сѣмянъ изъ огурцовъ, моркови, цвѣтовъ и проч.) въ высокихъ войлочныхъ шляпахъ и огромнѣйшихъ сапогахъ, рѣзко отдѣляющіеся въ толпѣ своимъ ростомъ и костюмомъ, взявшись подъ руки, совѣщаются, какъ бы надуть эконома, или писаря дрянными сѣмянами.... Вотъ снуютъ изъ конца въ конецъ грязныя, оборванныя, жадныя жидовки, бѣлорускія молодицы въ платкахъ, съ улыбкою на губахъ и съ курами въ рукахъ; между ними пробиваются цыгане, съ черными, разстрепанными волосами.... А вотъ, наконецъ, горделиво выступаютъ презанимательныя пестрыя фигуры эконо-

номовъ, въ ушатыхъ шапкахъ, въ *шерачковыхъ* (изъ сѣраго сукна) сюртукахъ, съ березовыми палками въ рукахъ.... И все это, начиная отъ пряниковъ и баранокъ до возовъ и лошадей, все это движется, волнуется; переходитъ съ мѣста на мѣсто. Вездѣ звенятъ деньги; на лицахъ изображены: жажда корысти, надежда дешевой кукки, или восторгъ удачной продажи.

Среди рынка, въ шатрахъ изъ холста, а чаще изъ рогожъ, *русскіе* купцы развѣшиваютъ красные товары, привлекающіе и соблазняющіе взоры бѣлоруссянокъ.... Тутъ молодицы пожирающими глазами поглядываютъ на яркіе платки и огненного цвѣта ситцы, и вотъ развязываютъ узелки платковъ съ деньгами, для покупки недорогаго наряда, дѣбною проданныхъ нѣсколькихъ курей или откормленнаго теленка....

По сосѣдству съ русскими купцами расположились и плутоватые жидки съ купцами своими маленькими лавчонками; несмотря на крикъ и на гамъ со всѣхъ сторонъ, они постоянно зазываютъ къ себѣ всѣхъ прохожихъ, надѣдаютъ имъ предложеніемъ своихъ мелкихъ товаровъ, тащатъ cadaго за руки и за полы платья, дерутся, торгуются, и вмѣстѣ успѣваютъ давать покупателямъ сдачу....

Лавки русскихъ и жидовъ—рядомъ.... но молодицы и дѣвицы идутъ къ жидкамъ. — О!... жидъ владѣетъ притягательными средствами; ему знакомо сердце человѣческое по преданію; онъ изучилъ его вмѣстѣ съ Талмудомъ, подъ руководствомъ отца, а потому знаетъ всѣ широкіе и узкіе пути къ нему; онъ умѣетъ какъ-то особенно завлечь и убѣдить мужичка купить именно у него.... Завлекая такимъ-образомъ простака, онъ ласкаетъ его и голубить, называетъ нѣжными именами; расхваливая свои товары, прельщаетъ глаза, влечетъ сердце и дуритъ голову бѣдняка; онъ купилъ какую-то дрянъ у жида, а спросите, для чего онъ купилъ ее, такъ онъ самъ не отвѣтитъ себѣ на это; а между-тѣмъ никакъ не въ силахъ устоять противъ обольщенія жидовскихъ убѣжденій.

Послушайте, какъ славно умѣетъ жидъ задѣть мужицкое самолюбіе.

«Ну! говоритъ онъ умильно бѣлоруссянкѣ: развѣ ты пропадешь, обѣдишь, если купишь: ай—вей! такая малость! Да ваша экономка покупала этотъ же *сыць* (ситець), и куда дороже заплатила; это я тебѣ такъ дешево уступаю, для знакомства, да — души!... *майнемонесъ!*... кабы я пропавъ, коли лгу; съ убыткомъ уступаю, право съ убыткомъ — потому только уступаю, что остатки. Послухай мене ка-бѣта, не отходи. Ну, что? ай-вай! Развѣ-жъ ты не можешь имѣть то-

го, что и твоя экономиха? Эхъ-вай!... да ты и не узнаешь себя, какъ одѣнешся. Ну-ну!... бери! Я уже отрѣзаль, вотъ! носи на здоровье, годубка.»

— Да у меня грошей нима, отвѣчаетъ полуплачевно молодица, еще неуспѣвшая сбыть привезенныхъ продуктовъ.

«Ну такъ что-жь? приведи теленка, или десятокъ курей: я все возьму.... А съ подушнымъ можешь повременить, еще успѣешь собрать; ай-вай!... продай коровку, будутъ гроши и на подушное. И молодица тащить десятокъ курей, и возвращается домой съ краснымъ ситцемъ, но безъ денегъ, забывая въ восторгѣ, что ей завтра нужно представить оброкъ за больного мужа.

Немного дальше, въ огромномъ, открытомъ сундукѣ навалено множество свить, буроко и плащей; собравшіеся хлопцы все это разсматриваютъ, кой-что примѣряютъ и скалятъ зубы, слушая оболеетительныя похвалы жида-продавца. Одному изъ хлопцевъ больно понравилась бѣлая свитка съ синими шурками на воротѣ, онъ ужъ надѣлъ ее, торгуется около двухъ часовъ; ему очень хочется купить свитку, да жидъ плутъ, смекнулъ, въ чемъ дѣло, и заломилъ большую цѣну, а вдобавокъ, какъ на зло, расписываетъ, перевозносить чудную свитку....

— Славная свитка! говоритъ въ душѣ молодець, почесывая затылокъ: нужно купить!...

Жидъ точно побывалъ въ душѣ его, и давай еще болѣе заманивать хлопца.

— Ну вотъ! ну вотъ! говоритъ жидъ, глядя свитку и вмѣстѣ хлопца; совсѣмъ другой челоуѣкъ!... да ты домъ купишь, а не одежину.... а какъ гладка, а какъ крѣпка!! не износишь весь вѣкъ, дѣтямъ, внукамъ останется... айй пригожий дзѣцюкъ!! А—вей!! Ну что ты торгуешься еще? Я и такъ за-безцѣнъ уступаю такую славную одежку.... потому только, что ты старый мой знакомый. Ну-ну! бери, да плати!..

— Вынимаетъ хлопецъ гроши и платитъ за свитку послѣдніе рубли....

Еще дальше, возъ съ *кожурами* (тулупами), а за нимъ другой, на которомъ возвышается длинный щестъ съ парю черныхъ и смазанныхъ дегтемъ *чоботовъ* (огромные сапоги съ голенищами по колену). Тутъ ужъ глазѣютъ и зѣваютъ, такъ-называемые, *шераци*, то-есть, тѣ же мужики, но немножко умытые и обстриженные, въ шапкахъ съ козырькомъ, они смѣло подходятъ къ этому возу, и некупивъ ничего, подмигиваютъ на купца, щура правый глазъ. Это ужъ—нѣкотораго рода остряки ярмарочные.

А вотъ огромная, импровизированная на стѣнѣ корчмы лавка, съ безчисленными суконными и рипсовыми шапками, безъ козырьковъ и съ козырьками, съ плисовыми околышками и ушами по бокамъ... Оборванный жидъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ, похаживаетъ предъ своимъ товаромъ взадъ и впередъ, и поминутно стряхиваетъ пыль съ симметрично-развѣшанныхъ на деревянныхъ колкахъ разнородныхъ предметовъ своей торговли... Вотъ подходятъ попарно молодые хлопцы и облизываются послѣ съѣденнаго куска сала... Одни стоятъ въ своихъ старыхъ, *сермягахъ*, или даже, несмотря на лѣто, въ кожухахъ, развѣсивъ губы, другіе примѣриваютъ выбранныя шапки, разглядываютъ швы, шнуры, тесемки и поддѣльный плісъ... усмѣхаются, дивятся, совѣтуются другъ съ другомъ, и купивъ наконецъ *по-душѣ* шапку, отходятъ на площадку, подбоченясь одной рукой, постоянно расправляя другой на головѣ покушку и оглядываясь на все стороны:—не смотрятъ ли на его обновку молодлицы и красныя румяныя дѣвицы, не любитесь ли его шапкой вся почтенная ярмарка?...

Подъ возами съ продуктами въ мѣшкахъ и безъ мѣшковъ лежатъ ободья, косы, грабли, лыки, драни, веревки, лапти, коробки и предлинныя *лучники* изъ липовыхъ лубьевъ — это дымники, или каминны бѣлорусскихъ хатъ.... На возахъ, межъ мѣшковъ, сидятъ старухи въ *наметкахъ* (головной уборъ замужнихъ и старухъ), жуя *перепѣчку* (родъ алады) изъ пшеничной муки, и поджидая покупателей привезеннаго *збѣжья* (зерновой хлѣбъ)....

Возлѣ заборовъ топаютъ копытами откормленные вола, коровы и бычки; тоція лошаденки отъ духоты махаютъ вверхъ и внизъ мордами и сгоняютъ съ хребтовъ докучливыхъ мухъ и острожалыхъ оводовъ.... Продавцы, насушивъ брови, ищутъ глазами охотниковъ и скребутъ руками за пазухой... Вотъ подходитъ цыганъ... съ кнудомъ и съ разными принадлежностями самоучекъ—коноваловъ:—не спросясь хозяевъ, подходитъ къ лошадямъ и безцеремонно вздергиваетъ бѣднымъ животнымъ морды, и заглядываетъ имъ въ зубы... Вотъ раскланивается съ мужичками вѣжливый жидокъ, и называя хозяина разными сладкими, уменьшительными именами, тремлетъ рукой коровку, или бычка, и предлагаетъ самую ничтожную цѣну, общая дать въ придачу мѣрку водки и пару топоровъ...

Между-тѣмъ въ корчмахъ и стодолахъ загораются и дымятся ни зенькіе очаги; растянувшись во весь ростъ на землѣ, на полу, краснощекіе, загорѣшіе отъ солнца, господари — мужики, болъшею частію старики, грѣютъ зубы, курятъ цюционъ, варятъ ячменную кашу съ са-

ломъ и ворчатъ на оборвышей—жиденковъ.... А нѣкоторые, за непмѣ-
нiемъ мѣста въ корчмахъ, образуютъ очаги изъ наваленныхъ камней,
или просто раскладываютъ огни на концѣ мѣстечка, всего чаще надъ
рѣкой.... Но ужь никакъ Бѣлорусецъ не обойдется на ярмаркѣ безъ
очага и огня: это любимое его удовольствiе и наслажденiе зимою и лѣ-
томъ, въ лѣсу и на сѣнокосахъ, на пашнѣ и на почлегахъ....

Часу въ первомъ — собираются франты съ трубками въ зубахъ,
съ палками и арапниками въ рукахъ, которые составляютъ *высшiй*
классъ ярмарки;—потомъ, *пани и паненки застынковыя* (изъ око-
лицъ) въ шляпкахъ, капотахъ и нитяныхъ перчаткахъ... онѣ то-и-
дѣло осматриваются направо и налево, и подмѣчаютъ тайкомъ, не
поглядываятъ—ли на нихъ какой—нибудь околичной *панничъ* съ намаслен-
ными волосами и наваксенными сапогами....

Вечеромъ, физиономiя ярмарки измѣняется.

Какъ и все въ мiрѣ, при окончанiи и на прощанiи, уныло, печаль-
но, грустно и задумчиво, какъ печалень балъ, когда гаснуть свѣчи,
какъ уныла карточная игра, когда убираютъ карты и складываютъ
столики, какъ безцвѣтенъ кутежь, когда на полу валяются пустыя бу-
тылки, изломанные стулья и опрокинутые столы,—такъ точно печаль-
на, уныла и безцвѣтна бѣлорусская ярмарка при концѣ....

Увы!... какая странная картина!!

На площадкѣ, пьяные и забрызганные грязью мужики, спорятъ и
бранятся съ своими бабами, держась за ихъ руки и напѣвая какимъ-то
сильнымъ голосомъ, медленно и тихо, нескладныя пѣсни... У заборовъ,
жиды, застигнутые *шабасомъ*, торопятся паковать непроданные товары
и ругаютъ своихъ *балабостъ* (хозяйка, жена), зачѣмъ онѣ такъ мало
намаклачили у молодежи курей и цыплятъ, гусей и индѣекъ.

Въ корчмахъ валяются разбитые стаканы и рюмки, переломанные
скамьи и столы; грязи тма.... подъ лѣвками спать счастливые вакха-
нальцы. На окраинахъ мѣстечка—догораютъ разложенные огни и ды-
мятся незагащенные головни. По всему рынку валяются недоѣдки,
старые лапти, куски и лохмотья свитокъ.... Въ стодолахъ, по угламъ,
голодные псы лижутъ кровь зарѣзанныхъ барановъ....

Подъ заборомъ, гдѣ стояли волы и лошади, грязный цыганъ съ
цыганенкомъ, у котораго сквозь дыры кожуха вилятся лохмотья ру-
башки, шепчется съ богатымъ мужикомъ, который напрасно силится
высѣчь изъ кремня огня для своей люльки и едва держится на но-
гахъ. Двѣ цыганки, смуглыя, съ бѣлыми зубами и растрепанными чер-
ными волосами, съ родными дѣтищами въ мѣшкѣ, перекинутомъ чрезъ

плечо, помогаютъ цыгану дурачить опьянѣлаго мужика, и глядя его по бородѣ, выманиваютъ послѣдній грошъ за воровку....

Всѣ укладываются, суетятся и спѣшать домой.

Молодицы и краснощекія дѣвицы прощаются съ знакомыми мѣщанками и кумами, со сватьями и сосѣдками по деревнѣ.... обнимаются, целуются и садятся на возы, приговаривая: «*дзякуй вамъ* (благодаримъ) за всё».

«*Прабачайце* (извините), отвѣчаютъ мѣщанки.

— *Добра прабачаць* (хорошо благодарить) «*напѣвшия*», обыкновенно отвѣчаютъ отъѣзжающія молодицы, красныя дѣвицы...

Рынокъ пустѣеть....

По дорогамъ, по проселкамъ, мчатся *коломашки* съ околичными панами, подсакиваютъ брички съ ихъ панями, снуютъ пустые возы и колымаги, запряженные волами.

Такова бѣлорусская ярмарка!!..

3., КОЛЯДНЫЕ ПОВЕЧОРКИ.

(Вечерніе собраніе дѣвиць во-время рождественскихъ святокъ, оканчивающіеся съ разсвѣтомъ)

Повсемѣстный обычай въ Бѣлоруссіи.

Начиная со втораго дня рождественскихъ святокъ до Крещенья, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до Великаго-поста, устраиваются въ Бѣлоруссіи, у зажиточныхъ хозяевъ, и въ особенности у которыхъ много взрослыхъ дочерей,—такъ называемыя *колядныя повечорки*...

Наканунѣ дня, предназначеннаго для повечорокъ, дочь хозяина отправляется къ своимъ подругамъ и приглашаетъ ихъ на посидѣлки.... Несмотря на то, на повечорки могутъ входить и не приглашенныя дѣвицы.... Чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше.... Но ни одни повечорки не обходятся безъ холостыхъ парней: ихъ конечно не приглашаютъ, но они сами прокрадываются туда, тайкомъ отъ своихъ родныхъ и особенно отъ *бацьковъ* (отцовъ); ихъ влечетъ туда зазнобушка сердца, точно

какъ иного фрейта—въ танцевальное собраніе, или въ маскарадъ заманиваютъ глазки, или ножки столичной красавицы... Конечно, царней—буяновъ и *деруновъ* (охотниковъ до драки) не принимаютъ на повечорки.

У каждаго зажиточнаго домохозяина бываютъ по двѣ и даже по три комнаты, по этому для по вечерокъ избирается особая комната, чтобъ не беспокоить стариковъ—отцовъ, у которыхъ на этотъ разъ бываютъ своего рода собранія, состоящія въ благочестивыхъ разговорахъ и разсужденіяхъ о хозяйственныхъ дѣлахъ... Комната бѣлорускаго поселяннина стоить описанія: На стѣнахъ развѣшаны утиральники, а на нихъ вѣнки изъ цвѣтовъ, или изъ ржи и пшеницы.....

На *покуцѣ* (въ углу) подъ иконою стоитъ дежа, съ раствореннымъ тѣстомъ; на дежѣ лежитъ печеный хлѣбъ, прикрытый *обрусомъ* (скатертью); посреди комнаты возвышается длинный, узкій столъ, накрытый тоже обрусомъ, и заставленный блинами, колбасами, гречневиками, *пшенниками* (застывшая каша изъ проса, съ примѣсю меда), и другими кушаньями въ сухоматку;—вокругъ, возлѣ стѣнъ, прикрѣплены широкія лавки; у дверей *цеберъ* (ушатъ) съ водой; полъ изъ битой, утоптанной глины, но рѣдко у кого *помость* (полъ) изъ досокъ,—усыпанъ ельникомъ и аеромъ. Но особенно интересно освѣщеніе комнаты... Въ Бѣлоруссіи престо народѣ не знаетъ еще свѣчей: въ обыкновенное время тамъ жгутъ лучину... но во—время повечорокъ устраивается особеннаго рода очагъ, употребляемый впрочемъ у нѣкоторыхъ и во всякое другое время: изъ сдѣланнаго въ потолокъ, посреди, отверстія вертикально спускается до половины комнаты такъ называемый *лучникъ*, нѣчто въ родѣ трубы изъ липовыхъ лубьевъ, чѣмъ ниже, тѣмъ шире; къ оконечностямъ этаго лучника привѣшивается желѣзная клѣтччатая рѣшетка, на которой кладутъ *древки*, т. е. маленькія полѣнца, и постоянно расправляя ихъ, производятъ большое пламя, освѣщающее всю хату.....

Въ четыре, или въ пять часовъ вечера собираются красныя дѣвицы, въ бѣленькихъ сорочкахъ, съ широкими рукавами, застегнутыми у кисти рукъ *шпонками* (пуговицами), въ корсетахъ, *сподницахъ*, (верхнихъ юбкахъ), съ повязанными на головахъ бѣлыми холщевыми платочками... Каждая несетъ съ собою прялку, или перья домашнихъ птицъ, а въ *приполь* (передникъ) разныя закуски: колбасы, сало, блины и проч. Большею частію входятъ по нѣскольку вмѣстѣ и поютъ пѣсни... Нацѣловавшись вдоволь, размѣщаются по лавкамъ, и занимаясь каждая своею работою,—кто пряжею кудели, кто общипываньемъ перьевъ,—поочередіи разсказываютъ сказки о князьяхъ—богатыряхъ, о колдунахъ, приворожи-

вающихъ красныхъ дѣвицъ, о пѣдительной и живительной водѣ, о шапочкѣ—невидимкѣ и красавицахъ—бняжнахъ; когда натѣшатся сказками, предлагаютъ одна другой загадки; — потомъ поютъ; наконецъ гадаютъ... Звонкій, дѣвичій смѣхъ, развязная, свободная болтовня, шутливыя прибаутки, громкій говоръ, безъ спору, безъ дракъ, поминутно раздаются въ хатѣ, и при яркомъ, ослѣпительномъ освѣщеніи ея лучникомъ, бросающимъ пламя на лица веселыхъ, хохочущихъ дѣвицъ дѣлаютъ по вечерамъ бѣлорусскіе будто волшебнымъ, очаровательнымъ зрѣлищемъ....

Но вотъ являются въ новыхъ бѣлыхъ свиткахъ съ красными поясами и въ *магеркахъ* (особеннаго покроя шапки) *пригожіе хлопцы* (молодые парни), съ орѣхами, сушеными яблоками, съ пивомъ, солодухою и даже лубками меду въ рукахъ и въ карманахъ. На минуту все собраніе смолкаетъ..... Удивленіе!..... какъ будто никто не ждалъ парней. Неподдѣльная стыдливость и непорочность душъ красавицъ невольно вызываетъ на ихъ и безъ того алая щеки—яркій, какъ пламя, красный, какъ махровый макъ, румянецъ... Тишина!..... Только гдѣ нибудь вдали..... вылетаетъ тяжкій вздохъ изъ груди еиротки, оттого—что между вошедшими хлопцами нѣтъ ея милаго Василія, ненагляднаго голубка. За то, какая радость какое веселье и торжество неописанное выражаются во взорахъ тѣхъ счастливыхъ, къ которымъ пришли ихъ любые ненаглядные друзья.

Хлопцы ставятъ на столъ принесенныя угощенія и занимаютъ мѣста, возлѣ своихъ милыхъ избранныхъ... Будто нехотя, будто не соглядаясь, и даже отнѣживаясь для виду, избранныя чуть—чуть передвигаются на своихъ мѣстахъ, а все—таки усаживаютъ возлѣ себя пригожихъ хлопцевъ... Тутъ уже сцена перемѣняется... Образуются двѣ партіи. Одна—это дѣвушки безъ любимыхъ; другая—это дѣвушки съ пригожими хлопцами... Первая поетъ пѣсни, а вторая слушаетъ сказки и присказки своихъ богатырей.

Вотъ одна партія запѣла какую—то веселую пѣсню, по временамъ прерываемую смѣхомъ.... Другая... да вотъ — Кузьма рассказываетъ своей *Просѣ* (Ефросинѣ) сказку «про сѣраго волка,» про чародѣя, который сгубилъ однога парня, за то, что его полюбила дѣвушка, на которой онъ самъ хотѣлъ жениться... Кузьма—хлопецъ не дурень, — отъ сказки о волкѣ переходитъ къ разсказу о себѣ... и начинаетъ твердить *Просѣ*, какъ умѣетъ, о своей любви къ ней. — Смолкли пѣвицы... смолкло и все...; всѣ переглянулись..., кто покраснѣлъ, кто вздохнулъ. зачѣмъ онѣ смолкли? *Запльйце, дзъвочки еще! Запльйце, красачки, зляюльки!* раздаются голоса счастливицъ, и вотъ *красачки* опять поютъ, опять хохочутъ.....; счастливицы продолжаютъ

начатые разговоры,..... шепчутся съ своими любимы, поглядываютъ на нихъ умильно.... Вотъ Кузьма склонилъ уныло голову, опустилъ на колѣна руки, тяжело вздохнулъ и замолкъ..., потомъ, какъ бы пробудившись отъ долгаго сна, встрепенулся, протеръ глаза, и боязливо взглянулъ на любую свою Просю... Прося—на него: глаза ихъ горѣли сильнѣе пламени очага; руки ихъ скрестились; голова Проси машинально упала на плечо Кузьмы; изъ-подъ головного платка разсыпалась русая косица; — Кузьма обвилъ рукою шею Проси, вздохнула дѣвка, вздохнулъ Кузьма... Не выдержалъ хлопецъ: «*Прося!.. сердченько мое!*» сказалъ онъ со вздохомъ: *красачка моя! я тебе люблю... прападаю на тебя... Дарма што твое бацьки (отцы) не уладу зъ мамми... Просячка... сизачка!.. ци любишь ты меня, пригоженька, руса касица мая!...»*— *Люблю Кузьмку!... Люблю!!.. и ни за кого большъ не пайду!*... отвѣчаетъ Прося: *Бацьки не здоблюць (не станутъ духа) згубиць мене маладушку... Я за тебе только пайду, Кузьма!*... И Прося такъ взглянула на Кузьму, какъ-будто хотѣла отдать ему всю свою душу выразить все свои чувства и мысли....

И все это дѣлается при свидѣтеляхъ, въ присутствіи двадцати, или тридцати дѣвицъ и мужчинъ... Какая невинность!...

По временамъ, въ антрактахъ, хлопцы вѣтають съ своихъ мѣсть и потчуютъ любыхъ принесенными лакомствами; при этомъ не забываютъ угостить и тѣхъ, къ которымъ не пришли ихъ парни, или которыя не имѣютъ еще любыхъ... При потчиваніи наблюдается самая смѣшная церемонія: за каждымъ глоткомъ пива, или меду, непременно десять разъ спрашиваютъ каждую дѣвицу, и каждая дѣвица десять разъ откажется, а за одиннадцатымъ немножко выпьетъ; тоже самое бываетъ и при угощеніи блинами, колбасами и прочими кушаньями: постоянныя отговорки и постоянныя *принуканья* (просьбы)!.. то и дѣло слышны: *да нужбо... Насьцюха! да нужежъ Гапка (Агафья)! Чамужъ ба Яугиння, (Евгенія)??... Ануэтка—еще Гапуля!... не саромейся! — Не не буду! годзь будзе!* За то, кто больше и лучше умѣетъ просить, тотъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и извѣстенъ подъ именемъ *щыраго дзьюка* (щедрого молодца)... Объ немъ говорятъ послѣ другимъ дѣвицамъ, его расхваливаютъ предъ родными, и принимаютъ на всехъ игрищахъ, пляскахъ и хороводахъ...

Потомъ опять поютъ, опять веселятся, опять гадаютъ... опять заливаются звонкимъ, веселымъ смѣхомъ... Иногда, по временамъ, какъ бы желая развеселить какую-нибудь скучающую по своему парнѣ дѣвицу, ловкій хлопецъ, съ противоположнаго конца хаты обратится къ

ней съ слѣдующими словами: *Параска!*... а ну—отъ! *ададай за-гадку...* *Поуна хата людзей, ни аканъ, ни дзверей...* *Якъ ены улезли туды?*.. Бѣдная Параска мучится, ломаетъ голову; а тутъ вдругъ изъ другаго уголка... кто-нибудь крикнетъ: *гарбузь...* Параска покраснѣла..., многія разсмѣялись... Иногда, всеобщимъ хоромъ закричатъ: гадать! гадать!.. И вотъ въ одну минуту группируются посреди хаты, вокругъ лучника, дѣвки-дѣвицы; хлопцы вертятся на одной ногѣ и становятся на цыпочкахъ, стараясь стать одинъ выше другаго и увидѣть, что тамъ дѣлаютъ дѣвки-дѣвицы, ихъ вѣжныя голубицы... А дѣвки-дѣвицы жгутъ на лучникѣ клочки кудели (пряжи) и, судя потому, куда полетитъ зола, — вверхъ въ трубу или осядетъ на желѣзной рѣшеткѣ, заключаютъ объ исполненіи своихъ желаній,—ну конечно—о выходѣ, или о невыходѣ замужъ въ томъ году...

Непозже десяти, а очень рѣдко одиннадцати часовъ, — бѣлорусская компанія уменьшается: хлопцы, нечего дѣлать, хоть нехотя, убираются во свояси, а дѣвушки, распростившись съ ними, ложатся спать *въ покатъ*, т. е. все вмѣстѣ, въ одинъ рядъ, на полу, разумѣется устланномъ, сѣномъ, принесеннымъ услужливыми парнями;... легли-то онѣ спать, но не спятъ долго-долго и о чемъ-то перешептываются..... Многія, а по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя... не могутъ опомниться отъ дѣвственнаго восторга, которому предавались онѣ назадъ тому нѣсколько минутъ, подъ вліяніемъ искреннихъ и цѣломудренныхъ рѣчей своихъ любимыхъ, и глаза ихъ долго-долго не могутъ сомкнуться: имъ видятся и грезятся хлопцы-молодцы.... Онѣ мечтаютъ... Да, мечтаютъ!.. Только мечты ихъ слишкомъ невинны и не простираются дальше счастья любви и замужества....

Лучникъ гаснетъ, но не потушается; затанвавшая гдѣ-нибудь въ пеплѣ маленькая головня тлѣетъ и по временамъ вспыхиваетъ синева-тымъ огонькомъ...: но потомъ снова распространяется въ комнату мракъ... мало-по-малу все замираетъ и стихаетъ: въ хатѣ мертвая тишина... Красавицы засыпаютъ....

Ровно съ появленіемъ первой зари хлопцы-молодцы уже на ногахъ... и съ цѣпами въ рукахъ, подходятъ къ дому спящихъ дѣвъ...; и разбудивъ ихъ, и пожелавъ имъ добраго утра, отправляются на гумно молотить рожь въ снопахъ; а красавицы — дѣвицы, протирая одной рукой глазки, а на другой покачивая головки, очень-сладко и пріятно потягиваются... Наконецъ и онѣ встаютъ....

Умывшись и Богу помолвившись, принимаются опять за пряжу, опять за скубку перьевъ, и такъ проводятъ время до самаго разсвѣта, при

томъ же освѣщеніи и при тѣхъ же пѣсняхъ и сказкахъ, какъ и наканунѣ, только ужъ безъ хлопцевъ—молодцевъ...

Но вотъ свѣтаетъ... свѣтъ огня отъ лучника тускнѣетъ при свѣтѣ Божьемъ; дѣвицы собираютъ свои пралки, коробочки, узелки, и расходятся по домамъ, съ радостью во взорахъ, съ улыбкою на устахъ и восторгомъ въ сердцѣ... И всѣ онѣ бодры, и всѣ здоровы!

И опять поютъ дорогой, опять слышенъ звонкой ихъ смѣхъ, опять раздается громкій говоръ ихъ по всѣмъ улицамъ деревни ...

СМЪСЬ.

БЪЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ЕЯ СКАЗНАХЪ.

4. СВАДЕБНЫЕ ОБЯДЫ У ПОСЕЛЯНЪ МОГИЛЕВСКОЙ И МИНСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

Свадьбы у бѣлорусскихъ поселянъ обыкновенно устраиваютъ осенью, по совершенной уборкѣ хлѣба съ полей. Женихъ и невѣста большею частью бываютъ изъ одной деревни и одного помѣщика, рѣдко изъ разныхъ селъ и разныхъ владѣтелей, а потому и родные жениха и невѣсты находятся въ одной съ ними деревнѣ. Обыкновенно, невѣста поступаетъ въ домъ родителей жениха, но въ случаѣ престарѣлости родителей невѣсты, нуждающихся въ помощникѣ для поддержанія большаго и хорошо подготовленнаго хозяйства, и женихъ поступаетъ въ семью невѣсты (поступаетъ въ *примы*), отчего и называется *примакѣмъ* (то-есть принятымъ въ чужой домъ, на готовое хозяйство).

Свадьбѣ всегда предшествуетъ сватовство; причемъ, само-собою разумѣется, неизбѣжны *сватки* и *свахи*, между которыми занимаетъ пер-

воемѣсто и въ-продолженіе всѣхъ свадебныхъ обрядовъ, играетъ важную роль *сватъ*: ему подчинены сватки и свахи, которыхъ обязанности неопредѣлены. Что-же касается до свата, то его должность очень многосложная и даже трудная, какъ увидимъ дальше. Для этой должности родные жениха, или невѣсты избираютъ семьянина среднихъ лѣтъ, но не молодого и не старика, потому-что молодой не можетъ пользоваться такимъ довѣріемъ и уваженіемъ, какимъ пользуется человекъ, напри-мѣръ, лѣтъ сорока, а старикъ не въ силахъ нести трудныя обязанности свата, которыя требуютъ постоянныхъ движеній, ходьбы, живости и развязности. Избранный въ сваты долженъ быть человекъ зажиточный, честный, не пьющій, кромѣ-того—остроумный, весельчакъ и краснорѣчивъ. Такъ-какъ съ подобными качествами не очень-много людей найдется въ деревнѣ, то болѣею частью одинъ и тотъ-же сватъ избирается для каждой свадьбы, и ужъ такъ и извѣстенъ на всю деревню подъ именемъ свата, а дѣти его подъ названіемъ *свацуконъ*.

Для сватовства, неизвѣстно почему, назначаются *четверги* и *субботы*. А потому, въ эти дни, дѣвицы, ожидающія прихода свата, стараются какъ можно въ болѣе чистой и опрятности содержать отцовскій домъ и самихъ себя. Надѣваютъ потоньше бѣлье и получше верхнее платье; головы повязываютъ бѣлыми платочками; косы заплетаютъ розовыми лентами; ноги обуваютъ въ цвѣтные чулки и козловые съ подковками башмаки.

Свадебные обряды состоятъ изъ *малыхъ и большихъ запойнъ, змовинъ, печенія короваевъ, приѣма жениха, выкупа и одѣванія невѣсты, поѣзда, вяселья* и *переносинъ*.

МАЛЫЯ ЗАПОЙНЫ.

Вечеромъ, когда ожидаютъ *свата* (а ожидаютъ потому, что заблаговременно узнаютъ о приходѣ его), вся семья и собравшіяся родственницы старухи сидятъ вокругъ стола и дружески разговариваютъ, кромѣ *дѣвицы-невѣсты*, которая постоянно ходитъ изъ угла въ уголъ и — то убираетъ лежащее на мѣстѣ платье, то разставляетъ на *палитцѣ* (доска при стѣнѣ) посуду, то поправляетъ дурно-горящую лучину и тому подобное. Вотъ является *сватъ*, останавливается посреди комнаты, разкланивается на всѣ стороны; но никто не обращаетъ на него вниманія, и особенно дочь хозяина, которая на ту пору еще болѣе суетится и почти бѣгаетъ изъ угла въ уголъ. Хозяинъ первый, сидѣвшій до того задумчивымъ, нѣсколько приподнимается съ своего мѣста и довольно-хладнобровно привѣтствуетъ свата: «Садись, сосѣдушка! будешь гостемъ

у насъ!» «Спасибо», отвѣчаетъ свать; сидѣли дома... не затѣмъ я пришелъ, чтобъ сидѣть только... Дѣло вотъ въ чемъ:

Нашему молодцу полюбилась ваша дочка — невѣста:

Даль-бы Богъ, чтобъ и вашей дочкѣ понравился нашъ молодецъ.

Тогда хозяинъ подходитъ къ свату, беретъ его подъ руку, и указывая на *пѣкуцъ* (первое, почетное мѣсто въ углу комнаты подъ образами), умильно проситъ посидѣть. Свать безотговорочно садится на указанномъ мѣстѣ. Между-тѣмъ, *дѣвица-невѣста* незамѣтно выбѣгаетъ изъ комнаты и отправляется къ ближайшимъ родственницамъ—дѣвицамъ, а если ихъ нѣтъ, къ коротко-знакомымъ подругамъ и съ ними приходитъ домой; но онѣ не входятъ въ комнату, а забираются въ *истобку* (комнатка и вмѣстѣ съ тѣмъ кладовая, раздѣленная отъ главной комнаты сѣнями), и тамъ шепчутъ межъ собой. Въ отсутствіе невѣсты, хозяинъ спрашиваетъ свата о цѣли его посѣщенія. Свать исчисляетъ качества и богатства юноши, котораго прочитъ его дочери въ мужья, и по-своему описываетъ счастье, какимъ будетъ наслаждаться его дочь, вышедши за такого парня, которымъ не нахвалятся родные и вся домашняя *челядь* (прислуга) его. Но лишь только возвратившаяся дѣвица скрипнетъ дверьми въ истобкѣ, свать прерываетъ начатый разговоръ, и поглядывая на двери комнаты, спрашиваетъ хозяина: «Что жъ это, кажется, не всѣ дома?.. Гдѣ ваша *кράля?*» Хозяинъ отвѣчаетъ: «Извѣстно — молодежь... ей бы всё бѣгать!» Въ эту минуту старухи начинаютъ шептаться между собою, и потомъ, одна за другою выходятъ въ сѣни, съ намѣреніемъ вывести изъ истобки дѣвицу-невѣсту: это дѣлаютъ онѣ нѣсколько разъ. Наконецъ, входитъ въ комнату дочь хозяина въ сопровожденіи подругъ. Всеобщее молчаніе... Всѣ смотрятъ на нее; а она, потупивъ въ землю глаза, становится въ *качерѣжникъ* (уголъ возлѣ печки, гдѣ хранятся: помело, нѣсколько ухватовъ, чепела и кочерга) и начинаетъ ковырять пальцами въ стѣнѣ... Старухи шепчутъ между собою; отецъ не сводитъ глазъ со свата... Свать обращается къ невѣстѣ съ слѣдующими словами: «а что-жъ NN (такая-то), вѣдь я не даромъ (не безъ причины) забрелъ къ вамъ!»—Дѣвица молчитъ и продолжаетъ ковырять... Тогда отецъ ея говоритъ: «Нечего брезгать: дѣтина—молодецъ, безъ всякой *разрухи* (недостатка); не пьяница, не *гайдамакъ* (волокита), не воръ, — хорошей семьи дитя. Ну что-жъ ты скажешь на это, *дачушка* (доченька)? Отвѣчай: вѣдь ты ужъ не ребенекъ.» Молчаніе... Мать повторяетъ тоже. И вотъ, дѣвица, вполголоса, почти шопотомъ отвѣчаетъ, глядя на стѣну: какъ вамъ угодно, мои милые родители.—Нѣтъ, моя родная! возражаетъ отецъ, — скажи

на прямикъ, нравился-ли тебѣ предлагаемый женихъ NN (такой-то)? Мы тебя не неволпмъ, ты намъ не въ тягость; мы тебя не выгоняемъ изъ дому; не для того мы тебя *годовами* (ростили), чтобъ насильно отдавать замужъ, а ты бы послѣ пѣняла на насъ за это Скажи же намъ, что ты думаешь.» Дѣвица несмѣло поворачивается лицомъ къ народу и сквозь зубы говоритъ: «Что жъ дѣлать? если ужъ такъ непремѣнно нужно праздновать этотъ праздникъ, такъ будемъ праздновать.» и затѣмъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ. Тогда свать встаетъ изъ-за стола, подходитъ къ невѣстѣ, пожимаетъ ей руку и подводитъ къ столу, на который кладетъ пироги, сыръ, масло и разное печиво мясное; потомъ наливаетъ въ миску водки, и бросаетъ туда серебряную монету. Между-тѣмъ хозяйка наскоро жаритъ яичницу и потчуетъ свата.

Въ это время подруги невѣсты поютъ:

Сягодня заручники
 Богъ намъ давъ;
 Працівъ надзельки
 Богъ намъ давъ,
 Ишли дары на три сталы:
 Таму-сяму на падаарачку,
 Нашему NN (такому-то)
 Три падаарачки
 Богъ яму давъ:

Азинь падааракъ — залаты перьсень,
 Другй падааракъ — шавковая хустка,
 Треци падааракъ — красная NN (такая-то)
 Залаты перьсень — на мѣнянья,
 Шавковая хустка — на уциранья,
 А красная NN (такая-то) на кахѣнья.

А дѣвица-невѣста приносить рюмку, или деревянный кубочекъ, и подаетъ съ поклономъ свату. Свать черпаетъ изъ миски водку и пьетъ за здоровье нареченной невѣсты, та — за здоровье отца, отецъ — за здоровье жены своей, жена — за здоровье родственницъ, родственницы — за здоровье подругъ невѣсты, а тѣ — за здоровье челяди; — потомъ закусываютъ. Опорожненную миску, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ монетъ, хозяйка заворачиваетъ въ полотенце и отдаетъ свату, который, раскланявшись на всѣ стороны, отправляется домой.

Тѣмъ оканчиваются малыя запоины, послѣ которыхъ свадьба можетъ и не состояться. Но въ случаѣ, еслибы невѣста, или ея родные вздумали разстроить свадьбу послѣ *большихъ запоинъ*, то обязываются непременно уплатить свату издержки. Слѣдствіемъ нарушенія данного слова послѣ большихъ запоинъ бываетъ вѣчная ненависть и вражда родныхъ жениха къ роднымъ невѣсты.

Но если нѣтъ повода нарушать данное слово послѣ малыхъ запоинъ, то все время отъ малыхъ до большихъ запоинъ проводятъ въ пирушкахъ. Невѣста пользуется особенными ласками и уваженіемъ родныхъ. Родители приглашаютъ къ дочери двухъ подругъ ея, которыя неотлучно находятся при ней и поютъ пѣсни до самыхъ переносинъ; эти подруги называются *бальшанками*.

БОЛЬШІЯ-ЗАПОИНЫ.

Спустя недѣлю послѣ малыхъ запоинъ слѣдуютъ *большія*, или такъ называемая *великая-гарелка* (много водки). Тутъ уже сватъ прѣзжаетъ съ нареченнымъ женихомъ, который привозитъ *биклагу* (деревянный сосудъ, въ родѣ малаго боченка) водки. На эту церемонію, кромѣ родныхъ, собирается нѣсколько постороннихъ лицъ, по преимуществу стариковъ и старухъ, для *смотря и оцѣнки жениха*. Вечеромъ, подаютъ ужинъ изъ горячихъ кушаньевъ: всѣ садятся за столъ, кромѣ жениха, который, стоя, угощаетъ гостей своею водкою. Послѣ ужина, мать невѣсты завертываетъ пустую биклагу, съ нѣсколькими серебряными монетами, въ полотенце и возвращаетъ жениху. За тѣмъ, всѣ расходятся *.

Въ слѣдующее послѣ большихъ запоинъ воскресенье, отецъ невѣсты отправляется въ ближайшее мѣстечко, для закупки свадебныхъ нарядовъ для дочери. По возвращеніи его, когда онъ входитъ съ покупками въ комнату, бальшанки встрѣчаютъ его разными пѣснями, въ которыхъ говорится или о состояніи сердца влюбленной дѣвицы, или о достоинствахъ жениха, или же — о томъ и другомъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Мѣжи новыхъ клѣтачакъ
 Сцѣжачки памяцѣны;
 Хтожъ ихъ тамъ памятавъ?

* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссін этотъ обрядъ совершается иначе. См. Журн. Мин. Нар. Пров. 1846 г. Кн. 4. Прибавл.; мою статью: *Бѣлорус. Народ. Пѣсньры*. XXII. Слово — *Дзъвол*, подъ псевдонимомъ *Древлянскаго*.

NN (такая-то) памята́ла;
 Яна́ къ сабѣ гасьцей ждала:
 Да ждала не даждала,
 Да у татульки пытала:
 «Да татулька роднивьки!
 Ты учора на таргу бывъ,
 Ци ня видзивъ NN (такого-то)?»
 — Да дзѣцятка рѳдная!
 Хоць, видзивъ—не знаю.
 «Якжа ягѳ нипазнаци?
 Самъ-сѳмъ паяжджя́я,
 Падъ имъ коникъ брѳя,
 Капытомъ землю крѳя;
 Вушками веѳ чу́я,
 Бо́чками звѳзды лича.»
 — Правда, учора на таргу я бывавъ,
 Я табѣ вянѳчакъ старгававъ,
 Да зъ руты, да зъ мяты,
 Да зъ бѳлай лялѳя,
 Да зъ чирвѳнай шапѳры,
 Што ни дожджикъ ягѳ не замѳча,
 Да ни сонца ягѳ ня зу́ша,
 Да ни вѳтрикъ ягѳ не звѳя;
 Вѳтрикъ павѳя—лялѳя;
 Сонца пригрѳя—юнь спѳя;
 Дожджикъ пакрѳпе—пазлѳце.

Въ промежуткѣ между большими запѳиннами и змѳвинами, невѳста занимается легкими работами: вышиваетъ красными нитками узоры на рукавахъ и воротникахъ своихъ рубахъ, тчетъ свадебный обрусь и приготавлиетъ пояски; ей помогаютъ большанки, и тутъ же поютъ пѳсни.

ЗМОВИНЫ (сговоръ).

На пятый день послѣ большихъ-запѳинъ, утромъ, бываютъ змѳвины, на которыя, по личной просьбѣ невѳеты съ большанками, собирается чуть-ли не вся деревня, не говорю уже о томъ, что приходять и приѳзжаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ селъ все родные невѳеты съ малыми дѣтьми... Такъ-какъ отецъ и мать невѳеты заняты разными совѳщаніями со сватомъ и свахами, то на родныхъ лежитъ обязанность забо-

тятся о размѣщеніи и подчиваніи гостей и поддержаніи разговора между ними. Предметъ этихъ совѣщаній тотъ, что уговариваются: — сколько пригласить на свадьбу гостей, какъ ихъ угощать, какую набрать дружину къ свадьбѣ для жениха, сколько печь *короваевъ* и сколько кому раздать подарковъ.

На змѣины прежде всѣхъ приходятъ, или пріѣзжаютъ родные невесты, затѣмъ посторонніе. Наконецъ, являются свать и женихъ съ своею *дружиною*, которую составляютъ: три свахи, одна — крестная мать, а прочія двѣ—сестры или близкія родственницы его; два *дружка* (шафера), изъ которыхъ *старшій*—братъ его, а *младшій* — *музыка* (т. е. скрипачъ или вообще музыкантъ); четыре *поддружка* или *нампстника*, и, наконецъ, крестный отецъ, который вводитъ жениха въ комнату подъ-руку и садится съ нимъ за столъ, не ожидая приглашенія хозяевъ. Свать несетъ водку и разныя холодныя закуски для всего общества, а *жѣтникъ* (ржаной пирогъ) для *бабки* невесты (если бабки нѣтъ въ живыхъ, то ея мѣсто занимаетъ дочь, или ближайшая родственница).

При входѣ жениха, большанки, держа невесту за руки, поютъ:

Пріѣхали заручники
Чаму яны безъ дудачки?
NN (такая-то) ня удѣвачка
Захочецъ пагуляць,
Таткавъ дворъ равнаваць
Ножками, астрѣжками,
Чорнымі чабатамі
Зъ маладымі дзѣцюкамі.

Тутъ музыка начинаетъ играть, а большанки поютъ снова:

Ать-жé-жъ табъ галубдкь
Уведзѣна галубка
Кали еé любишь, дай пирогъ!
(Женихъ подаетъ невестѣ пирогъ)
Кали ня любишь, то вонъ за парогъ!
Не хвалися, што у насъ бывъ,
Што нашей NN (такой-то) ня злюбивъ.

Невеста кланяется всѣмъ въ ноги, большанки поднимаютъ ее; потомъ, подходятъ къ одной изъ *молодицъ* (молодая замужняя женщина) и просятъ принять ее подъ свое покровительство.

Послѣ этого всѣ садятся. На первомъ мѣстѣ—женихъ; рядомъ съ нимъ—сватъ и дружки; дальше—отецъ и мать невесты; еще дальше—крестные отецъ и мать жениха и наконецъ свахи. На противоположной сторонѣ стола, противъ жениха—невеста; противъ свата—старшая бальшанка; противъ старшаго дружки—младшая бальшанка; противъ музыки или младшаго дружки—молодица, и т. д. Начинаются угощенія. Сватъ наливаетъ водку и пьетъ за здоровье матери невесты; мать, выпивши, накрываетъ рюмку бѣлымъ платкомъ и передаетъ свату, который, спрятавъ платокъ, пьетъ за здоровье невесты. Потомъ, невеста подаетъ рюмку съ краснымъ платкомъ старшему дружкѣ, который, спрятавъ платокъ, пьетъ за здоровье невесты; съ такимъ же платкомъ подаетъ невеста рюмку и младшему дружкѣ, который пьетъ за здоровье молодицы, а та—за здоровье жениха; женихъ—за здоровье старшей бальшанки, та—за здоровье музыки и подаетъ ему *ноясъ* невестинной работы; музыка передаетъ рюмку невестѣ, которая пьетъ за здоровье свата, тотъ—за здоровье ея отца; отецъ—за здоровье жениха; женихъ—за здоровье крестнаго отца своего, тотъ за здоровье матери невесты; мать невесты—за здоровье крестной матери жениха; та—за здоровье бабки, а бабка—за здоровье свахъ.

Затѣмъ, молодица разстилаетъ на столѣ бѣлый платокъ: жеппхъ и невеста кладутъ на немъ кольца. Бальшанки и дружки поднимаютъ платокъ съ кольцами и опускаютъ его прежде надъ головою жениха, а потомъ надъ головою невесты; всѣ встаютъ. Отецъ и мать, поднявъ вверхъ руки, произносятъ: «Боже благослови! Дай, Господи, имъ счастье и добрую долю!» Молодица надѣваетъ кольцо невесты на палецъ жениха, а сватъ—кольцо жениха на палецъ невесты. Вслѣдъ за этимъ, молодица даритъ невесту башмаками; невеста не принимаетъ сначала, но когда сватъ скажетъ: «Я бы не совѣтоваль пренебрегать этимъ добромъ; пригодятся башмачки для бѣленькихъ твоихъ ножекъ.» какъ-бы нехотя беретъ и передаетъ старшей бальшанкѣ, при чемъ, отворотившись къ стѣнѣ, и закрывъ глаза руками, плачетъ. Бальшанки поютъ:

Не сядзи, красачка, бокамъ:

Гета табѣ ни знарокамъ;

Сядзь сабѣ прасцьюсенька,

Будзе табѣ милосенька!..

Послѣ трехкратнаго повторенія этой пѣсни, женихъ беретъ за руку невесту, и въ сопровожденіи бальшанокъ, крестной матери, музыки

коровайницъ и коровайниковъ (т. е. назначенныхъ для заквашиванія и печенія короваевъ), вмѣстѣ съ нею переходить въ *свѣтлицу*.^{*} Въ свѣтлицѣ все приготовлено для закваски короваевъ: на деревянномъ крестѣ стоитъ дежа (квашня); возлѣ дежи, на скамьѣ, лежитъ крышка, а на ней — коробка съ мукой и ведро съ водой... Крестная мать невѣсты (а если ее нѣтъ, то какая-нибудь пожилая женщина) беретъ въ одну руку ковшъ воды, въ другую горсть муки, и три раза произносить слѣдующія слова: «Съ нами Богъ! Отецъ, мать, родные и близкіе сосѣди, старики и бабки, дѣтки и все добрые люди! благословите коровай красной дѣвицы.» Затѣмъ растворяетъ тѣсто. Коровайники и коровайницы ставятъ дежу съ тѣстомъ въ теплое мѣсто, близъ печки. При этомъ дѣвицы поютъ пѣсни и все возвращаются въ главную комнату, гдѣ ихъ поздравляютъ съ удачнымъ растворомъ короваевъ, и потчуютъ медомъ. Потомъ гости расходятся по домамъ.

ПЕЧЕНІЕ КОРОВАЕВЪ.

Вечеромъ того же дня приходятъ къ невѣстѣ дѣвицы, свать, коровайницы и коровайники. Коровайники берутъ дежу, и обнесши ее три раза вокругъ стола, ставятъ, на крестообразной подкладкѣ, у самой печки. Тутъ свать потчуетъ гостей водкой, а хозяева — закусками. Старшая коровайница поетъ:

Благославице людзи

Близкіе сусѣдзи

Гэтаму дзицаци

Каравай замясиць

Ручками белѣнькими,

Персеценьямі залацѣнькімі,

Пѣсьнямі вяселѣнькімі!..

..... Маладыя маладзицы!

Пѣсьни пѣць.

Удалые малайцы!

Каравай печь...

Пять коровайницъ поочередно мѣсятъ тѣсто; послѣ чего закрываютъ дежу крышкой и кладутъ на ней разные подарки для невѣсты. Не-

^{*}). Домъ бѣлорускаго поселенца (конечно не самаго бѣднаго, у котораго не бываетъ такого свадебнаго торжества) состоитъ изъ главной, большой комнаты, *дымника*, *свѣтлицы* (чистой, не дымной комнаты), *истопки* (кладовой) и *кльци* (лѣтней спальни).

вѣста поклонами благодарить за подарки, а бальшанки и прочія дѣв-
цы, приплясывая, поютъ:

Каравай у дзяжй играецъ,
Да вѣка паднимаецъ,
Каравайницъ жидаецъ.
Гаспадынячка нѣтка!
Варочайся хѣтка...
Уже на дварѣ вечаръ,
Каравай нашъ на пѣчахъ.

Пляски и разныя пѣсни продолжаются до-тѣхъ-поръ, пока тѣсто
совершенно поднимется. Тогда старшая изъ коровайницъ, пропѣвъ:

Заступъ, Божа, зъ неба.
Якъ намъ цяпѣръ треба;
Памагавъ замясиць,
Памажи и усадзиць —
Ручками бялѣнькими,
Перьсцеными залацѣнькими,
Пѣсьнями вяселѣнькими...

начинаетъ дѣлать короваи.

Короваевъ дѣлается нѣсколько. Одинъ, самый большой, въ видѣ
полумѣсяца, — для жениха и невѣсты; другой, въ родѣ *перанѣчи*
(плоскаго пирога), для гостей; третій, небольшой, круглый, предназна-
чается исключительно для бабки; четвертый, треугольный, для невѣ-
сты, — съ нимъ она отправляется первый разъ стирать въ рѣкѣ свое
бѣлье. На каждомъ изъ этихъ короваевъ дѣлаются изъ тѣста же раз-
ныя фигурки. Кромѣ-того, дѣлаются маленькіе короваи, называемые
кросками, для коровайницъ и коровайниковъ, для дѣтей и челяди.
Короваи сажаютъ въ печь коровайники лопатой, а вынимаютъ ухваты-
ми коровайницы. Невѣста не участвуетъ въ печеніи короваевъ.

Покамѣсть короваи пекутся, дѣвѣцы пляшутъ и поютъ.

Хвалажъ Богу, што мы дзѣла зрабили,
Каравай усадзили,
Ручками бѣлѣнькими,
Перьсцеными залацѣнькими,
Пѣсьнями вяселѣнькими...

На дварѣ яварѣ сякуць,
 А у хатачку тресачки лятуць;
 Кала явару тресачки,
 Кала караваю маладзички.
 Першая квятка
 Наша N N... (такая-то).
 Да багатъ яе татка, багатъ;
 Добра пшаница, што у навинѣ,
 Да вялікіе стырты у гумнѣ,
 Повныя засѣкы у клѣццѣ.
 Падышовѣ каравай у дзяжы,
 Зашумѣвѣ каравай у дзяжы.
 Да чаму яму не пачыся:
 Харошая учиняла,
 Румяная мясила
 Госпада Бога прасила,
 Кабъ нашѣ каравай удавця,
 Кабъ нашѣ каравай красенѣ спѣкся,
 Кабъ наша N N (такая-то) весела была.
 А ніхто не угадае
 Што у нашымъ караваѣ:
 Дзевяці пудоў мукы,
 Васѣмні кароў масла,
 А яецъ павтараста.
 Зѣ суботы на нядзелю
 Сабралася N N (такой-то) радзіна (родныя),
 Зняслижъ яны семѣ ситѣ мукы на каравай.
 Хвалажъ Богу! вялікіе будзе каравай.
 Зняслижъ яны семѣ дзежакъ масла на каравай.
 Хвалажъ Богу! пушанѣ будзе каравай.
 Зняслижъ яны семѣ ситѣ яецъ на каравай. —
 Хвалажъ Богу! румянѣ будзе каравай,
 Хвалажъ Богу! добра спячетца нашѣ каравай!

(Кромѣ гэтой, поюць і другія пѣснi).

Когда коровай испекутся, вынимаютъ прежде крошки и откладываютъ ихъ въ сторону; потомъ большіе короваи, которые кладутъ на крышкѣ отъ дежи и переносятъ, поя пѣснi, въ клѣть, гдѣ хозяева угощаютъ трудившихся медомъ и лакомыми, сладкими кушаньями.

Въ одно и тоже время и въ такомъ же количествѣ пекутся корован и въ домѣ родителей жениха.

Жениху обыкновенно даютъ знать, когда испекутся корован у не- вѣсты, и вотъ онъ, съ дружиною, отправляется къ ней.

Предъ выходомъ, разряженнаго жениха* сажаютъ на коробку съ рожью; крестная мать подстригаетъ ему волоса на маковкѣ, а сестра подсмаливаетъ на затылкѣ восковою свѣчою. Въ это время свахи поютъ:

Сабрався раѣчакъ
 Да у цѣмны кутóчакъ,
 Хочеть палецѣцъ на щире бары.
 На жовтые цвѣты,
 На салодкіе мяды.
 Сабрався NN... зъ сваей дружиной:
 Хочеть іонъ паѣхаць
 Тесьценку зваеваць
 (Такую-то NN...) къ сабѣ узяць.

Затѣмъ, вся дружина на нѣсколько минутъ садится за столъ, и, взявъ по куску хлѣба съ солью, отправляется навстрѣчу свату. Мужчины садятся верхомъ на лошадей, а женщины помѣщаются на возахъ. Мать жениха надѣваетъ вывороченный волосами *кожуухъ* (тулупъ), три раза обходитъ вокругъ лошадей и сыплеть на поѣзжанъ овсомъ, до-тѣхъ-поръ, пока старшій дружка не прогонитъ ее кнутомъ. Дорóгой, свахи поютъ пѣсни.

Посреди деревни, на лошади встрѣчаетъ дружину свать, и всѣ вмѣстѣ, съ пѣснями, подѣзжаютъ къ дому невесты; ихъ встрѣчаетъ на порогѣ часть невестинной дружины.

ВЫКУПЪ НЕВѢСТЫ.

Въ то время, какъ одна часть невестинной дружины встрѣчаетъ дружину жениха, другая, — состоящая изъ самой невесты, балшанокъ, подругъ и брата ея, остается въ комнатѣ. Невѣста садится на скамью съ старшею балшанкой. Изъ свѣтлицы выходитъ братъ невесты (т. е. старшій дружка) съ ржанымъ пирогомъ, ковшомъ воды и березовою

*) Женихъ одѣтъ въ новую, бѣлую *свиту*; на головѣ шапка, отороченная бараньимъ мѣхомъ, съ кокардою изъ красной ленты; на шеѣ бѣлый платокъ, къ концамъ котораго привѣшиваются разноцвѣтныя тесьмы.

вѣткою, и поклонившись сестрѣ, окропляетъ ея голову водою, а пирогъ кладетъ у ея ногъ. Бальшанка накидываетъ на нее платокъ; невеста плачетъ; потомъ, дружка беретъ ее за руку, и ведетъ на *посадъ* (т. е. въ уголъ подь образа), гдѣ, сказавъ три раза: «Съ нами Богъ! Отецъ и мать, родные и близкіе сосѣди, старики и бабки, дѣтки и всѣ добрые люди! помогите невестѣ помолиться», подходитъ къ дверямъ и окропляетъ водою дружину жениха. Сватъ отвѣчаетъ на это: «Боже благослови!» А невеста, стоя у порога, въ объятіяхъ бальшанки, закрытая платкомъ, сквозь слезы говоритъ: «Добрый вечеръ людямъ добрымъ, женамъ вѣрнымъ, дѣткамъ маленькимъ! Сосѣдушки мои! Пожалуйте ко мнѣ на сватьбу.» Затѣмъ, бросается въ ноги матери, припѣвая: Мамачка моя! благослови меня на *посадъ* съестъ, на божье мѣсто, подь высокимъ окномъ, подь небеснымъ покровомъ, гдѣ Богъ судилъ, гдѣ люди велѣли. Дѣвицы это же самое поютъ.

Дружина жениха какъ бы не слушаетъ приглашенія невесты — войти въ комнату и остается у дверей. Тогда отецъ, мать и бальшанки ведутъ невесту назадъ въ комнату, и не затворивъ за собою дверей, садятъ ее за столомъ, на вывороченномъ кожухѣ. Сватъ съ дружками жениха входитъ въ сѣни съ пирогомъ, и три раза говоритъ: «Добры вечеръ свячѣной хацѣ, хрищоному міру! Пришовъ малады князь да маладой князи: еещъ тутъ дзѣвка заручѣна, кабъ намъ была выдадѣна! Ци чѣли?» Бальшанки два раза отвѣчаютъ: «Ня чѣли (не слышали).» Наконецъ, послѣ третьяго вопроса, отвѣчаютъ: чѣли! Тогда старшій дружка, одѣтый въ вывороченный кожухъ, подходитъ съ плетью на средину комнаты, кладетъ на печь пирогъ, а на столъ нѣсколько монетъ. Потомъ входитъ другой дружка и хватаетъ невесту за руку; бальшанки отталкиваютъ его и сбрасываютъ со стола деньги.

Начинаются споры дружекъ съ бальшанками. Старшій дружка уговариваетъ бальшанокъ взять деньги и выдать невесту; младшій прибавляетъ еще нѣсколько монетъ и тоже хватаетъ невесту за руку; бальшанки и прочія дѣвицы держатъ невесту за ноги, за руки и за шею, такъ-что дружки никакъ не могутъ вырвать изъ ихъ рукъ невесту. Тогда старшій дружка ударяетъ плетью по столу, и невеста падаетъ предъ нимъ на колѣна.

Начинаются угощенія; музыка изо всѣхъ силъ играетъ; дѣвицы поютъ пѣсни.

ПРИЕМЪ ЖЕНИХА.

Послѣ этого слѣдуетъ пріемъ жениха. Дружки выносятъ въ сѣни

столь и ставятъ его у порога; за ними идетъ мать невесты въ вывороченномъ кожухѣ, съ хлѣбомъ, солью и водкою; потомъ, держа *кубокъ* (рюмку) въ рукѣ, привѣтствуетъ будущаго зятя: «Зяценьку! пью на кабѣ повнымъ кѹшкамъ, добрымъ здоровьемъ; што мысля сабѣ, то и табѣ»; выпивъ, подаетъ жениху. Женихъ беретъ водку и выливаетъ чрезъ голову; такъ дѣлаетъ два раза; третій разъ беретъ рюмку, и отпивъ немножко волки, бросаетъ въ рюмку нѣсколько монетъ, потомъ отдаетъ тещѣ, которая вышиваетъ водку до дна и забираетъ деньги. Въ тоже время крестные отцы поднимаютъ вверхъ завернутые въ обрусы короваи жениха и невесты, съ произношеніемъ словъ: «мой бѣльшій!» и потомъ кладутъ ихъ на столъ, одинъ на другой, — коровай невесты внизу, а коровай жениха — сверху; затѣмъ, выносятъ короваи въ клѣть.

Свахи убираютъ столы и просятъ гостей въ комнату. — Входятъ: впереди — женихъ, за нимъ свать, дальше старики, свахи и парни... ихъ встрѣчаютъ дѣвѣцѣ пѣснями.

Затѣмъ слѣдуютъ угошеніе и пляски...

ОДѢВАНЬЕ НЕВѢСТЫ.

Невесту сажаютъ на коробкѣ съ рожью, покрытой вывороченнымъ кожухомъ, и прежде-всего, убираютъ ей голову. Сплетаютъ двѣ косы и на макушкѣ пригрѣпляютъ вѣнокъ изъ лентъ. Потомъ надѣваютъ бѣлую исподницу, такой же съ красными каемками фартукъ, — цвѣтной корсетъ, и наконецъ изъ синяго сукна свитку. Въ такомъ нарядѣ ведутъ ее за столъ и поютъ:

(Такая-то NN) за столъ идзецъ

Адзѣжку на плечахъ нясець.

Дзѣвачки дръжачки,

Ня трице адзѣжки,

Ба ня тутъ яна справляна.

Шили яѣ Кравцы нѣмцы,

Брали сукно ў Кралѣвцы,

У Кралѣвцы у гóрадзѣ

Прислана дзѣвцѣ моладзѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ — собираются въ церковь.

Невеста подходитъ къ образамъ, и припавъ на колѣна, сквозь слезы поетъ:

Таткавъ куточакъ
 Божи дамочакъ!
 Благаслави да шлюбу ступиць!
 Кали ты благаславишь,
 Самъ Богъ благаславиць...

Потомъ падаетъ въ ноги отцу, матери, всеѣмъ роднымъ и наконецъ жениху.

Всеѣ плачутъ, кто изъ любви къ невѣстѣ, а кто по принятому обычаю.

ПОѢЗДЪ (то есть поѣздка въ церковь).

Женихъ и дружки ѣдутъ впереди, верхомъ на лошадяхъ; за ними, на возахъ, невѣста съ большанками, далѣе старики и старухи, и такъ далѣе... Садясь на возъ, невѣста кланяется на всеѣ стороны. *Поѣздъ* отправляется.

Если приходится ѣхать мимо мельницы, мельникъ заставляеть окна въ плотинахъ; невѣста бросаетъ поясъ, и окна открываются.

Приѣхавъ въ церковь, невѣста становится возлѣ стѣнки, съ подругами. Выходитъ священникъ; женихъ, поклонившись невѣстѣ, беретъ ее за руку и ведетъ къ наою; — большанки подетилають имъ подъ ноги полотенце.

Изъ церкви молодые со сватомъ отправляются съ поклономъ къ священнику, и потомъ, весь поѣздъ свадебный спѣшитъ въ домъ родителей невѣсты.

ВЯСЕЛЬЯ (т. е. свадебная пирушка).

По возвращеніи изъ церкви, жениха съ дружками сажаютъ на покутъ, а невѣсту съ большанками возлѣ печки; подаютъ молодымъ яичницу и велеть имъ ѣсть одной ложкой. Прочимъ подносятъ разныя другія кушанья.

Начинаются игрища, пляски, въ промежуткѣ которыхъ мать сажаетъ къ себѣ на колѣни дочь-невѣсту; дочь поетъ:

Мая мамачка
 Приступи къ столачку
 Къ маймому словечку!
 Ня сына женишь

Не нявѣтку бярешь;
 Меня маладзеньку аддаешъ.
 Мая мамачка! штожъ табѣ лягчей —
 Ци малую было гадаваць,
 Ци цяпѣрь за сулѳня аддаваць?...

Подходить къ невѣстѣ женихъ, и приговаривая: (такая-то NN!) пью на цябѣ повнымъ кўпкамъ, щирымъ сердцамъ, добрымъ здаровьемъ: што мысляю сабѣ, то и табѣ!», пьетъ за ея здоровье. Невѣста отвѣчаетъ: «чужи чужанчикъ! ня пій на мяне, пій самъ на сябе, на сваю сястру, што для цябе сядзиць, што съ табою гавориць.» — Женихъ отходитъ на свое мѣсто.

Въ это время дѣвицы поютъ пѣсни.

Потомъ, старшій дружка беретъ невѣсту подъ руку и ведетъ на покуць къ жениху.

Сѣвъ между мужемъ и старшей большанкой, невѣста поетъ:

Цяпѣрь я сѣла мижъ шишїинничку,
 Мижъ крашивки: жижка-крапивка
 Пажигаць будзецъ, сухи шишїивниникъ сушиць будзя.
 А мой татачка! аддавай и пытай:
 Кабъ не прапою,
 Кабъ не разбою.
 Кали прапою, ў карчмѣ прапеець,
 Кали разбою, на дарожцѣ забеець. —

Отець невѣсты подходитъ къ жениху и говоритъ: «зяцелька! даю табѣ дачку не храмую, не слѣпую. Кали не будзе слухаць — вазьми нитку, навяжи на сѣломку, да дай-дай! А кали и таго не паслухаецъ, вазьми гужъ, да дай-дай гўжамъ, кабъ звала мўжамъ!»

Потомъ, мать жениха подходитъ къ невѣстѣ, обстригаетъ у нея волосы, и кладетъ на голову три небольшихъ клочка льну, а сестра жениха бросаетъ въ печку обстриженные комки волосъ. Свахи снимаютъ ленъ, и зашивъ его въ *тканку* (кусокъ сукна), подаютъ невѣстѣ, которая обязана хранить эту тканку всю жизнь.

Затѣмъ надѣваютъ невѣстѣ чепецъ; невѣста три раза сбрасываетъ его съ головы — разъ на печь, другой — подъ скамью; третій разъ хочеть выбросить за окно, но свахи не позволяютъ и какъ бы насильно надѣваютъ чепецъ, а сверхъ чепца — *наметку* (головной уборъ замужнихъ женщинъ) при чемъ поютъ:

Хвала жъ табѣ, Боже, надѣли (NN такой-то) чапѣць
 Да не кидай жа ягѣ на печь...
 Улажили (такой-то NN) тканку,
 Да не кидай жа падъ лавку;
 Чарнѣць (NN такой-то), чарнѣць *
 Да улаживъ ёй чапѣць
 Да на чапчикъ — намѣтку,
 Прибравъ якъ лябѣдку.

Тогда бальшанки и прочія дѣвницы, хлопая въ ладоши, подбѣгаютъ къ жениху, и ударяя его по рукамъ, поютъ:

Бярї, блазньнѣкъ, бярї,
 Да умѣй шанаваци,
 Якъ рѣднующю маѣци,
 Якъ вишаньку у сѣдзѣ,
 Якъ пчолачку у мѣдзѣ.
 У насъ была работница,
 У васъ будзець свавольница;
 У насъ была — ткала и пряла,
 У васъ будзець пашихайла...

Теща подходитъ къ молодому съ крышкою отъ квашни, кладетъ на ней трубку полотна, а тесть цѣльную булочку хлѣба и немного соли, и сказавъ зятю: «дарю тебя, дитятко, хлѣбомъ-солю», — кладетъ на хлѣбъ деньги, съ прибавленіемъ слѣдующаго замѣчанія: «на это не надѣйтесь, да пораньше вставайте, другъ-друга берегите!

Въ это время, старшій дружка становится на скамью, съ зажженою лучиною въ рукѣ, и махая ею въ воздухѣ, приглашаетъ присутствующихъ *дарить невѣсту*. — Невѣста сидитъ, закрытая намѣткою, и не видитъ, кто что даритъ ей. — Дарятъ — деньгами, поясами, платками, наметками, башмаками и пр...

Забравъ подарки, молодая идетъ къ образамъ, и павъ ниць, сквозь слезы поетъ:

Таткавъ кутѣчакъ,
 Божи дамѣчакъ,
 Заставайся здоровъ,
 Живи багата.

* Чарнець, т. е. брюнетъ.

Затѣмъ, молодая прощается съ своими родителями и прочими родными.—Наконецъ, все садятся на нѣсколько минутъ, потомъ — свахи провожаютъ молодыхъ на дворъ, съ слѣдующимъ приѣвомъ:

Вотъ табѣ, мамка, шишка у пѣтки,
Што нема каму мясьці хѣтки.
Ой цяжка табѣ бѣдзя безъ дачкѣ:
Парастуць па-за лѣвкой казлячкѣ.
Людзямъ трѣба у боръ хадзиць,
А табѣ будуць па-за лѣвкой радзиць.

ПЕРЕНОСИНЫ (т. е. переездъ невесты къ жениху).

Наступаетъ окончательный отъездъ молодыхъ. Въ телѣгу, на которой должны ѣхать молодые, кладутъ подушку и бѣлую рубаху, завязанные въ простыню краснымъ поясомъ. Молодая садится вмѣстѣ съ мужемъ и поетъ:

Таткава нѣвка! да не улекѣйся:
Радзила при мнѣ, радзи и бязъ мянѣ,
Добрая доля да идзи за мной—
Съ печи пламенѣмъ,
Зъ хаты каминѣмъ.

За молодыми ѣдутъ и идутъ прочіе и поютъ на все село.

Приѣхавъ къ самому дому, останавливаются предъ порогомъ и ожидаютъ, пока хозяйка выйдетъ съ крышкою отъ квашни. Завидѣвъ свекровь, молодая подходитъ къ ней и кланяется; свекровь, касаясь крышкою головы молодой, говоритъ ей: «Свекровь учитъ свою невестку:— не расхаживай, невестка, по селу, не пересуживай моей семьи, не смѣйся надъ обѣдомъ, не брезгай ужиномъ!» Молодая кладетъ на крышку завернутый въ полотенце пирогъ, и вмѣстѣ съ мужемъ, за свекровью входитъ въ комнату, гдѣ бросаетъ на печку соль.

Гостей потчуютъ водкой, пивомъ и разными закусками. Молодымъ большанки подносятъ хлѣбъ съ медомъ, приговаривая: «Слацко! сладко!»

Начинаются пѣсни и пляски.

Между-тѣмъ, сестра жениха приготовляетъ въ банѣ, или въ *осети* (сушильня) постель, а на порогъ у дверей кладетъ козую шкуру. Входятъ молодые и перескакиваютъ черезъ козую шкуру.

Спустя нѣсколько времени, молодой оставляетъ свою жену и является въ главную комнату къ гостямъ.

Скоро потомъ является въ комнату и молодая, — только безъ наметки...

Родители ведутъ молодыхъ въ клѣть, потчуютъ ихъ сладкою водкою и ячницею. Изъ клети молодой, вмѣстѣ съ дружкой и, если есть, съ братомъ своимъ, отправляется къ тещѣ съ подарками. Теща принимаетъ и угощаетъ ихъ какъ нельзя лучше; молодаго дарить свиткою, а его брата *рукавицами*. — Потомъ возвращаются назадъ.

Ихъ встрѣчаетъ съ поклонами молодая и ведетъ въ клѣть, гдѣ, при молодицѣ и другихъ нѣкоторыхъ замужнихъ женщинахъ, хвалится предъ мужемъ своимъ приданымъ, сложеннымъ въ *кублѣ* (кубелъ, — нѣчто въ родѣ коммоды, или шкафа круглаго), состоящимъ изъ бѣлья, одежды, посуды, холста и проч., а мужъ дарить ее деньгами. Разсмотрѣвъ приданое, всѣ входятъ въ главную комнату и начинаются пляски.

Въ минуту разгара плясокъ, *приданки* (т. е. тѣ замужнія женщины, которыя показывали молодому приданое молодой) не замѣтно выводятъ молодую въ сѣни и надѣваютъ ей снова наметку, припѣвая:

Пасярóдь хаты етайць печь,
 Ня умѣла NN (такая-то) печь перапечь;
 Нѣчага на яé дзивавáць,
 Ба недавна стала жанавáць (женой быть).
 Учóра была дзѣвóю,
 А сегодня—жанóю...
 Якъ мы захацѣли,
 Такъ мы нарадзили,
 Зь жита палавiцу,
 Зь дзѣвки маладзицу.

Затѣмъ входятъ въ комнату, гдѣ молодую встрѣчаетъ мужъ съ метлою, и потомъ, сѣвши за столъ, ставитъ метлу въ углу, за собою. — Отецъ молодаго взбирается на скамью, снимаетъ съ молодой наметку, вѣшаетъ ее (т. е. наметку) на образахъ, потомъ беретъ метлу и выгоняетъ новобрачныхъ изъ-за стола. Молодая *должна выскочить* прежде молодаго, и скачетъ черезъ столъ, потомъ кланяется родителямъ и всѣмъ гостямъ; Раскланявшись гостямъ, молодая раздаетъ дѣтямъ пояски. Послѣ этого свекровь и свѣкоръ водятъ невѣстку по всему дому и показываютъ новое ея хозяйство.

По осмотрѣ хозяйства, опять начинаются пляски, игрища и даже

шалости. Бальшанки скачуть по скамьямъ и стараются что-нибудь сломать или разбить. Дружки ловятъ курей, и зарѣзавъ просятъ тотчасъ сварить...

Музыка и пляски продолжаются до разсвѣта.

Наконецъ—все смолкаетъ: гости расходятся и разѣзжаются.

Прощаясь съ бывшею своею подругою, бальшанки и прочія дѣвицы, обнявъ ее, поютъ (молодая плачетъ):

NN! (такая-то) сестрица наша
 Стань же ты у канца стала,
 Хаця мы наглядзімся,
 Пакуль мы разѣдзімся.
 NN! сестрица наша!
 Ужожъ мы дамóвъ ѣдзімъ,
 Мы цябе научаемъ:
 Уставай ранюсянька,
 Мый лавки бялюсянька,
 Мяці хату чісьцюсянька,
 Кабъ табъ не ушкáli,
 Што мы у цябé гулялі...

На другой день, новобрачные приглашаютъ къ себѣ въ домъ старыхъ людей: крестныхъ родителей, тетокъ, дядюшекъ и другихъ, которые приносятъ съ собою пироги съ макомъ и съ медомъ, алады, разныя жаркія и прочее, и угощаютъ новобрачныхъ.

ПАВЕЛЪ ШПИЛЕВСКІЙ.

СМЪСЬ.

БѢЛУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ.

5. МЕДВѢЖЬЕ-УШКО.

Преданіе витебской и отчасти смоленской губерній.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридцать земель, за сто морей,—далеко, далеко — не видать отсюда, жили—были *дѣдъ* и *баба* *. Долго жили они поживали, а дѣтей не приживали: не тужили они объ томъ и горя никакого не видали, — жизнь ихъ была веселая...

Но потомъ почему—то взгрустнулось бабѣ: отчего у нея нѣтъ дѣтей; хоть бы, кажется, найти гдѣ—нибудь сына...

* *Дѣдъ* и *баба* въ белорусскихъ сказкахъ значать мужъ и жена, но отнюдь не старикъ и старуха.

Вотъ, однажды, дѣдъ и баба пошли въ лѣсъ, грибы собирать; набрали грибовъ вдоволь, и хотѣли было идти домой... Вдругъ, откуда ни возмись, изъ земли высккиваетъ мальчикъ съ пальчикъ и давай ласкаться къ бабѣ.

— Ахъ, какой крошка! сказала баба, глядя мальчика по головкѣ: какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть такого мальчика... Мальчикъ съ пальчикъ! хочешь быть моимъ сыномъ?

— Ахъ, мамочка дорогая! я безродный сирота; нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни родныхъ, ни кровныхъ; — я очень радъ быть твоимъ сыномъ... Только смотри, мамочка золотая, люби-жалуй меня, а не то я брошу тебя... Я сѣумѣю полюбить, да сѣумѣю и разлюбить, если ты огорчишь меня...

Сказавши это, мальчикъ съ пальчикъ вспрыгнувъ къ бабѣ на плечо и спрятався за пазуху...

Возвратились дѣдъ и баба домой...

Мальчикъ съ пальчикъ соскочилъ на полъ, и въ тужъ минуту выросъ вдвое больше противъ прежняго...

Не налюбуется баба ненагляднымъ сыномъ, не отпускаетъ его отъ себя ни на шагъ, все играетъ съ нимъ да кормитъ его разными сластями и пряничками...

Проходитъ день-другой, недѣля, мѣсяцъ—годъ: мальчикъ растетъ не по днямъ, не по недѣлямъ, а по часамъ... ровно чрезъ годъ изъ мальчика вышелъ славный, красивый дѣтина...

Заговорили въ околицахъ про такого бабина сына: все дивились, изумлялись, гдѣ нашла баба такую находку...

Были разные люди и сосѣди... Не поладила какъ-то баба съ сосѣдкою — знахаркою, чаровницею — *вовкалаткою* (могущею превращать людей въ животныхъ, и особенно въ волка — см. Москвит. 1853 г. № 5, стат. о *вовкалакахъ*)... поссорились какъ-то онѣ съ собою... Вотъ озлилась чаровница-вовкалачка и задумала сгубить бабина сына...

Заманила она его къ себѣ на игрище;—у нея дочь красавица... напояла его *землемъ* приворотнымъ, и думала, что превратила его въ медвѣдя. Да дѣтина, зная, былъ себѣ на умѣ, побѣжалъ въ лѣсъ, и набѣся какихъ-то кореньевъ; не пошло въ прокъ чаровницыно зелье, да бѣда вотъ какая вышла: опоздалъ немного дѣтина — и не зашилъ кореньевъ березовымъ сокомъ; вотъ и остались на немъ слѣды чаръ знахарскихъ; — вмѣсто лѣваго уха человѣческаго образовалось у него медвѣжье-ушко... да вдобавокъ, вмѣсто волосъ на головѣ, явилась какая-то щетина.

Призадумался дѣтина, и не зналъ, являться-ли къ бабѣ съ такимъ ушкомъ... Ну, да неча дѣлать, пошелъ наконецъ.

Какъ увидѣла баба ушко и щегину, взвизгнула и въ ту же минуту возненавидѣла дѣтину... стала бить, гонять и ко всякимъ труднымъ работамъ приноравливать...

Съ этихъ поръ прозвала баба дѣтину Медвѣжьимъ-Ушкомъ, и такъ стали звать его все сосѣди, злые и добрые люди...

Погоревалъ Медвѣжье-Ушко, — да и привыкъ къ своему горю; думалъ, что авось баба смилуетя надъ нимъ и полюбитъ его попрежнему, какъ роднаго сына...

Не тутъ-то было... и любить не полюбила, а задумала, какъ бы со свѣта сжить урода... И давай приставать къ дѣду, чтобъ онъ посылалъ дѣтину на самыя тяжкія работы, въ лѣсъ дрова рубить, камни съ полей свозить и изъ дальней рѣки воду въ домъ таскать. Надивиться не могъ дѣдъ такой бабиной злости; сталъ просить, уговаривать, да куды — баба такъ уперлась ногами и руками, что, радъ не радъ, а дѣдъ пустился въ плясъ по бабиной дудкѣ...

Загоняли дѣдъ и баба всеѣмъ Медвѣжье-Ушко; терпитъ все бѣдняжка, исполняетъ самыя трудныя работы... Но наконецъ не стало у него силъ; а главное, ужъ слишкомъ баба взвѣлась противъ сиротки ушка...

Разъ какъ-то баба говоритъ дѣду: Чтѣ хочешь дѣлай, а Медвѣжье-Ушко сгуби со свѣту; мнѣ житье не въ житье съ тобою; не сгубишь его, такъ я сама погибну... Испугался дѣдъ, и не зналъ, какъ на душу тяжелой грѣхъ взять... Чтѣ тутъ дѣлать?

— Эхъ ты дѣдъ неразумный, недогадливый! Трудно тебѣ придумать... Такъ слушай же, вотъ чтѣ ты сдѣлай... Есть за нашу оклицею, за рѣкою Бѣлорусцею, преогромное-огромнѣйшее болото; ни добратся туда, ни заѣхать туда нельзя. Въ томъ болотѣ есть мельница-самолица, безъ воды и затворовъ, безъ жернова и безъ крыльевъ; а въ той мельницѣ живетъ старый *вѣдмаръ* (вѣдунъ, колдунъ) мельникъ; о немъ разсказываютъ страшныя были, ни придумать, ни сгадать, чтѣ за дива; — пошли туда Медвѣжье-Ушко, онъ тамъ положить свои косточки; да не посылай съ рожью, али съ другимъ какимъ зерномъ, а пошли съ камнями и пескомъ... чтобъ не пропало наше *збожье* (зерновой хлѣбъ) въ вѣдмарскомъ болотѣ...

Исполнилъ все дѣдъ, какъ сказала баба: насыпалъ мѣшки камнями и пескомъ, запрягъ старую, негодную клячу, и отправилъ въ путь-дороженьку Медвѣжье-Ушко...

Вотъ ѣдетъ Медвѣжье-Ушко, подъѣзжаетъ къ рѣкѣ Бѣлорусицѣ,

перевъзжаетъ чрезъ рѣку, и вздумалъ отдохнуть... да и лошадекъ-клячонекъ нужно было дать травки поѣсть...

Лошадь щиплетъ траву, а Медвѣжье-Ушко думаетъ тяжкую думу...

Вдругъ слышитъ, подъ колесомъ его телѣги что-то пищитъ.. Ушко слѣзъ съ телѣги, смотритъ: свѣтящійся, какъ алмазъ, червячокъ ежится освободиться изъ-подъ придавившаго его колеса...

— Ахъ, бѣдный алмазикъ-червячокъ!! дай-ка я тебя спасу отъ смерти...

Сказавъ это, Ушко поднялъ колесо, и червячокъ выползъ.

— Чѣмъ отблагодарить тебя, добрый дѣтина, круглый сиротина, говорить свѣтлякъ... Пожалѣлъ ты меня, пожалѣю и я тебя... Ты не думай, что я червячокъ не могу помочь твоему горю: твое горе мнѣ знакомо... Тебя мать приемная сгубить хочетъ; она шлетъ тебя на вѣдмарскую мельницу: тамъ съѣстъ тебя мельникъ злой, онъ ужъ ждетъ тебя... Брось ты эти мѣшки, въ нихъ — не зерна, а камни, не рожь, а песокъ... Отпусти лошадку на Божій свѣтъ, пусть она живится травкою... А ты вотъ лучше отправляйся въ путь-дорожку: мой совѣтъ благой, хочешь-слушайся, хочешь-нѣтъ; я червячокъ не простачокъ, помянешь меня добрымъ словомъ...

Были на Божьемъ свѣтѣ, въ разныхъ земляхъ, три княжны и три князевича: — не влюбилъ ихъ злой человекъ, чаровникъ заклятой, *зачаровалъ* ихъ всѣхъ и разослалъ ихъ въ разныя мѣста... Трехъ се стерь поселилъ въ подземныхъ царствахъ, одного брата проглотилъ, а двухъ осудилъ на горемычную жизнь... Одного превратилъ въ старика-кузнеца, а другаго — въ алмазнаго-червячка... Этотъ-то червячокъ я самъ... Если хочешь, спаси меня, моего брата и трехъ сестеръ-княжонъ, а въ награду ты одну въ жены возьмешь.

— Я готовъ послушать твоего совѣта, отвѣтилъ Медвѣжье-Ушко: не знаю, только алмазный ты червячокъ, какъ же сдѣлать мнѣ такъ, чтобъ избавить васъ всѣхъ отъ злаго колдуна...

— Мнѣ только нужна твоя охота, а тамъ я тебѣ во всемъ буду помогать... Не даромъ у тебя Медвѣжье-Ушко, въ немъ заключается вся сила... Я залезу въ это ушко, и тогда ты ступай куда глаза глядятъ... Все пойдетъ какъ нельзя лучше... Прилягъ къ землѣ...

Дѣтина прилегъ, червячокъ вползъ въ его ушко и сталъ щекотать его... Дѣтина почувствовала страшную дрожь: все тѣло его затряслось — дѣтина какъ-будто переродилась... Откуда взялась крѣпость, сила и ловкость...

— Ну ступай теперь назадъ, сказалъ червячокъ, улегшись въ уш-

кѣ: и прямо въ дубовый лѣсъ... тамъ увидишь кузницу... веди кузнецу сдѣлать желѣзную булаву.

Медвѣжье-Ушко поворотилъ назадъ, и не успѣлъ сдѣлать два шага, какъ очутился передъ кузницею... Навстрѣчу ему вышелъ сѣдой старикъ въ лохмотьяхъ: то былъ кузнецъ...

— А, здравствуй Медвѣжье-Ушко!.. Чтѣ тебѣ нужно?..

— Да вотъ чтѣ мнѣ нужно: сдѣлай-ка мнѣ желѣзную булаву, да покрѣпче, а не то я пожалуюсь на тебя алмазному-червячку...

— А!.. ты знакомъ съ алмазнымъ-червячкомъ?.. Хорошо, изволь; садись отдохни...

Въ одно мгновеніе явилась булава... Медвѣжье-Ушко подбросилъ ее вверхъ, булава, упавъ на камень, согнулась и нѣсколько сплюснулась...

— Ну, нѣтъ, кузнецъ ты плохой; негодится эта булава, дѣлай другую...

Кузнецъ сдѣлалъ другую, но и та оказалась негодною...

Наконецъ, сковалъ кузнецъ третью булаву; Медвѣжье-Ушко подбросилъ ее подъ облака; булава ударилась объ камень, но такъ и отскочила.

Тогда Медвѣжье-Ушко, взявъ булаву, отправился дальше...

Шелъ-то онъ, шелъ, да не чувствовалъ никакой усталости: чтѣ ступить, то новое царство, чтѣ шагнуть — новое государство... Прощедши два *песчанья* царства, Медвѣжье-Ушко встрѣтилъ какого-то великана.

— Кто ты такой? спросилъ онъ великана.

— Да я *Верни-Гора*... Во мнѣ столько силы, что могу передвигать съ мѣста на мѣсто и совершенно уничтожить горы...

— Ну хорошо! пойдемъ вмѣстѣ.

Великанъ согласился, и вотъ пошли они вмѣстѣ...

Идутъ, да идутъ, проходятъ четыре *водяныя* царства, встрѣчаютъ какого-то исполина съ деревянными ногами...

— Кто ты такой, спросилъ его Медвѣжье-Ушко, и куда идешь?

— Да я искалъ тебя, Медвѣжье-Ушко; я слышалъ, ты идешь въ подземныя царства спасать, трехъ сестеръ княженъ красавицъ. — Меня зовутъ *Верни-Дубъ*, я могу съ корнемъ вырвать всякое дерево; возьми меня съ собою, я пригожусь тебѣ и *Верни-Горѣ*...

Медвѣжье-Ушко охотно согласился на такое предложеніе, и вотъ — идутъ втроемъ.

Идутъ да идутъ; проходятъ восемь *льсныхъ* царствъ...

На концѣ восьмага царства, въ густомъ, непроходимомъ лѣсу — видать, стоитъ *хатка* на куричьей ножкѣ...

Въ это время, червячокъ пошевелился въ ушкѣ дѣтины: «Отдохни, говоритъ, здѣсь; тутъ узнаешь, что за люди эти твои товарищи?.. Да смотри будь смѣлѣе, не жалѣй своей булавы...»

Вотъ входятъ все трое въ хатку.

— Ну, говоритъ Медвѣжье-Ушко Верни-Горѣ, оставайся здѣсь, а мы съ Верни-Дубомъ пойдемъ дорогу прочищать; приготовь намъ кушать...

Медвѣжье-Ушко и Верни-Дубъ вышли, а Верни-Гора сталъ стряпать кушанье. Кушанья были готовы, и Верни-Гора, въ ожиданіи товарищей, легъ было отдохнуть... Но въ эту минуту вдругъ кто-то постучался у дверей хатки...

— Кто тамъ? спрашиваетъ Верни-Гора.

— Отвори, а нето я тебя проглочу...

Верни-Гора не отворилъ, но отъ сильнаго толчка незнакомца двери хатки сами собой распахнулись... Вошелъ маленькій старичокъ, *самъ съ ногомъ, борода по локоть, а пуга съ пугавьемъ* (кнутъ съ рукояткою) *на семь сажень...*

— Давай кушать! закричалъ старичокъ; а не то я тебя самого проглочу...

Но Верни-Гора не хотѣлъ уступить безъ борьбы приготовленныхъ кушаньевъ, и вотъ напалъ на старичка, схватилъ его за бороду; но старичокъ махнулъ пугой, щелкнулъ языкомъ, и Верни-Гора съ испугу повалился на полъ.

Тогда старичокъ содралъ полосу кожи съ носа и со спины Верни-Горы, и посыпавъ соли на больныя мѣста, бросилъ его подъ столъ; потомъ съѣлъ все кушанья, и наплевавъ въ дустые горшки, пощелкивая языкомъ, вышелъ изъ хатки...

Вылезъ изъ-подъ стола Верни-Гора и давай кое-какъ стряпать новыя кушанья, но едва успѣлъ кой-что приготовить къ приходу товарищей...

Входятъ Медвѣжье-Ушко Верни-Дубъ; потребовали кушать; Верни-Гора, не сознаваясь въ постыдномъ оскорбленіи, нанесенномъ ему старичкомъ, подалъ кушать; но товарищи не могли ѣсть, отказываясь какимъ-то неприятнымъ запахомъ кушаньевъ...

На другой день, Медвѣжье-Ушко говоритъ Верни-Дубу: «Ну, теперь ты оставайся стряпать кушанья, а мы съ Верни-Горой пойдемъ Раскапывать горы» — Тоже случилось и съ Верни-Дубомъ, что съ Верни-Горой...

На третій день Медвѣжье-Ушко говоритъ своимъ товарищамъ: «Ну

ступайте теперь вы, приготовьте длинный канатъ изъ лыкъ, а я останусь стряпать...»

Когда Верни-Дубъ и Верни-Гора вышли, червячокъ выскочилъ изъ уха Медвѣжьяго-Ушка и сказалъ ему: «Каковы твои товарищи?.. Вѣдь они братья родные шахарки вовкалочки, что погубить тебя хотѣла!.. А знаешь ли, отчего они не могли приготовить вкусныхъ кушаньевъ! Ахъ, ты смиреннѣйшій спротка-дѣтина! Ты не знаешь ни объ чемъ; вѣдь все варива съѣдалъ старичокъ, злой колдунъ-чаровникъ, да еще содралъ у каждаго изъ нихъ по полосѣ съ носа и со спины... Вотъ смотри, что будетъ; готовь поскорѣе кушать, да будь смѣлѣй, и булавы своей не жалѣй!»

Медвѣжье-Ушко приготовилъ кушанья, и хотѣлъ было отдохнуть; но вотъ является старичокъ и требуетъ кушать...

— Нѣтъ, злой колдунъ, не видать тебѣ кушаньевъ моихъ, не отвѣдать тебѣ моего варива; я убью тебя, если ты не уйдешь отсюда...

— Посмотримъ, сказалъ старичокъ-карликъ, и въ тужъ минуту превратился въ великана...

Начали бороться; борьба продолжалась долго; наконецъ Медвѣжье-Ушко какъ хватилъ старика булавою по головѣ, старикъ присѣлъ; Медвѣжье-Ушко хватъ его за бороду и вытащилъ изъ хатки; потомъ раскололъ толстый дубъ и въ расщепъ вколотилъ клиномъ основнымъ бороду колдуна...

— Ну, молодецъ ты—Медвѣжье-Ушко, сказалъ червячокъ: не трусь, вижу я, ты; можно смѣло положиться на тебя... Отсюда ты дойдешь съ товарищами до Синяго-океана, а тамъ отправишься безъ нихъ въ подземныя царства; я съ тобою не могу отправиться; ты одинъ безъ меня пробирайся къ княжнамъ-сестрамъ... Злой колдунъ теперь догадался, что я тебя всему учу, и онъ поспѣшилъ въ свои царства укрѣпить свои силы, чтобъ сгубить и тебя и меня... Я останусь въ этой хаткѣ и пригожусь еще тебѣ; а добратся тебѣ до прохода въ подземныя царства не трудно... ты дойдешь по слѣдамъ крови колдуна; его ужъ нѣтъ здѣсь, посмотри, только клочки бороды торчатъ въ расщепѣ...

Призадумался, загоревалъ Медвѣжье-Ушко, услышавъ отъ червячка такія вѣсти.

— Не горюй, не кручинься, добрый молодецъ: тамъ въ подземныхъ царствахъ наставятъ, вразумятъ тебя сестры княжны; не плошай только, если много испытать придется горя; будетъ горе, и не одно... да забудешь всякое горе потомъ, какъ спасешь отъ чаръ колдуна красавицъ-княжонъ... Ну, будь же веселъ, ободрись... слышь—идуть това-

рищи твои... Не говори же имъ, что ты побѣдилъ чаровника-колдуна; не попрекни ихъ въ трусости и безсиліи... будь хитрѣе, поумнѣе...

Возли Верни-Дубъ и Верни-Гора и съ поклономъ поднесли Медвѣжье-Ушко длинный канатъ; Ушко поблагодарилъ ихъ за вѣрную службу и угостилъ ихъ обѣдомъ на славу.

Двинулись они, что Медвѣжье-Ушко такъ славно съумѣлъ приготовить обѣдъ.

Покушавши, Медвѣжье-Ушко вмѣстѣ съ товарищами отправился въ дальнѣйшій путь... Выходя изъ хатки, онъ увидѣлъ въ отверстіи дуба клочки бороды и слѣды крови...

Вотъ идутъ они, идутъ по слѣдамъ крови; вотъ проходятъ лѣсъ, перескакиваютъ чрезъ гору, спускаются въ долину, взбираются опять на гору; наконецъ, подходятъ къ снѣжному морю...

Вотъ у берега моря засверкалъ огненный бугоръ: искры сыплются точно изъ раскаленной печи, словно изъ горящаго очага...

— Ну те, братцы, говоритъ Медвѣжье-Ушко товарищамъ: здѣсь конецъ вашему пути—вы останетесь здѣсь, не пойдете со мной... Я пойду безъ васъ; вы спустите только меня по канату туда... Да смотрите, ждите, пока я не возвращусь, я дерну за канатъ,—вы тащите канатъ поскорѣй, поспѣшнѣй... какъ возвращусь, а теперь давайте канатъ—опустите меня въ этотъ оврагъ... Путь далекой мнѣ предстоитъ одному: полечу и помчусь я спасать отъ чаръ колдуна трехъ сестеръ, непамятныхъ красавиць-княжонъ...

Сказавъ это, Медвѣжье-Ушко ухватился обѣими руками за канатъ и исчезъ въ оврагъ...

Вотъ летитъ Медвѣжье-Ушко все ниже и ниже... въ пропасть страшную, въ оврагъ мрачную: опустился, остановился... темнота кругомъ, ни свѣту, ни огню... Тряхнулъ ушкомъ дѣтина-сиротина... темнота превратилась въ свѣтъ... Глядь, вдали какія-то птички бѣгаютъ, суетятся; дождь вдругъ ливнемъ полилъ и мочить ихъ бѣднячекъ...

Сжалился надъ ними добрый молодецъ, собралъ птенцовъ маленькихъ и спряталъ ихъ въ скорлупки отъ яицъ, изъ которыхъ они недавно вышли.

— Ахъ, ты добрый человекъ! заговорили птички: пожалѣлъ ты насъ крошекъ, спряталъ отъ дождя. Чѣмъ наградить тебя за твою добрую службу? Жаль намъ тебя. Наша мать, Птица-Большая, хищная, презлая; не пощадитъ она тебя; за твое же доброе дѣло она съѣсть тебя. Спрячься поскорѣй вонъ въ томъ гнѣздѣ, что лежитъ въ глубокой бороздѣ...

Едва успѣлъ спрятаться въ гнѣздо Медвѣжье-Ушко, какъ съ шу-

момъ, съ вѣтромъ и страшнымъ карканьемъ влетѣла Большая-Птица; покормила дѣтей, поласкала ихъ, и полетѣла къ бороздѣ, отдохнуть въ гнѣздѣ...

— А, Медвѣжье-Ушко! ты зачѣмъ здѣсь? Да тебя ужъ ищутъ давно, разослали гонцовъ по дебрямъ, по лѣсамъ, по всѣмъ морямъ... Старичокъ съ ноготокъ поблагодарить меня, если я живаго доставлю ему тебя...

Тутъ птица хотѣла схватить Медвѣжье-Ушко желѣзными своими когтями; но добрый молодецъ не сробѣлъ, и не думая долго, тяпъ-ляпъ булавой по головѣ Птицы-Большой.

Птица покатила въ борозду, и откинула назадъ голову.

— Чтó, птица злая! закричалъ Ушко: знать не знаешь про мою булаву, что такъ смѣло подставляешь свою голову; вотъ хвачу еще раза два, и придется тебѣ растянуться мертвой въ родномъ гнѣздѣ...

— Ахъ, Медвѣжье-Ушко! ты дѣтина-молодецъ, не губи птицы меня, не лишай птенцовъ матери родной; я награжу тебя всяческимъ добромъ, научу всему своимъ птичьимъ умомъ, только бить не бей меня; я не знала про тебя, что такая есть у Медвѣжья-Ушка самобой-булава, противъ которой не устоитъ даже Птицы-Большой голова...

— Изволь, Птица-Большая, я пощажу тебя для птенцовъ твоихъ крошекъ; да смотри, расскажи мнѣ про старичка съ ноготокъ, у котораго борода съ локотокъ; научи своимъ птичьимъ умомъ, какъ обратиться мнѣ къ злomu старичку этому, какъ повидаться съ нимъ, и отнять у него трехъ сестеръ княжень...

— Такъ и быть Медвѣжье-Ушко, слушай. Есть у насъ четыре *подземныя царства*, мѣдное, серебряное, золотое и алмазное; ими владѣютъ три брата и одна сестра; въ мѣдномъ царствѣ живетъ младшій братъ; въ серебряномъ—средній; въ золотомъ—старшій; въ алмазномъ—Баба-Яга, ихъ родная сестра... Вотъ этотъ-то старшій, чтó въ золотомъ царствѣ, и есть старичокъ съ ноготокъ... Ступай ты прежде въ мѣдное царство: путь къ нему лежитъ чрезъ Бѣло-море: махни булавой, и ты очутишься въ первомъ царствѣ. Чтó будетъ дальше, узнаешь самъ, а теперь отпусти меня на свободу, Медвѣжье-Ушко; мнѣ пора лѣтъ на службу къ Бабѣ-Ягѣ, костяной-ногѣ...

Полетѣла Птица-Большая къ Бабѣ-Ягѣ, а Медвѣжье-Ушко подошелъ къ Бѣлу-морю, махнулъ булавой, и очутился у неприступныхъ стѣнъ мѣднаго-царства; ударилъ въ стѣны булавой—и раснались стѣны, а потомъ опять срослись...

Входитъ... куда ни посмотреть, вездѣ все мѣдь: ходятъ люди

мѣдныя, бѣгаютъ коровы мѣдныя, летаютъ птицы мѣдныя; всѣ дома изъ мѣди, всѣ дороги мѣдныя...

Идетъ дальше—площадь мѣдная; посреди стоитъ дворецъ мѣдный: ворота растворяются, двери сами распадаются. Вотъ комната большая, круглая,—все тамъ мѣдь... Сидитъ красавица молодая, жилища подземная...

Изаумиленъ Ушко, завидѣвъ такую красу...

— Что тебѣ нужно, человѣкъ ты земной? Кого ищешь ты здѣсь?... Говори скорѣй, а не то прилетитъ мой властелинъ и проглотитъ тебя.

— Не боюсь я твоего властелина; есть у меня для него булава захватская... Расскажи вотъ лучше, краса, кто ты такая?

— Я такая же, какъ и ты — жилища земная: я княжна съ вашего свѣта. Было насъ три сестры княжны; полюбилась одна изъ насъ чародѣю злomu, Яги-Бабы брату родному; вотъ и зачаровалъ онъ насъ княжень, и сослалъ въ подземныя царства; одну взялъ себѣ, а насъ двоихъ раздалъ своимъ братьямъ. Мой властелинъ — младшій братъ.... Злой онъ колдунъ, но его братья еще злѣе.... Есть тамъ дальше, за Краснымъ-моремъ, серебряное царство; въ немъ живетъ моя вторая сестра... а еще дальше — золотое, тамъ третья сестра...

Въ это время по комнатѣ пронесся запахъ сѣры...

— Ну, — житель земной!... вотъ летитъ мой властелинъ!... Передавай поскорѣе съ мѣста на мѣсто бочки съ водой...

Не успѣла она сказать эти слова, какъ со свистомъ, шипѣниемъ и шоканьемъ влетѣлъ — шестикрылый змѣй.

— Что это? закричалъ змѣй: здѣсь человѣчьимъ мясомъ пахнетъ... А!... Медвѣжье-Ушко! Ну, я же отплачу тебѣ за обиду брата: выходи поскорѣй, — да прежде водицы изъ второй бочки испей...

Медвѣжье-Ушко испилъ немного живительной воды, а змѣй — слабительной, безсильной...

Схватились недруги; змѣй взмахнулъ крыльями, да силъ не стало; попробовалъ еще разъ, силы измѣнили ему совершенно... Медвѣжье-Ушко хватъ булавою по головѣ чародѣя, и змѣя не стало...

— Ну, красавица-княжна! сказалъ побѣдитель: теперь ты моя! Ступай со мной: будешь моей женой, непаглядной красой!...

— Нѣтъ, добрый молодецъ! Я не могу быть твоей женой; я люблю другаго; есть у меня женихъ, онъ теперь ужъ не алмазный-червячокъ, а красавецъ-князекъ! Какъ убилъ ты моего властелина, змѣя исполнила, онъ пересталъ быть заколдованнымъ червячкомъ.... Будетъ твоею женою сестра моя другая; поспѣши — спаси и ее.... Вотъ тебѣ лебедь, онъ занесетъ тебя подъ облака и спуститъ въ царство серебряное.... Поспѣши же, добрый молодецъ, а пето разузнаетъ Баба-Яга,

сестра старичка-колдуна, отъ Птицы-Большой обо всемъ, и погибнемъ здѣсь вдвоемъ....

Съль Медвѣжье-Ушко на бѣла лебедя княжны, и помчался полетѣть поверхъ чернаго моря, поверхъ мѣднаго бора....

Наконецъ остановился.... предъ стѣнами серебрянаго царства.

Толкнувъ булавою, стѣны развалились, и простился съ бѣлоснѣжнымъ лебедемъ.

Вотъ идетъ — проходить межъ серебряныхъ домовъ, сквозь толпы серебряныхъ людей. На площадкѣ небольшой стоитъ замокъ весь изъ серебра. Изъ оконъ сіяютъ лучи солнца; двери настежь растворились; добрый молодецъ подивился; поглядѣлъ на все стороны, махнулъ булавою и вошелъ въ палаты дивныя, полныя серебра и всякаго подземнаго добра....

На серебряной скамѣ раскрасавица сидитъ дѣвица, бѣлолица-круглолица; изъ очей ея голубыхъ льются горькія слезы, плачетъ милая *приворожница* (привороженная): то была княжна, жилицы мѣднаго царства сестрица....

Поклонился молодецъ княжнѣ.... а княжна ему улыбнулась, и оберши горькія слезы, ласковыя рѣчи повела съ нимъ:

— Ты зачѣмъ пожаловалъ въ наше царство подземное? что за вѣсть принесъ мнѣ изъ нагорной стороны, въ Бѣлорусицы рѣки? Говори поскорѣй, добрый молодецъ, житель земной! Я боюсь, чтобъ тебя не засталъ у меня мой властелинъ-чародѣй....

— Не тебѣ говорить такія рѣчи; не боюсь, я твоего властелина злаго; побѣдилъ я ужъ брата его роднаго. Шлетъ тебѣ поклонъ твоя сестрица, мѣднаго царства жилица; я сейчасъ отъ нея; ждетъ, не дождется, скороль увидитъ она тебя.... Укажи мнѣ только, гдѣ живительная и цѣлительная, гдѣ смертная — моровая вода....

— Благодарю тебя, земной житель, храбрый витязь-побѣдитель, за веселыя рѣчи твои, за утѣшеніе въ горѣ-скорби моей. У стѣны въ загородѣ — тамъ стоятъ двѣ серебряныя бочки, полныя живительной влаги; на одной изображеніе чародѣя колдуна, тамъ вода *живущая*, на другой — изображена смерть съ косой: вотъ тамъ-то въ ней влага смерти и гибели людей.... Прилетитъ мой властелинъ и потребуетъ воды, такъ подай ты ему воды изъ второй бочки, а напейся самъ влаги жизни и силы, и побѣдителемъ останешься; ты спасешь меня, добрый молодецъ, отъ змѣя колдуна, и — въ награду за то ты получишь даръ большой, какъ прилично властелинцѣ подземной....

Поклонился дѣтина и исполнилъ все по совѣту княжны.

Вотъ сверкнула огненная молнія; затряслись стѣны замка, зашатались окна; вздрогнула княжна, встрепелулся добрый молодецъ.

Прилетѣлъ змѣй властелинъ съ двѣнадцатью крыльями, съ огромнѣйшею пастью.... По комнатѣ раздался запахъ сѣры....

— М-м-м! завизжалъ змѣй большой.... Медвѣжье-Ушко здѣсь!.... Кетати ты подождать; я вотъ только отъ сестры Яги — вѣсть миѣ хочется, съѣмъ я тебя....

— Нѣтъ! постой, отвѣчаетъ Ушко: не таковской я, чтобъ безъ бою покориться тебѣ; побѣди прежде меня; а не то, не отвѣдать тебѣ мяса моего....

— Изволь, житель земной! Только прежде дай испить миѣ водицы..., Медвѣжье-Ушко напился самъ живительной воды, а змѣю-колдуну подалъ смертной....

Вотъ пошла потѣха... Что ни взмахъ, мимо-все; Ушко бодрится, змѣй сердится; а все-таки побѣдить Ушко не хватаетъ у него силъ.... Видитъ-плохо змѣй, разинулъ пасть и хотѣлъ было дѣтину проглотить, анъ-це тутъ-то было: хватъ Ушко булавою по змѣиной головѣ, и повалился змѣй на-земь безъ дыханья, только слышно было предсмертное щелканье....

— Ну, спаситель-побѣдитель! отозвалась княжна, увидѣвъ трупъ своего властелина: требуй платы, за свою молодецкую службу награды; все въ твоей власти!

— Если такъ, княжна-краса, такъ позволь въ награду за спасеніе твое просить у тебя руки твоей: будь женой моею! Ступай со мной въ путь!...

— Нѣтъ! добрый молодецъ. Я не могу быть твоей женой...; я люблю другаго: есть у меня женихъ на землѣ, далеко у Бѣлорусицы рѣки, князь-заклятый, кузнецъ-старичокъ; но теперь, какъ умертвилъ ты властелина моего, онъ остался молодцомъ, какъ ты, красавцемъ-князькомъ... Идетъ теперь онъ меня... Но еще не могу отправиться я, пока не явится ко миѣ сестра младшая моя... Вотъ ступай посѣщи ты избавить ее отъ силы чаръ ея властелина, змѣя-иснолица... Какъ избавишь ее, ты и скажешь ей, что за герой побѣдитель ты!... Будетъ тебѣ тогда жена, только не я!... Живетъ она въ царствѣ золотомъ, за Чернымъ-моремъ, близъ Великаго-океана... Не добратья тебѣ туда самому: вотъ дарю тебѣ коня изъ Красна-моря; занесетъ онъ тебя къ младшей моей сестрѣ-княжкѣ... Посѣвши же поскорѣе, а не то повредишь тебѣ въ твоемъ дѣлѣ злая Баба-Яга..., и погубить насъ вѣхъ....

Сѣлъ Медвѣжье-Ушко на коня вороного и поскакалъ по верушкамъ

дѣсовъ, по окраинамъ горъ..... Остановился конь у золотыхъ стѣнъ: распростился съ конемъ молодець, и махнувъ булавою, царство золотое отворилъ....

Вотъ идетъ по золотому песку; золото на золотѣ лежитъ, огнемъ золотымъ горитъ;—весело было молодцу по такому царству проходить.

Но не, думалъ о томъ Медвѣжье-Ушко; не до золота ему было: ко дворцу княжны что-то тайное, недовѣдомое влекло....

Посреди, на высокой горѣ, окруженной скалами, да глубокими рвами, красовался дивный, золотой дворець....

Ни входу, ни проходу нѣтъ. Призадумался Ушко; взгрустнулось бѣдному дѣтинѣ-сиротинѣ....

«Эхъ! горе мое горькое! завопилъ онъ плачевно.... Что за радость мнѣ спастись княжень для чужихъ людей, для чужихъ людей, для другихъ очей?... Не пойти ль назадъ мнѣ?... Будетъ тоже и здѣсь, что въ тѣхъ двухъ царствахъ....»

Не успѣлъ промолвить послѣднее слово, какъ предъ нимъ распались скалы золотыя, растворились двери дворца, и на грусть молодца такъ отвѣтила вышедшая изъ дворца диво-дивное-княжна:

— Здѣсь не скажутъ тебѣ того, что сказали въ мѣдномъ и серебряномъ царствахъ.

Какъ взглянулъ дѣтина на княжну, оторонѣлъ родной; сердце крѣпко забилося, въ головѣ все поворотилось.... Еще болѣе задумался Ушко....

Тѣ красавицы только, да и онѣ не хотѣли выбрать меня въ мужья.... Что же скажетъ раскрасавица-краса, эта чудная диво-княжна? ..

Княжна махнула платкомъ... Хороводъ дѣвиць-красавиць подошелъ къ молодцу и повелъ его къ княжнѣ...; а княжна проводила Ушко въ золотыя палаты... Съѣла княжна; съѣлъ Медвѣжье-Ушко...

— Что же такъ печалень, добрый молодець?... Чѣмъ развеселить тебя?... Знаю, знаю грусть твою... Сердце сердцу вѣсть подаетъ... Но объ этомъ послѣ... А теперь посѣши переставить съ мѣста на мѣсто два растущія въ золотыхъ сосудахъ деревца; на одномъ растутъ яблочки подкрѣпляющія, а на другомъ — ослабляющія силы... Тѣ и другія одинакого цвѣта... Слышу, чувствую, скоро мой старичокъ явится; спрячься поскорѣй въ раковину ту, что лежитъ — видишь—на полу... Спрятался дѣтина въ золотую скорлупу...

Вотъ двери растворились... пламя пыхнуло изъ оконъ: полна комната огня... Застонала княжна, струсилъ дѣтина. Вошелъ старичокъ съ порожекъ...

— Кто здѣсь? бышено заревѣлъ онъ: слышу мясо человѣческое...

Гдѣ Медвѣжье-Ушко? Выходи сюда, врагъ ты мой! Много дерзости у тебя, что задумалъ побѣдить и меня... Выходи поскорѣй, а нето раздавлю я тебя, какъ ничтожнаго паука...

Сказавъ это, старичокъ превратился въ страшнаго великана съ огненными глазами, съ желѣзными руками...

Медвѣжье-Ушко вышелъ, съѣлъ яблочко, подкрѣпилъ силы, и опершись на булаву, храбро выступилъ противъ страшнаго великана...

Какъ хватить великанъ Ушко за ногу, да подбросить подъ потолокъ дѣтину, бѣдный Ушко присѣлъ къ самому полу, и такъ струсилъ было, что со страху чуть не умеръ.

Но вотъ взглянула на него княжна, и Ушко, собравшись съ силами, замахнулся булавою и хватилъ великана по ногамъ ноги у него подкосились... Великанъ упалъ на колѣна. Ушко хватилъ его другой разъ по головѣ, великанъ повалился, но въ ту жъ минуту спохватился, что съѣсть яблочко забылъ... Подбѣжалъ, сорвалъ..., но не яблочко крѣпящее, а яблочко безсилящее...

Повторилась борьба... Но старикъ не въ силахъ былъ защищаться, а Ушко такъ хватилъ по головѣ колдуна, что вогналъ его всего въ землю по горло; старичокъ шевелился, но не могъ вылезти изъ земли... Долго билъ, колотилъ Ушко старичка-колдуна; наконецъ усталъ...

Глядь, голова старичка въ дребезги разможжена... Обрадовался дѣтина, и съ такою рѣчью къ княжнѣ обратился...

— Ну княжна золотая, ты свободна теперь, будь женой моей!

— Ахъ, бѣдный дѣтина-молочина! Бѣги посѣтѣй къ Великому-океану, къ Бабѣ-Ягѣ, костяной-ногѣ, да бей колоти ее, пока не выдастъ она тебѣ сердца старичка; а безъ того пропадемъ мы здѣсь: въѣд ожить можетъ старичокъ опять... Вотъ тебѣ синица-птица, она занесетъ тебя въ алмазное царство, къ сестрѣ старичка, Бабѣ-Ягѣ...

...Понесла синица молодца къ Великому-океану, въ алмазное царство... Махнулъ Ушко булавою и вошелъ въ замокъ изъ алмазовъ, къ повелительницѣ Ягѣ...

Вотъ палата Яги, чародѣйки, вѣдьмы, набольшой, бабы хитрой, презлой... Полъ алмазный устланъ костями, да человѣческими головами, у оконъ полны бочки крови... Посреди пламя огненное пышетъ, искры сыплются отъ головней; дымъ удушливый несется по всей палатѣ. А на головняхъ горячихъ стоитъ иготъ желѣзная, подпертая огненной метлой и золотой кочергой... На иготи сидитъ баба мохнатая, съ растрепанными волосами, съ огненными глазами, щеки желтыя у нея, веѣ въ морщинахъ... Сидитъ Баба-Яга и держитъ въ рукахъ костлявыхъ чародѣйскій свитокъ пергамена; вокругъ нее ползаютъ гады, змѣи всякія и прислуживаютъ чуды заморекія.

Махнулъ булавою Медвѣжье-Ушко и прямо къ Ягѣ... сталъ бить колотить ее; билъ, билъ, чуть не убилъ.

Стала Яга проситься-молиться, чтобъ не билъ ее Медвѣжье-Ушко...

— Я скажу тебѣ, говоритъ, гдѣ хранится сердце старичка, брата моего... Ступай, тамъ за моимъ замкомъ есть столбъ *золотой*, опрокинь его, тамъ лежитъ сердце старичка.

Пошелъ Ушко, опрокинулъ столбъ золотой, но сердца старичка не нашелъ... Возвратился опять молодецъ къ Ягѣ и давай еще больше колотить ее, такъ-что чуть жива осталась колдунья Баба-Яга. Послала она Ушко опять къ золотой башнѣ: опять обманула...

Разсердился Ушко и ужъ до смерти хотѣлъ колотить Ягу, но Яга испугалась наконецъ и созналась, гдѣ хранится сердце старичка.

— Ступай къ Великому-океану: на томъ океанѣ будетъ островъ, а на островѣ *камень красный* преогромный; отвали этотъ камень — будетъ пропасть, а на днѣ пропасти небольшой алмазный замокъ: въ немъ найдешь огненную комнату; посреди стойтъ *ящикъ*, а въ томъ ящикѣ сто ящичковъ; въ послѣднемъ ящичкѣ, бѣломъ, найдешь уточку золотую; разорви ее на части, выпадетъ алмазное ячко: въ томъ ячкѣ хранится сердце главнаго нашего властелина, старичка съ ноготокъ...

Выслушалъ Ушко рѣчь Яги, и отправился къ Великому-океану.

Подходить Ушко къ Великому-океану... Вотъ плыветъ ракъ огромный, бѣлый, подплываетъ къ берегу; Ушко схватилъ его за клещи и хотѣлъ было разорвать... Сталъ проситься, молиться ракъ, чтобъ пощадилъ его Ушко.

— Свези меня, говоритъ ему Ушко, на тотъ островъ, гдѣ есть камень красный, такъ цуцу тебя, а не то раздавлю...

— Свезти тебя я не могу, а вотъ я вышлю къ тебѣ изъ воды лошадь огненную съ крыльями; эта лошадь занесетъ тебя на островъ утки... Повѣрилъ Ушко раку и пустилъ его въ океанъ... Взволновалось море, заколыхались берега, тучи мрачныя пронеслись... Наконецъ за-свѣтило солнце ясное, и на берегъ выскочила огненная лошадь...

— Садись, говоритъ, Медвѣжье-Ушко, да не оглядывайся назадъ... Я свезу тебя, по наказу рака.

Фыркнула лошадь роздрями, пламя синее пыхнуло изо рта ея, взмахнула крыльями, и Медвѣжье-Ушко увидѣлъ островъ, а на немъ камень красный.

Отвалилъ камень, спустился въ пропасть, вошелъ въ замокъ, растворилъ ящикъ, и наконецъ послѣдній ящичекъ: тамъ сидѣла утка... Только что Ушко хотѣлъ ее взять, а она порхъ — и улетѣла...

— Ну, подумалъ Ушко: пропасть я бѣдный человекъ; не возвратиться мнѣ на свѣтъ...

Вышелъ на островъ Ушко и плачетъ, а лошадь какъ тутъ...

— Не плачь, говоритъ, Медвѣжье-Ушко: ты избавить насъ хочешь отъ старика-колдуна, такъ помогу я тебѣ отыскать и его сердце... Садись на меня..., да не теряй своей булавы... Я свезу тебя къ морскому чуду, нашему повелителю.

Сѣлъ Ушко, и въ ту жъ минуту лошадь бросилась въ море-океанъ на дно...

Вотъ на днѣ стоитъ замокъ хрустальный, безъ оконъ, безъ дверей.

Лошадь ударила копытомъ объ стѣну замка, и Ушко вошелъ въ палаты морскаго бога.

На желѣзномъ якорѣ сидитъ чудо съ сѣдыми волосами, съ серебряными усами и золотыми бровями; на усахъ мелютъ мельницы, каждая о шести колесахъ; на бровяхъ расположены маленькіе островки; въ рукахъ золотая вила.

— Здравствуй, говоритъ чудо, Медвѣжье-Ушко! Храбрый же ты дѣтина, коли попалъ ко мнѣ сюда... Ну, ужъ за одно это молодечество я помогу тебѣ отыскать утку... Да смотри не зѣвай, не то опять улетитъ она изъ-подъ рукъ твоихъ... Я велю рыбѣ-красной среброкрылой, чтобъ она занесла тебя на зеленый лужокъ... Какъ взойдешь на тотъ лужокъ, нападуть на тебя всякія птицы хищныя, драконы крылатые, змѣи, гады шипящіе... Не пугайся, путь дорогу пролагай себѣ дальше булавой... На концѣ лужка будетъ островерхая гора, а на той горѣ другая гора стеклянная; въ ней, въ срединѣ, есть избушка алмазная: тамъ запряталась Яга и бережетъ утку. Смотри, не жалѣй булавы, убей на смерть Ягу, а не то пропадешь ты и твои княжны, да и намъ всемъ плохо будетъ изъ-за тебя... Ну, прощай, Медвѣжье-Ушко: вонъ ужъ ждетъ тебя красная-рыба...

Вышелъ Ушко изъ палатъ морскаго чуда и векочилъ въ раскрытую пасть красной-рыбы...

Поплыла рыба по океану, разсѣкаетъ крыльями волны, вода пѣнится подъ нею... вотъ приплыла къ лужку и выпустила изъ пасти Медвѣжье-Ушко.

Не успѣлъ ступить на лужокъ Ушко, какъ со всѣхъ сторонъ слетѣлись хищныя птицы, крылатые драконы, и стали кусать, терзать бѣднаго дѣтину; откуда взялись гады и змѣи и давай жалить храбраго молодца. Отогналъ Ушко и гадовъ и змѣй и птицъ и драконовъ волшебной своей булавой, и пробрался къ островерхой горѣ, а по ней на стеклянную гору, и наконецъ въ алмазную избушку...

Сгорбившись, скорчившись сидѣла Баба-Яга и ласкала утку въ золотой клѣткѣ.

— А! злая вѣдьма! Такъ-то ты сдержала свое слово? Обманула меня въ третій разъ... Не прося жъ теперь пощады: пришелъ тебѣ конецъ...

Баба-Яга бросилась въ ноги Ушку и стала молить-просить, чтобъ пощадилъ онъ ее...

Но пощады не было... Придавилъ Ушко Ягу булавою, истолокъ чародѣйку въ порошокъ, и развѣялъ по Великому-океану.

А потомъ разломалъ золотую клѣтку, разорвалъ утку на двѣ части, и доставъ алмазное яичко, въ той же рыбѣ красной переплылъ къ замку морскаго чуда, а оттуда на огненной лошади добрался до острова, а съ острова въ алмазное царство... Взялъ алмазовъ, сколько могъ и на ворономъ конѣ поспѣшилъ къ княжнѣ-красѣ въ золотое царство.

Какъ вошелъ въ палаты къ княжнѣ, раздавилъ яичко, и старичокъ съ ноготокъ превратился въ сѣрный порошокъ...

Исчезла щетина на головѣ у дѣтины, осталось лишь медвѣжье-ухо.

Обрадовалась княжна и объявила Ушку, что она будетъ жена его...

— Вотъ награда тебѣ, добрый молодецъ за твою храбрую удачу, за геройство великое... Я люблю тебя, витязь храбрый мой!..

Поклонился Ушко княжнѣ и ушамъ своимъ не вѣрилъ, что княжна, красавица будетъ женой его...

Вотъ собрали они все добро золотое, и на огненной колесницѣ полетѣли въ царство серебряное. Сестры обнялись и отъ радости заплакали.

Забралъ Ушко и изъ серебрянаго царства пропасть всякаго добра, и отправился съ двумя сестрами княжнами въ мѣдное царство, а оттуда вчетверомъ полѣтели поверхъ лѣсу, поверхъ чернаго бору, и очутились на томъ мѣстѣ, гдѣ спустился въ подземныя царства Медвѣжье-Ушко...

Вотъ привязываетъ онъ къ канату одну колесницу съ старшею княжною и со всѣмъ ея мѣднымъ добромъ: покачнулся канатъ, и очутилась старшая княжна на землѣ, межъ Верни-Горой и Верни-Дубомъ..., привязываетъ другую колесницу съ среднею сестрою, Верни-Дубъ и Верни-Гора высадили и ихъ на землю.

Наконецъ, привязываетъ третью колесницу, садится самъ съ младшею княжною, ненаглядною своею женою; трогаетъ канатъ, канатъ не поднимается, трогаетъ другой разъ, тоже; наконецъ въ третій разъ — канатъ оборвался. Но не самъ оборвался канатъ: Верни-Дубъ и Верни-Гора перерѣзали его...

— А! въ изступленіи закричалъ Медвѣжье-Ушко! вотъ каковы

мой товарищи! Теперь-то я припоминаю, что говорилъ алмазный червячокъ... Постой же, я васъ накажу...

Сказавъ это, Ушко махнулъ булавою и предъ нимъ явилась Птица-Большая...

— Чѣмъ служить прикажешь, храбрый молодецъ? Ты избавилъ насъ отъ злаго-чародѣя, такъ готова я и тебѣ помочь...

— А вотъ что: перенеси меня съ княжной туда, откуда я пришелъ...

— Изволь! Садись, дѣтина-молодецъ, садись и ты, княжна; а колесницу вашу и все добро золотое я въ когтяхъ потащу...

Вотъ съѣли Ушко и княжна на Большую-Птицу, и неслыханно, негаданно увидѣли Божій свѣтъ, родную землю...

Простились съ птицей, поблагодарили ее за службу вѣрную и пошли отыскивать червячка въ хаткѣ на куричьей лапкѣ...

А червячекъ алмазный самъ ползеть на встрѣчу къ нимъ, и за-видѣвъ Ушко и княжну, въ ту жъ минуту превратился въ дивнаго молодца, красавчика князя-князевича...

Приходятъ въ хатку: ихъ встрѣчаетъ кузнецъ-старичекъ, и при видѣ княжны, сталъ и онъ молодцомъ-богатыремъ...

Стали совѣщаться, гдѣ найти княженъ, женъ червячка и кузнеца. Вдругъ, откуда ни возьмись, летитъ Птица-Большая, а съ нею княжны двѣ въ колесницахъ своихъ съ подземнымъ добромъ...

Велѣдъ за ними появились съ повинной головой Верни-Дубъ и Верни-Гора...

Но Ушко простить ихъ не могъ за такую измѣну, и тотчасъ велѣдъ птицѣ проглотить ихъ обоихъ...

А Ушко и князевича-князя поженились на красавицахъ-княжнахъ... и поселились въ новыхъ княжествахъ своихъ со всеѣмъ своимъ добромъ...

Вотъ задали пирь, пирь неслыханный, невиданный; на тотъ пирь создали весь міръ.

И меня приглашали, но... мнѣ нѣкогда было...

Я отправился къ Бѣлорусицѣ рѣкѣ, заглянуть въ Бѣлоруссію родную, на обряды поселянъ при уборкѣ хлѣба съ полей, на ихъ игрища и мѣстные фесты...

6. ОБРЯДЫ ПОСЕЛЯНЪ ВИТЕБСКОЙ И МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ ПРИ УБОРКѢ ХЛѢБА СЪ ПОЛЕЙ.

Уборка хлѣба съ полей составляетъ въ Бѣлоруссіи одно изъ важнѣйшихъ событій.

Воздѣлывая, такъ-сказать, въ потѣ лица, участокъ земли своей, бѣлорусскій крестьянинъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ урожая, какъ вознагражденія за труды свои; и потому, дождавшись, наконецъ, времени созрѣванія хлѣба на воздѣланной и удобренной имъ почвѣ, на радостяхъ, старается, по силѣ своего разумѣнія, согласно съ преданіемъ отцовъ и дѣдовъ, ознаменовать такое событіе торжественными обрядностями. Обрядности эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ нихъ, равно какъ и въ пѣсняхъ и прибауткахъ, сопровождающихъ ихъ, ярко проглядываетъ старина предковъ нашихъ, русскихъ славянъ.

При уборкѣ хлѣба съ полей сохраняются слѣдующіе обряды: 1) *Покрываніе поля*, 2) *Зажинки* и 3) *Дожинки*.

Первый и второй обрядъ обыкновенно совершаются при началѣ жатвы, у каждаго поселянина, богатаго и бѣднаго, потому—что не соединены съ большими издержками; третій назначается при окончательной уборкѣ съ поля ржи (а у нѣкоторыхъ этотъ же обрядъ празднуется по совершенной уборкѣ всего хлѣба съ полей) и совершается только у богатыхъ поселянъ, и по преимуществу на барскомъ дворѣ, такъ-какъ подобный обрядъ требуетъ немалыхъ расходовъ для угощенія значительнаго количества жницъ.

1. *Покрываніе поля*. Въ Бѣлоруссіи рожь обыкновенно созрѣваетъ въ началѣ мѣсяца іюля, и всякій поселянинъ старается какъ можно скорѣе начать жатву, чтобъ не перезрѣла рожь. Начиваютъ даже жать нѣсколько зеленоватую рожь, думая, что изъ такой ржи бѣлѣе бываетъ мука; пусть лучше, говорятъ, рожь дозрѣетъ въ снопахъ, чѣмъ перезрѣетъ въ колосьяхъ.

Жнутъ обыкновенно женщины и дѣвицы (а не мужчины, какъ это бываетъ въ великороссійскихъ губерніяхъ), а потому и въ обрядахъ жатвы участвуютъ исключительно онѣ одиѣ; даже при угощеніи, вечеромъ, почти не бываетъ мужчинъ.

Утромъ, до восхода солнца, отправляется на поле *молодица*, по преимуществу недавно вышедшая замужъ, и въ присутствіи нѣсколькихъ дѣвицъ нажинаетъ небольшой снопокъ ржи, и обивъ его *наметкою* (головной уборъ замужней женщины), или просто полотенцемъ, и даже кускомъ полотна новаго, подбрасываетъ вверхъ, приговаривая:

Пакрыла нивку
 На добрую спаживку;
 Парадзи, Божа,
 Наша збожжа!..

(Покрыла я поле, для благого употребленія: пошли, Господи, урожай на наше поле).

Затѣмъ, дѣвицы поють, хлопая въ ладоши и кружась:

Пашли, Божа, много збожжа!
 Нарадзи хлѣба при дарозѣ:
 Штобъ было усимъ гожа,
 И не пуста на каждымъ возѣ.
 Крыта, крыта!
 Повна сыта!
 Божа памажи,
 Хлѣба урадзи!..

(Пошли, Боже, много хлѣба; пошли урожай, чтобъ было всемъ довольно, и полны были хлѣба возы... Мы покрыли поле: будетъ хлѣба вдоволь. Пошли, Господи, урожай...)

Потомъ молодица и дѣвицы отправляются домой, т. е. къ тому семьянину, чье поле покрывали.

При входѣ въ хату, все вмѣстѣ поють:

Крыта, крыта!
 Повна сыта!
 Божа, памажи,
 Хлѣба урадзи!

Молодица подаетъ снопикъ хозяйкѣ, которая даритъ ее деньгами и кускомъ полотна; потомъ вмѣстѣ съ дѣвицами подходитъ къ хозяину съ поклономъ... Хозяинъ потчуетъ ихъ водкою... и приглашаетъ на дожинки... Тѣмъ и оканчивается покрываніе поля.

Покриваніе поля совершается почти у каждаго поселянина витебской и минской губерній; думаютъ, что въ случаѣ несовершенія этого обряда, уборка хлѣба будетъ не удачна...

2. *Зажинки*. Черезъ два дня послѣ покриванія поля слѣдуютъ зажинки. Вечеромъ, на закатѣ солнца, дочь хозяина, вмѣстѣ съ подругами, отправляется на поле. Выходи изъ дому, онѣ поють.

Выправляютца малажайки
 На справлянья зажинакъ;
 Паглядѣть на добрѣ гаспадарки,
 Да принесѣць повны жита абиракъ...
 Да готовъ жа, готовъ, гаспадыня
 Сустрѣчанья имъ щирае;
 Расчиняй, кали есть, скрыня,
 Да бери, неси медь зъ вырая...

Отправляются дѣвицы на зажинки, взглянуть на хозяйское добро, да принести небольшой снопъ ржи.

Хозяйка даетъ имъ яичницу, сыръ и водку, съ чѣмъ дѣвицы и отправляются на поле.*

Пришедши на мѣсто жатвы, дѣвицы, покушавъ, снимаютъ по колоску, и связываютъ небольшой снопикъ, который извѣстенъ подъ именемъ *Гаспадаря-снопка*; потомъ окропляютъ его водкою и съ нимъ отправляются въ домъ хозяина, приѣвая:

Галубокъ
 Снапокъ!

Нажали малажайки,
 Да ихъ бѣлыя ручайки.
 Мѣсяць, мѣсячу!
 Святижь намъ дарожачку;
 Штобъ мы не зблудзили,
 Снапочка не згубили.
 Ба нашъ снапокъ красны,
 Якъ мѣсячикъ ясны;
 Еще выжшій адъ плота,
 Еще дарожшій адъ злота,
 Еще выжшій адъ гары,
 Ясьнѣй адъ зары.

(Голубчикъ снопикъ, тебя жали дѣвицы бѣлыми ручками... Свѣти жъ, луна, освѣщай нашъ путь, чтобъ мы съ дороги не сбились, снопика не потеряли: нашъ снопикъ красивъ, какъ свѣтлая луна; выше забора, дороже золота, выше горы, яснѣе зари).

* Чего не съѣдать и не выпить, то закапываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сжата рожь для снопика.

Вошедши въ хату, дочь хозяина съ поклономъ подноситъ отцу снопокъ—гаспдарокъ. Хозяинъ, подбросивъ снопокъ вверхъ, ставитъ его на *покуць* (см. выше это слово) подъ образами; подъ снопокъ кладетъ *четыре* монеты мѣдныя и кланяется.

Поставивъ гаспдаръ—снопокъ, хозяинъ потчуетъ дѣвицъ водкою, а хозяйка даритъ ихъ пшеничными булочками; дѣвицы поютъ:

Славъся, гаспдарку, славъся,
Што малажаякъ ня стыжався,
Якъ яны ня стыжали,
Нивку тваю зажинали...

(Благодаримъ тебя, хозяинъ, благодаримъ, что ты дѣвицъ не чуждаешься: вѣдь онѣ не погнушались сдѣлать зажинки на твоёмъ полѣ...)

Затѣмъ, дѣвицы расходятся.

При прощаньи, хозяева приглашаютъ ихъ на дожники.

Зажиночный снопокъ хранится въ углу хаты, подъ образами, до *пречистой* (Преображенія Господня); наканунѣ пречистой, снопокъ обмолачиваютъ, и зерна приносятъ, 6 августа, въ церковь, для освященія: этими—то освященными зернами засѣваютъ ново-вспаханное для озимоваго хлѣба поле, — нѣкоторые въ день Преображенія, а нѣкоторые, на другой или на третій день послѣ освященія; при засѣвкѣ, звенятъ монетами, которыя положены были подъ снопикомъ...

3) *Дожинки*. На другой день послѣ зажинокъ бывають дожники... Дожинки бывають различныя, — богатя и не богатя. Для лучшаго уясненія этого обряда, я опишу дожники зажиточнаго поселянина, которыя стлчаются отъ барскихъ дожинокъ тѣмъ, что при первыхъ сохраняется болѣе народности и прототты, чѣмъ при вторыхъ. Барскія дожники не рѣдко превращають въ какую-то пирушку, такъ-сказать, европейскую; тамъ бываетъ музыка дворская, болѣе или менѣе хорошо добранная, съ претензіями на щегольство и изящность; танцы далеко не народные русскіе, но больше — вальсы и даже польки. Напротивъ, дожники у поселянъ имѣють фізіономію древне-славянскаго быта, и замѣчательны свободною развязностью жницъ, особаго рода плясками ихъ и музыкою—самоучкою...

Обыкновенно, въ тотъ день, когда назначается окончательная уборка ржи, собирается на поле извѣстнаго поселянина (по приглашенію его дочери или жены наканунѣ дожинокъ) множество жницъ, болѣею частью бесплатно позать, единственно ради того, чтобъ повеселиться у госте-

пріимнаго, радушнаго хозяина. Число жницъ зависитъ отъ радущія хозяина, или расположенія къ нему сосѣдей... Нѣкоторыя жницы приходятъ даже неприглашенныя и изъ другихъ деревень... Хозяинъ очень-радъ такимъ жницамъ, и ихъ усердіе болѣе цѣнитъ, чѣмъ готовность приглашенныхъ работницъ. Я сказалъ, что на дожинки собираются болѣею частью бесплатно; платныхъ же жницъ собираютъ въ такомъ случаѣ, если въ одинъ и тотъ же день назначаются дожинки у нѣсколькихъ хозяевъ, а между-тѣмъ почему-нибудь извѣстному хозяину нужно непременно окончить уборку ржи въ этотъ же день.

Собираются на поле съ разсвѣтомъ дня, и если жницъ много сравнительно съ небольшимъ участкомъ посѣва ржи, жнутъ исподволь, не спѣша; если же мало жницъ, жнутъ какъ можно поспѣшиѣе, чтобъ къ заботу солнца непременно дожать всю рожь.

Старшая между жницами распредѣляетъ мѣста, кому гдѣ жать; всѣ повинуются и охотно исполняютъ ея распоряженія... Старшую называютъ *начинальницею* (то-есть начинающею жать), а прочихъ — *памагальницами* (то-есть помощницами).

Приступая къ жатвѣ, начинальница зацѣвваетъ:

Наша нивка залатая,
 Наши серпы острые —
 Нашъ панъ гаспандаръ налягая,
 Штобъ мы не были чорствые...

(Наше поле золотое, наши серпы остры; насъ хозяинъ упрасиваетъ, чтобъ мы не были черствыми, то-есть чтобъ, не лѣнились жать).

Памагальницы продолжаютъ:

«Ой чіё жь-та поле,
 Зажавцѣлае ставць?
 — Н Н (такого-го) поле
 Зажавцѣлае ставць!
 Жнейки маладыя
 Серпы залатыя...
 Да зялѣнъ боръ, зялѣны,
 Надъ усими барамы;
 Да славѣнъ нашъ гаспандаръ
 Надъ усими гаспандарами.
 У нашего гаспандара

Куна на дварѣ играе,
 Собалѣ вызывае:
 Собалю, собалю! пагуляемъ зъ taboo,
 Развясалимъ свойго гаспадара
 И гаспадыню маладую
 И челядку вясѣдную.

(Ой, чья это рожь такъ хорошо созрѣла? Н Н (такого-то) рожь такъ хорошо созрѣла!.. Рожь его жнуть молодыя жницы золотыми серпами. Охъ, зеленый боръ, зеленый, самый лучший, изъ всѣхъ боровъ! Нашъ хозяинъ лучше всѣхъ хозяевъ! Унашего хозяина по двору куница играетъ, соболя зоветь: «Соболь! соболь! поиграемъ съ тобою, развеселимъ своего хозяина, и молодую хозяйку, и челядь веселую).

Если же жнуть на барскомъ полѣ, поють слѣдующую пѣсню:

Золата мае, золото, на таку малачона,
 На сталѣ пасыпана. Хто золата паличиць,
 Той на чужу сторону не паѣдзецъ...
 Да нашъ панъ маладзеньки
 На чужку не паѣдзецъ, пашлець службу
 Маладога и каня вараного;
 Коникъ будзя гарцаваці, служба паганяці,
 А нашъ панъ панаваци.
 Нашъ панъ маладзеньки —
 Паць имъ конь вараненьки,
 Выѣхавъ на нівачку,
 У счасливую гадзичачку,
 Ставь жнеякъ (жниць) личиць,
 Ставь Бога хвалиць:
 «Слава табѣ, Боже,
 Мае житка (рожь) будзе у стоць.»

Пѣсни составляютъ главное условіе дожинокъ... ни одинъ обрядъ небогаты такъ пѣснями, какъ обрядъ дожинокъ... и всѣ эти пѣсни болѣе или менѣе имѣютъ отношеніе къ тому случаю, по какому поють ихъ. Такъ вотъ, спустя нѣсколько времени (не болѣе двухъ часовъ), вжавъ по десятку сноповъ, жницы поють слѣдующую пѣсню, въ которой говорится, что онѣ уже сто копенъ нажали:

Добрая нивка была,
 Сто копь жита зрадила,
 И еще хвалитца,
 Што на копу калосья валитца...
 Запрагайце валы,
 Паѣдземъ да дубровы,
 Хвойки выцинаць,
 Копки падбираць.

(Хороши наши поля, — сто копенъ ржи на нихъ мы собрали; — да вдобавокъ еще съ копну наберется, если подберемъ валяющіеся колосья. Запрягайте воловъ, поѣдемъ въ темный лѣсъ, сосновыя деревья рубить (на телѣгу), чтобъ было на чемъ свозить нажатую рожь).

Когда наступаетъ время обѣда (10 или 11 часовъ утра), хозяева привозятъ всякаго кушанья и питья вдоволь: на этотъ разъ ничего не жалѣютъ; да и правду сказать, можно не жалѣть, потому-что къ этому времени, въ Бѣлоруссіи, въ огородахъ почти всѣ овощи созрѣваютъ, и поселяне не затрудняются, чѣмъ кормиться.

Обѣдъ продолжается часа два: веселый, шумный говоръ, звонкій хохоть, пѣсни, шутки, хлопанье въ ладоши не умолкаютъ въ продолженіе цѣлаго обѣда... Обѣденныя или такъ-сказать застольныя пѣсни не имѣютъ особаго значенія, и потому я пропускаю ихъ. Привожу одну для образчика:

Ой, послала мяне маці.
 Спѣлае жита жаці,
 Ой нуце жнейки,
 Не будгыце санейки!
 Ой, я житка не жала
 Въ бараздочкѣ лежала...
 Ой нуце жнейки и т. д...
 Наѣхали чужія жнейки,
 Нашли мяне въ бараздзейки.
 Ой нуце...
 Зажурилася Кацярина,
 Што не зжата жицина.
 Ой нуце...
 Черазъ твое русы волосы
 Выкасили усѣ пакосы,
 Ой нуце...

Черазъ твоё чорны бровы
 Выкасили усѣ дубровы,
 Черазъ твое бѣлы руки
 Выкасили усѣ палуки.

И жицину выжали,

И Кацярину палюбили.

Ой, нуце жнейки

Не будзьце санейки,

Не рана пачали,

Треба, штобъ багацька уцали...

(Послала меня мать — рожь жать: ой, жницы поскорѣе!.. не лѣнитесь! — Ой, я ржи не жала, въ бороздѣ пролежала; прїѣхали чужія жницы, отыскали меня въ бороздѣ. Загоревала Катерина, что ржи не сжала. Ты не слышала, какъ твоихъ волосъ, чорныхъ бровей и бѣлыхъ рукъ касались косы косарей, когда они косили на полѣ.... Выкосили они рожь и полюбили Катерину. Ой, жницы, поскорѣй! не лѣнитесь! Поздно начали жать, смотрите, еще много остается дожинать).

Послѣ обѣда принимаются опять жать, и опять съ пѣснями.

Часу въ третьемъ пополудни, хозяева привозятъ полдникъ, или *подвечорокъ* изъ холодныхъ кушаньевъ и закусокъ; какъ за обѣдомъ, такъ и за полдникомъ хозяева потчуютъ жницъ водкою.

Подъ вечеръ, жницы дружно принимаются за работу, и подгоняя одна другую разными прибаутками и пословицами, поютъ вдобавокъ пѣсню:

Ой, милы Боже!

Намъ да паможе?

Ци ня выжнемъ?

Соцейка пизка,

Вечерайка блиска.

Ай, ня выжнемъ!

Пташачки злетайце,

Снапочки знашайце,

Ой, милы Боже!

Намъ да паможе?

Ци не зносимъ?

Саколки злетайце,

Копачки складайце.

Ой, милы Боже, —
 Намъ да паможе?
 Загуляйка кукуя,
 Копачки рахуя,
 Не злічпыць!
 Ой, милы Боже,
 Намъ да паможе?
 Сонейка низка
 Вечерайка блиска
 Не злічпыць!..

(Ой, милый Боже! Кто намъ поможетъ дожать? Солнце низко, вечеръ близокъ: охъ, не дожнемъ! Слетайтесь птички, снесите въ копны снопы! Ой, милый Боже! помоги намъ! Слетайтесь соколы, складывайте копны! Ой, милый Боже! помоги намъ! — Кукушка кукуетъ, копны считаетъ и не пересчитаетъ. Ой, милый Боже! помоги намъ! Солнце низко, вечеръ близокъ: — не пересчитаетъ!)

Наконецъ, когда дожинають уже послѣдній *загонъ* (маленькій участокъ), каждая изъ жницъ откладываетъ по колоску, для одного общаго снопа, такъ-называемаго *дожиночнаго*. Собравъ такимъ-образомъ достаточное количество колосьевъ и связавъ дожиночный снопъ, жницы раздѣляются на двѣ половины: старыя и замужнія женщины сносятъ и складываютъ въ копны снопы, а дѣвицы, собравшись въ кружокъ, долго совѣщаются, кого избрать *багинею**. Избравъ въ богини красивую подругу, жницы-дѣвицы дожинають оставленный клочокъ ржи и изъ этой ржи сплетаютъ большой вѣнокъ, и украшаютъ его разными цвѣтами, лентами.

Старыя жницы.

У насъ сегодня вайна была,
 Усѣ поля зваевали.
 Змяли поля мяцѣлками,
 Пидзѣмъ дамовъ вяселками.
 Нивка наша, нивка!
 Аддай нашу силку.
 Мы свайму гаспадару

* *Богиня* — т. е. та, которая должна нести на головѣ вѣнокъ; въ пѣкоторыхъ мѣстахъ избранная для этого дѣвица называется *Талакою* (см. Журн. Мпн. Нар. Пров. Прибав. Ки. 4, 1846 г. Стая: Бѣлорусск. Народ. Повѣрья, слово Талака).

Да зрабили славу:
 Житачка пажали,
 У снапы павязали,
 У копы паклали,
 Мы свайму гаспадару
 Да зрабили славу:
 Ой, гаспадарачку нашъ!
 Дажиначкавъ часть!..

(У насъ сегодня много было работы: мы всю рожь съ поля сняли; подмели поле вѣничками, идемъ домой веселыми. Охъ, ты поле наше, поле! Ты возврати наши силы. Мы сдѣлали честь своему хозяину, рожь сняли, сноповъ навязали, въ кошны сложили. Мы сдѣлали честь своему хозяину: ой, хозяинъ ты нашъ! пора справиться намъ дожинки).

Въ тоже самое время, дѣвицы-жницы, дожиная рожь для вѣнка, поютъ:

Канецъ нивцѣ, канецъ!
 Упляцѣмъ гаспадару вянецъ,
 Да ужо жнива у канца,
 Нуце, дзѣвачки, да вѣнца!!
 Кружилися, кружилися,
 Уже мы житка дажалися;
 Дажалися дзѣвайки;
 За яснаго соняйки.

(Конецъ жатвѣ, конецъ! сплетемъ хозяину вѣнокъ... Жатва кончена! Путка, дѣвочки, возьмемся за вѣнокъ... Вертѣлись мы долго, пока сжали всю рожь, но зато сжали до заката солнца).

Сдѣлавши вѣнокъ, дѣвицы кладутъ его на голову богини, а въ руки даютъ дожиночный снопъ, покрытый длиннымъ бѣлымъ покрываломъ. Потомъ дѣвицы окружаютъ ее цѣпью и пляшутъ, припѣвая:

Кружкомъ, дзѣвачки, кружкомъ
 Къ гаспадару зъ паклонамъ;
 Не сами мы идзѣмъ,
 Мы вяночакъ нясѣмъ.
 У нашей гаспадыни
 Повна хлѣба у адрини (въ амбарахъ);

Треба пакланитца,
Штобъ къ ёй дабытца.

Въ это время къ дѣвицамъ присоединяются старыя и замужнія жницы, и предводительствуемая богинею, все вмѣстѣ отправляются въ домъ къ хозяину, — и поютъ:

Да гудзецъ поля, гудзецъ;
Багиня зъ поля идзецъ.
Гаспадарка! не улекайся,
У свѣтличку не схавайся.
Выкаци бочку пива,
А другую гарелки...
Мы жнейки не жавнерки,
Не папѣмъ усей гарелки.
Наша гаспадыня мила,
Дасецъ намъ бѣлага сыра.
Сива пава летала,
Крылами дворъ митала,
Спаздѣвалася вѣнца,
Да свайго гуменца!

(Раздаются по полю звонкія пѣсни, богиня съ поля идетъ. Не пугайся, хозяинъ, не прячься въ свѣтелку; выкати бочку пива и водки: мы жницы не солдаты, не выпьемъ всей водки. Наша хозяйка мила, угоститъ насъ бѣлымъ сыромъ. Сѣрая пава летала, крыльями дворъ заметала, ждетъ, не дождется вѣнка для своего гумна).

Пѣсни не умолкаютъ чрезъ всю дорогу.

Проходя чрезъ деревню, жницы-дѣвицы прилясываются, — старухи поютъ:

Будзь сяло вяселó,
Ба мы вянoкъ нясемо:
Зъ добраго жита
Вѣлми красавита...

(Веселись деревня наша! мы вѣнокъ несемъ, вѣнокъ изъ хорошей, вполне созрѣвшей ржи).

За тѣмъ все вмѣстѣ поютъ:

Адчиняй, гаспадару, свой дворъ,
 Ба ведземъ весь живнвый зборъ;
 Ай, нажали, навязали капочакъ,
 Якъ на небѣ звездочакъ...
 Справѣжа намъ, гаспадару, дажинки,
 Ба мы страцили для цябе свае силки;
 Адчини намъ хатку
 Упусьци багвию—матку!
 Забій намъ, гаспадару, барана,
 Забій намъ вяликаго быка;
 Забій намъ свае гуски,
 Не пажалуй цялушки!..
 Ня крыйся жъ, гаспадару, передъ нами,
 Ба мы видимъ цябѣ вакнами.
 Выйдзи да насъ,
 Выкупи вянокъ у насъ!!...

(Отворяй, хозяйинъ, дворъ, потому—что къ тебѣ идутъ жницы; ой, нажали онѣ, наскладали столько копенъ, сколько на небѣ звѣздъ. Справъ же намъ дожинки, въ награду за то, что мы для тебя не щадили своихъ силъ; отвори комнату, пропусти богвию—матку! Зарѣжь намъ, хозяйинъ, барана, зарѣжь большаго вола, зарѣжь гусей, не пожалти теленка... Не прячься, хозяйинъ, отъ насъ: вѣдь мы видимъ тебя сквозь окна... Выйди къ намъ, выкупи вѣнокъ у насъ).

Хозяева, заслышавъ пѣсни жницъ, выходятъ изъ хаты и встрѣчаютъ ихъ на дворѣ съ хлѣбомъ—солью. Богвию выстукаетъ впередъ, и поклонившись хозяйну, кладетъ у ногъ его доживочный снопокъ, который хозяйка окропляетъ святою водою, а вѣнокъ передаютъ ему въ руки, приговаривая:

— Паздаровъ Божа гаспадару! Принесли табѣ вянокъ, зъ широкага поля, зъ ядранага жита. Гаспадаръ свойо гаспадарства не страциць, намъ за вянокъ заплациць, хоць чирвоные боты для нашей охоты, — житу на урожай, а гаспадару на долги вѣкъ. Гаспадару вянокъ, а намъ гарелки збанокъ!»

(Привѣтствуемъ тебя, хозяйинъ! Да будетъ съ тобою Богъ! Мы принесли тебѣ вѣнокъ съ большаго поля, сплели изъ зернистыхъ колосевъ. Ты не обѣдишь, если заплатишь намъ за этотъ вѣнокъ хоть

красными сапогами, чтобъ захотить насъ на другой разъ. Пошли, Господи урожай твоимъ полямъ, а тебѣ долгой вѣкъ. Вотъ тебѣ, хозяинъ, вѣнокъ, а ты намъ поставь кувшинъ водки!..)

Хозяинъ беретъ вѣнокъ съ поклономъ — богинѣ, а хозяйка дарить ее деньгами и сапогами *...

Въ то время, какъ богиня привѣтствуетъ хозяевъ, всѣ жницы поютъ:

Принесли вамъ плонъ
 За всѣхъ четырехъ старонъ,
 Принесли вамъ зборъ
 Съ-падъ зелѣныхъ горъ;
 Изъ горы, съ-падъ гары
 На гаспадарскіе двары;
 Съ падваровъ да каморы
 На уселякіе заборы...

(Мы принесли вамъ снопъ ржи со всѣхъ четырехъ концевъ (поля); принесли вамъ рожъ изъ-подъ зеленыхъ горъ, несли черезъ горы, пригорки, принесли въ вашъ хозяйскій дворъ; изъ двора — понесемъ въ домъ на всякое благое употребленіе).

Является музика, и хозяева, при звукахъ доморощеннаго артиста и приплясываніи дѣвиць, ведутъ богиню въ хату; вѣнокъ и дожиночный снопъ несетъ какая-нибудь дѣвица. Вошедши въ хату, хозяева ставятъ дожиночный снопъ на покуць, подъ образами, вмѣстѣ съ зажиночнымъ, гдѣ онъ стоитъ нерѣдко цѣлый годъ, а вѣнокъ вѣшаютъ на кіоту; затѣмъ, сажаютъ богиню на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ нею садится хозяинъ и прочія жницы. Музика играетъ...

Хозяйка кланяется богинѣ. Богиня, не трогаясь съ мѣста, говоритъ:

* Изъ того, что въ пѣсняхъ говорится о заплатѣ за вѣнокъ и что хозяйка даритъ богиню деньгами и сапогами, не слѣдуетъ, будто этимъ выражается корыстолюбіе и домогательство денегъ за труды, какъ думаютъ нѣкоторые польскіе изслѣдователи славянской старины (Jucewicz, H. Str. 311), на основаніи вышеприведенной пѣсни и привѣтствія богини. Этимъ только доказывается наивная откровенность жницъ и свободное обращеніе ихъ съ тѣмъ хозяиномъ, которому они работали и въ добротѣ котораго онѣ вполнѣ увѣрены... Кто сколько-нибудь изучалъ духъ подобныхъ обрядовъ, славянскихъ вообще, и въ особенности славяно-русскихъ, тотъ могъ замѣтить, что подарки (нерѣдко самые ничтожные, какъ напримеръ при свадебныхъ обрядахъ, — пояски) составляютъ главное условіе и принадлежность этихъ обрядовъ, какъ выраженіе гостепримства и дружеской общительности славянской...

Гасподынячка, хутка!
 Звивайся намъ хутка;
 Такъ-якъ мы звивалися,
 Кала нивки напажиналися!..

(Поспѣши, хозяйюшка, угостить насъ, какъ мы спѣшили дожать рожь на твоёмъ участкѣ поля).

Жницы тутъ же поютъ:

Гаспадыньцѣ сорамя,
 Што сѣдзяць такъ жнейки за столамъ.
 Силы усѣ яны разтрасли,
 Шипки на рукахъ нарасли:
 Треба намъ гарелки,
 Штобъ разогнуць касьцельки...
 Дайцежъ намъ гарелки
 Зъ новой барелайки!..
 Казала намъ нивка:
 Есьць у камори гарелайка,
 У камори на палицы,
 Въ малёванай шклянницы!..

(Стыдно хозяйкѣ, что жницы такъ сидятъ за столомъ: вѣдь онѣ всѣ силы свои истощили, нажали мозолей на рукахъ; нужно угостить водкой, чтобъ расправить больные суставы; дайте жъ намъ водочки изъ новаго боченка. Говорило намъ поле, что въ каморкѣ ца пристѣнкѣ, въ раскрашенной стѣлянницѣ стоитъ водка)...

Послѣ такой просьбы богини и жницъ, хозяйка приноситъ въ ведрѣ водку, и хозяинъ угощаетъ ею работницъ; первая рюмка предлагается богинѣ... Затѣмъ подають горячія кушанья...

Во все время угощенія, музыка, сидя въ отдаленіи, играетъ разныя пьесы своей композиціи...

По временамъ, въ промежуткахъ перемѣны кушанья, нѣкоторыя охотницы поютъ, но эти припѣвы ничто иное, какъ отрывки или даже нѣсколько словъ изъ цѣлыхъ пѣсень.

Послѣ ужина старухи остаются въ хатѣ вмѣстѣ съ хозяевами, а дѣвѣнцы и молодѣицы, вмѣстѣ съ дочерью и прочими родственницами хо-

зяина, выходятъ на дворъ, гдѣ, упробивъ музыку играть, начинаютъ плясать народныя, мѣстныя пляски... И плясками и музыкой распоряжается богиня: музыка не смѣетъ отказать ей ни въ какой просьбѣ...

Любимыя пляски, во-время дожинокъ, разнообразны, но особенно чаще всѣхъ повторяются: *талакуха*, *журавель*, *мяцелица* и *скакуха*. Всѣ онѣ болѣе или менѣе похожи одна на другую. Одна талакуха нѣсколько отличается отъ прочихъ плясокъ. Особенность ея та, что сначала, впереди вертится богиня, а прочія дѣвицы, стоя полукругомъ, топаятъ ногами и подпрыгиваютъ, не сходя съ своего мѣста и размахивая платками... потомъ всѣ дѣвицы догоняютъ богиню, и окруживъ ее, кланяются ей, а она, сидя на землѣ, поетъ:

Да играла совнейка,
 Ня багата играла,
 У хмурку схавалася,
 Дажду баялася...
 Камарочки мае,
 Ня кусайце вы мяне,
 А кусайце вы жнеякъ,
 Што мнѣ устаць неякъ...

(Играло солнышко, не наигралось, спряталось за тучами, испугалось дождика... Комары мои, комарики! не кусайте вы меня; вы кусайте этихъ жницъ, что изъ-за нихъ мнѣ нельзя встать съ земли).

Послѣ этого дѣвицы садятся всѣ вмѣстѣ возлѣ богини...

Между-тѣмъ хозяйка не забываетъ дѣвицъ и по временамъ выносить имъ водку и закуки. Замѣчательно, что при подобныхъ обрядахъ никогда не бываетъ пьянства: пьютъ немного для веселія, но ничуть не для того, чтобъ сбиться съ ногъ.

Пляски продолжаются до поздней ночи... Богиня первая напоминаетъ жницамъ, что пора идти домой и — вотъ все общество старыхъ и молодыхъ начинаетъ прощаться съ хозяевами...

На прощаньи, хозяева еще разъ потчуютъ всѣхъ жницъ водкою, закусками, и благодарятъ за оказанную имъ услугу, прося не отказать въ своей помощи и на слѣдующее лѣто. Жницы благодарятъ хозяевъ за угощеніе, при чемъ богиня, обращаясь къ хозяину, говоритъ:

Дай Боже
 Табъ, нябоже, (хозяинъ)
 Абсваць, насъваць,
 А намъ жаць, дажинаць!

Тутъ хозяинъ набрасываетъ на голову богини покрывало съ дожи-
ночного снопа, и даритъ ее пшеничнымъ хлѣбомъ...

Общество жницъ расходится по домамъ съ пѣснями и въ сопрово-
жденіи музыки... Несмотря на то, что музыкантъ измученъ до-нельзя,
богиня все-таки требуетъ, чтобъ онъ проводилъ ее до самого дома, вмѣстѣ
съ прочими дѣвцами — жницами ..

Нерѣдко случается, что жницы возвращаются домой съ разсвѣтомъ
дня, и чрезъ часъ отправляются на барскую, или на свою работу...

ПАВЕЛЪ ШПИЛЕВСКІЙ.

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ.

7. ВОЛШЕВНЫЙ-ЦВѢТОКЪ.

Преданіе могилевской, минской и витебской губерній.

Гдѣ-то, — помнится, — старики баяли мнѣ въ веселую годину, или нянюшка моя родная напѣвала мнѣ еще надъ колыбелью моею, — гдѣ-то, будто въ нашихъ земляхъ, бѣлорусскихъ странахъ, непроходимые лѣса росли и въ поднебесьи широко, привольномъ перешептывались они съ тихими южными вѣтрами вѣчно-зелеными своими вѣтвями; а въ тѣхъ лѣсахъ непроходимыхъ, въ чащѣ дубовыхъ и кленовыхъ деревьевъ, — высились крутыя горы, высокія-превысокія, и остроконечными своими верхами упирались въ облака надземныя и твердь небесную.

Межъ высокими горами славились сказками и разказами о кладахъ зарытыхъ-заклятыхъ гора, высочайшая изъ высокихъ; *знахари** и баяны называли ее *горою-стекляною*: — такова ужъ сказка про нее бѣлорусскихъ людей.

На горѣ той превысокой стоялъ замокъ изъ замковъ, замокъ каменный, неприступный, весь обнесенный скалами и цвѣтущими садами... Замокъ чудный, дивный былъ, — ни придумать, ни угадать, только въ сказкѣ сказать... Чего — чего тамъ не было: и птичекъ Божіихъ вся-

* О *знахаряхъ* подробно объяснено въ моей статьѣ — о *вовкалакахъ*. См. «Москвитинъ» 1853 г. № 5.

кихъ, и деревецъ съ цвѣточками огненными, и звѣрьковъ четвероногихъ и двуногихъ, и ручьевъ съ пресладкой водицей, и дорожекъ золотистыхъ, хрустальновидныхъ: недоставало лишь птичьяго молока...

Жилъ въ томъ замкѣ невиданной—неслыханной красоты молодецъ, богатырь непроходимыхъ лѣсовъ; ума разума его и въ сказкѣ не рассказать; ну и прозвали за то его: Чудо—Краса, Разумъ—Разумовичъ...

Много дивъ разсказывали про разумаго богатыря, много слуховъ носилось по бѣлорусской землѣ про Чудо—Красу; многимъ видѣть его хотѣлось, — а не то и послушать сладкихъ медовыхъ его рѣчей. Да неприступенъ онъ былъ со своимъ замкомъ; нельзя было добраться къ нему съ человѣческой силою, съ простымъ умомъ: только и было у людей, что хотѣть хотѣли, а привести въ исполненіе хотѣнья своего не умѣли...

Долетѣла вѣсть о Чудо—Красѣ, Разумѣ—Разумовичѣ до колдуньи Ятаги, бабы старой, съ кошачьей головой, сестры родной вѣдьмы Яги. Долго думала Ятага, какъ бы заманить въ свои хоромы разумника богатыря и *закаровать* его себѣ въ сердечные друзья: не выдавши ужъ полюбила молодца баба Ятага. . Да бѣда вѣдь та, что Чудо—Краса, Разумъ—Разумовичъ нелюдимъ, говорятъ, былъ, и найти себѣ по душѣ красавицы не могъ: много ѣздилъ онъ по бѣлому свѣту, веѣ моря и океаны облетѣлъ, а сердечной красоты не нашелъ себѣ, и заперся съ тѣхъ—поръ молодецъ въ свои замковые палацы и не хотѣлъ вести рѣчей ни съ кѣмъ изъ сосѣдей и далекихъ гостей.

Но задумала Ятага... и поставить на своемъ клятвой чаръ поклялась: хотъ гори весь свѣтъ, а ужъ должно быть по ея; такая упрямая баба была колдунья Ятага!

По сосѣдству съ Чудо—Красою жилъ знахарь—колдунъ, пребольшой злодѣй; ненавидѣлъ онъ Разума—Разумовича за богатство его несмѣтно и за то, что не пускалъ онъ его въ свои лѣса и на скалистыя горы... У колдуна—знахаря были двѣ дочери. Ужъ какія красавицы онѣ были—право трудно было лучше ихъ найти; дивились веѣ, что краса—молodeцъ не могъ встрѣтить ихъ нигдѣ и выбрать себѣ въ жены одну изъ нихъ... А красавицы были хотъ куда; все различіе межъ сестрами было въ томъ, что у одной черная коса, у другой бѣлорусая, золотистая, какъ лень...

Знала баба Ятага, кошачья голова, что враждуетъ на красу—молодца злой чародѣй, и затѣяла еще болѣе вооружить колдуна противъ Разума—Разумовича...

Оборотилась Ятага въ муху жужжащую и полетѣла на Стекланую-гору, въ дивный замокъ богатыря, и очутилась въ палатахъ неприступ-

наго красы-молодца... Разумь-Краса кушать изволилъ... Вдругъ влетаетъ муха незамѣтно, и поддравшись тайкомъ невидимкой къ столу, всыпала въ молоко *зеле-приворотное*, истолченное въ порошокъ.

Разразилась хохотомъ Ятага и исчезла въ ту же минуту, какъ испилъ молока Разумь-Краса: рада была, что успѣла зачаровать молодца.

Вотъ и пошла бѣда за бѣдой на горѣ Стеклоной, въ замкѣ величавомъ; въ сердцѣ молодца закралась тоска, и ни вѣдать ни знать, откуда горестъ напала такая на молодца.

Не сидится Разуму-Красѣ дома: что-то манить его къ предѣламъ колдуна; чуетъ, сердце его, что найдетъ онъ тамъ себѣ красавицу-жену. Задумалъ думу и пошелъ къ колдуну-знахарю...

Не прошелъ и полпути, какъ на дорогѣ ему, у Синяго-ручья, встрѣчается прекрасавица-дѣвица, *Руса-Косица*: то была дочь злодѣя, враждебнаго чародѣя...

Остановился въ изумленіи Разумь-Краса; остановилась въ раздумьи бѣлолицая дѣвица и опустила свои ясныя, голубыя очи... кровь заиграла въ сердцѣ,—не тронется съ мѣста суженая невѣста...

— Ахъ, красавица дѣвица! воскликнулъ наконецъ Разумь-Краса: откуда шлетъ тебя навстрѣчу мнѣ моя судьба? Исходилъ я весь свѣтъ, извѣздилъ весь міръ земной, а не видѣлъ красы такой, какъ ты, бѣлолица, Руса-Косица... Расскажи мнѣ, не стыдись, гдѣ живешь и какихъ родителей дочь?..

— Много знать хочешь, отвѣтила дѣвица: ты, красавецъ-гордецъ, и не думалъ, что могутъ быть такія, какъ я, на землѣ, вблизи замка твоего, что на Стеклоной-горѣ... Такъ знай же и вѣдай, что за высокими твоими горами, за непроходимыми лѣсами, на песчаномъ берегу рѣки, живетъ пресловутый знахарь, родной мой отецъ, а твой недругъ, большой неуріатель; кромѣ меня, есть у отца дочь другая, старшая красавица; значить насъ двѣ сестры... Но къ чему тебѣ все говорить? Не бывать ни мнѣ, ни сестрѣ женой твоей: не отдастъ за тебя ни одной изъ насъ чаровникъ отецъ... Ну, прощай Чудо-краса, Разумь-молодецъ; мнѣ пора идти домой, загулялась слишкомъ долго я; ожидаетъ давно меня сестра, и того-гляди, отецъ пошлетъ слугъ искать бѣглянку...

— Нѣтъ, красавица прекрасная! не пущу я тебя, пока не услышу доброй вѣсти изъ медовыхъ устъ твоихъ, что согласна ты быть моею женой и всѣхъ владѣній моихъ госпожей... Не могу я разстаться съ тобою, красная дѣвица, Руса-Косица: полюби меня, добра молодца, не страшись ты гнѣва своего отца... Я съумѣю тебя приласкать, приголубить; окружу тебя всѣми дивами; будешь ходить по цвѣтистому,

шелковистому дугу, по золотистымъ дорожкамъ, будетъ покойно твоимъ крошечнымъ ножкамъ; спать будешь на лебяжемъ пуху... будешь слушать въ саду пѣніе райскихъ птичекъ; всѣ онѣ слетятся къ тебѣ и бѣлоснѣжными, серебристыми крылышками прильнуть къ груди, къ шейкѣ и къ розовымъ губкамъ твоимъ... Не разъ я позавидую имъ, что не могу быть птичкою и прильнуть всѣмъ сердцемъ къ сердцу твоему... Что-жь, красавица дорогая, не отвѣчаешь мнѣ? Милы ль рѣчи мои тебѣ, аль навсегда хочешь покинуть меня?..

— Хоть и милы мнѣ рѣчи твои, да отвѣтить теперь я не могу тебѣ.. Если хочешь знать отвѣтъ, приходи завтра къ намъ: будетъ данъ тебѣ отвѣтъ, услышишь его самъ...

Разумъ-Краса чуть не бросился было обнимать красавицу дѣвицу... но красавицы не стало на мѣстѣ... сказавъ послѣднія слова, она исчезла въ чащѣ глухихъ лѣсовъ...

Долго-долго стоялъ Чудо-Разумъ-Краса на одномъ и томъ же мѣстѣ, и опомнился ужъ тогда, какъ вечерняя заря засвѣтилась надъ его головой и туманная синева сѣтью раскинулась вокругъ него...

Воротился Разумъ-Краса въ замокъ дивный, и запершись въ золотыхъ палатахъ одинъ, думу сладкую думалъ всю ночь, а съ разсвѣтомъ дня на лихомъ конѣ помчался къ песчаному берегу рѣки, въ теремъ пресловутаго колдуна, раскрасавицы бѣлорусой отца...

У дверей встрѣтила молодца старшая дочь колдуна, невиданная красавица: очи ясныя, какъ заря денницы, и какъ черное, блестящее дерево черная, предлинная коса...

Взглянулъ Разумъ-Краса на чернявку дѣвицу, съ поклономъ на привѣтъ красавицы мимо бодро прошелъ, и прямо къ колдуну въ свѣтлицу — съ рѣчью молодецкою: сталъ просить у него позволенія купить себѣ въ жены младшую дочь его, бѣлорусую, голубоокую...

Разсердился колдунъ, что гордецъ сосѣдъ вздумалъ просить руки младшей дочери, вопреки старинному обычаю въ тѣхъ земляхъ, бѣлорусскихъ странахъ, и въ отвѣтъ на рѣчь молодецкую отвѣчалъ такъ:

— Смѣяться изволишь надъ нами, ты сосѣдъ богачъ; за такое оскорбленіе мѣсть объявляю я тебѣ родovou... будь готовъ защищаться: я нашла на тебя всѣ чары мои и на помощь призову *гарцуковъ* * и русалокъ Ягай...

Сказавъ это, колдунъ скрылся. Изумленный Разумъ-Разумовичъ съ горемъ въ сердцѣ оставилъ теремъ колдуна, тѣмъ болѣе оскорбленный,

* О гарцукахъ см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. прибав. кн. 4, — статью мою: бѣлорус. народ. повѣрья, — слово *гарцуки*.

что не могъ увидѣть красавицы блѣлорусой, и поклялся въ душѣ—силою-неволей завладѣть сокровищемъ знахаря, безъ котораго жизнь ему казалась смертию.

Сѣлъ на коня и помчался по песчаному берегу рѣки въ свои непроходимые лѣса...

Но не успѣлъ онъ проскакать и полпути, какъ навстрѣчу къ нему бѣжить красавица-дѣвица и машеть бѣлымъ платкомъ...

Остановился Разумъ-Краса, и не вѣря своимъ глазамъ, обратился къ дѣвѣ чудной съ нѣжными рѣчами.

Разказала дѣва чудная про любовь свою къ нему, про горе тяжкое, которымъ томилась душа ея во все время разлуки съ нимъ, красавцемъ-богатыремъ.

— Что же дѣлать мнѣ? грустно спросилъ дѣву Разумъ-Краса. Посовѣтуй мнѣ, пожалѣй меня...

— Я готова быть женой твоей, отвѣчаетъ дѣва... Посади меня съ собой на коня и умчимся вмѣстѣ въ замокъ дивный твой, на Стекланую-гору...

Соскочилъ Разумъ-Краса съ вороного коня, и обвивъ дѣву милую рукою, посадилъ ее съ собою на лихаго бѣгуна и въ минуту прискакалъ въ золотыя свои палаты...

Ждетъ—не дождется колдунъ младшей дочери своей... Заскрежеталъ злодѣй зубами отъ злости: силами чаръ своихъ догадался онъ, что сосъдъ богачъ похитилъ дѣтище его родное...

Но дѣлать нечего было... Нужно наказать похитителя... И вотъ колдунъ *оборотился* въ змѣя огненнаго и полетѣлъ къ Ятагѣ за совѣтомъ, какъ наказать Разума-Красу... Ятага никакъ съ-родни была колдуну-знахарю...

Обрадовалась Ятага прибытію змѣя-колдуна, и обѣщала погубить дерзкаго Разума-Красу, но за то предложила колдуну выгодное для себя условіе...

— Изволь, сказала Ятага, наказать накажу я примѣрно его: я нашла на него сонъ такой, что задумаетъ онъ отыскать въ Стекланой-горѣ своей кладъ заклятый, самой-большой, ну и погибнетъ онъ подъ горой, не видать ему затѣмъ жены своей... Да зато долженъ будешь ты отдать свою дочь похищенную на услуженіе мнѣ, на пять лѣтъ... Хочешь — соглашайся, а не то я не помощница тебѣ...

Согласился колдунъ на предложенное условіе, лишь бы только отмстить сосѣду-богачу...

Сбылось сказаніе Ятаги...

Въ одну ночь ненастную, темную, — видитъ сонъ Разумъ-Краса,

будто глубоко въ землѣ, подъ Стекляной-горой, стоитъ мѣдный котель величины необъятной, весь горитъ какъ въ огнѣ, а въ среднѣй въ немъ дивнымъ свѣтомъ свѣтится алмазъ на алмазѣ, ахонтъ на ахонтѣ, безъ счета, безъ числа; никакъ нельзя всего добра перечесть...

На зарѣ еще пробудился Чудо-Разумь-Краса и покоя въ душѣ не находить; захотѣлось ему добыть кладъ земной; зависть и жадность овладѣли душой молодца: мало стало, вишь, для него всякаго добра своего...

— Добыть кладъ хочу! твердитъ онъ женѣ своей всякій день съ утра до поздней ночи... Не то умру съ досады и печали..

— Ахъ, Разумь-Разумовичъ! Чудо-Краса! что затѣвать ты изволишь? такъ говорила Разуму жена, предчувствуя бѣду. Знать не мила я тебѣ стала, что погубить ты меня хочешь... Чуетъ сердце мое бѣдное, что Ятага злая готовить козни тебѣ: слышала я отъ отца-колдуна, что влюблена она въ тебя, и теперь разлучить меня съ тобою поклялась непременно... повѣрь мнѣ, душа-краса! Горе-горькое постигнетъ тебя, если ты не послушаешь меня, бѣдной жены своей, и пойдешь искать кладъ въ Стекляной-горѣ той.. Не ходи искать клада! Ты погибнешь тамъ... Умоляю тебя, послушай меня, моя радость, мое утѣшеніе, моя душа-краса! — не ходи, не губи себя и меня...

Но слова любимой жены острѣй жала змѣйнаго отзывались въ душѣ Разума-молодца, и чѣмъ больше молила-просила его жена, тѣмъ пуще жажда пріобрѣсть новое богатство овладѣвала душой богатыря... Рѣшилъ — искать клада, и ничто не могло овлечь его отъ такого рѣшенія...

Видитъ жена, что грозитъ ей бѣда, и со слезами, въ отчаяніи, проситъ мужа выслушать хоть послѣдній совѣтъ...

— Если ужъ такъ непреклоненъ ты въ своемъ рѣшеніи, такъ послушай же, что скажу я тебѣ... Знаю я, что не видѣться намъ съ тобою много лѣтъ — съ этого дня: такъ по-крайней-мѣрѣ, не забудь, какъ увидишь тамъ у клада стоять будетъ стекляной стражъ, чудище-большое, — не забудь разбить стекляное это чудище; хоть этимъ ты поможешь своему великому горю... Слышала я отъ отца, что чудище это — заклятой богатырь: Ятага превратила его въ стекляную-стекляницу (стеклянный сосудъ), чтобъ не могъ богатырь вредить чарамъ ея силою волшебнаго цвѣтка, который добылъ онъ по наследству отъ силача *Злыдня* *, похитившаго цвѣтокъ изъ *скарбницы* ** Перуна, бывшаго своего властелина.

* См. Журн. Мин. Нар. Пров. 1852 г. Литер. Прибавл. № 3, — слово *Злыдзень*.

** Простонародье бѣлорусское вѣрить, что у Перуна есть *скарбница* (ларчикъ) съ разными волшебными приправами; этой скарбницей когда-то завѣдывалъ Злыдзень и потомъ свергнутъ былъ съ неба Перуномъ за то, что похитилъ волшебный цвѣтокъ.

Кончила рѣчь свою бесѣду красавица жена, и рыдая безотрадно-горько, стала прощаться съ Чудо-Разумомъ-Красою...

Попрощались... Не безъ слезъ прощался и Разумъ-молодецъ... Наконецъ, махнувъ рукой, — выбѣжалъ онъ изъ палатъ золотыхъ своихъ, и собравъ дворчанъ съ топорами, вилами, заступами и мечами, спустился внизъ къ подошвѣ горы...

Ударили дворчане топорами, вилами, заступами и мечами въ Стекланую-гору... и поколебалась гора высокая въ своихъ основаніяхъ... Ударилъ Разумъ мечомъ своимъ, и вдругъ, о диво! застонала земля страшно, завыли волки въ непроходимыхъ лѣсахъ, заревѣли медвѣди и львы... и въ добавокъ раздался вопль ужасный — не то женской, не то дѣтскій... «Быть бѣдѣ!.. говорятъ дворчане!.. не къ добру воютъ волки!..»

Но богатырь-краса не робѣетъ, и ободряя дворчанъ рѣчью своей, продолжаетъ разбивать мечомъ Стекланую-гору... Вотъ-вотъ разбить бы кажется гору, раза два ударить только мечомъ...

Замахнулся снова богатырь мечомъ... и гора затрещала... Искры огненные показались изъ отверстій горы... Потемнѣло небо ясное, налетѣли тучи со всехъ сторонъ... застонала пуще земля... и пронзительно закричала благимъ матомъ сова...

Грохнули перуны; молніи огненные озарили на минуту лица дворчанъ и богатыря... дрогнула гора и на двѣ части распалась... растворилась пропасть страшная и проглотила замокъ богатыря со всею его добромъ, палатами и садами, и красавицею женою; исчезли дворчане въ пропасти, полетѣлъ въ бездонную глубину и самъ Чудо-Богатырь...

Что же случилось съ богатыремъ Разумомъ-Красою?.. Залетѣлъ Чудо-Разумъ въ самую бездну безъисходную, непроходную; темнота мрачная вокругъ него; на дворчанъ его напали змѣи и совы крылатыя и разорвали ихъ на части, — не оставили костей, все до-тла поѣли... Туже долю горькую готовили змѣи—совы и богатырю Чудо-молодцу, но богатырь замахнулся мечомъ, и вдругъ—спустился, какимъ-то чудомъ, еще ниже въ пропасть...

Глядь молодецъ, — предъ нимъ сонъ на яву: горитъ огнемъ несгораемымъ котель съ алмазами, весь наполненъ блестящимъ добромъ... Но приступить къ нему нельзя: змѣи, ужи и драконы желѣзными крыльями и огненными хвостами машутъ на все четыре стороны и не пускаютъ Чудо-Разума пробраться къ заклтому кладу... Попробовалъ было Разумъ-Краса разогнать стражу волшебную своимъ мечомъ, да куда! ихъ и мечъ не беретъ... такъ и сыплотъ изъ пасти огненные искры... А одинъ изъ драконовъ какъ свиснетъ, да завизжитъ, такъ откуда взя-

лись вереницы русалокъ, и наивъ на красавца-молодца, стали щекотать его до-тѣхъ-поръ, пока не измучили до безчувства, и потомъ бросили его въ озеро глубокое, заросшее тростникомъ остролиственнымъ...

Не видать бы доброму молодцу свѣта Божья никогда, да спасло его то чудо, что уснулъ онъ богатырскимъ сномъ поверхъ озера стоячаго, поверхъ тростника растущаго... Спалъ онъ долго, нѣсколько лѣтъ спалъ онъ такъ... ну и проснулся наконецъ чрезъ цѣлыхъ пять лѣтъ: видно, спать прошла ужъ пора для него...

Пробудился Чудо-Разумъ... свѣту Божья не видать ни отколь... только гдѣ-то тамъ вдали блеститъ ярко—не то стекло, не то камень дорогой...

Вотъ подходитъ Чудо-Разумъ къ блестящему чуду: но не чудо то было, а чудище стекляное, стекляница-стекляная, о которой говорила богатырю любимая его жена...

Тутъ-то вспомнилъ нашъ молодецъ о своей женѣ и горько плакать сталъ — отчего не послушалъ совѣта жены и затѣялъ добыть кладъ земной, заклѣтый Ятагѣй...

Вдругъ слышитъ, стекляница говоритъ: «Эхъ, ты Чудо-Разумъ-Краса! а еще богатыремъ слывешь на землѣ... Чтѣ-жъ ты плачешь-горюешь? Аль забылъ, чему учила тебя жена, нанаглядная краса?..»

Ободрился Разумъ-молодецъ, и не думая долго, хватъ мечомъ по стекляницѣ...

Зазвенѣла стекляница... но не распалась на части и только на звонъ ея сбѣжались длинноволосыя русалки и чуть было не стали щекотать молодца опять... Но богатырь хватилъ еще мечомъ изъ всей молодецкой силы по стекляницѣ... и разлетѣлась въ дребезги стекляница... Захотали дико зачарованныя дѣвицы и исчезли въ туманъ... А изъ-подъ стекляницы выскочилъ раскрасавецъ молодецъ, богатырь не въ примѣръ Чудо-Красѣ...

Обезумѣлъ Разумъ-молодецъ, увидѣвъ такого богатыря и не могъ промолвить слова: такъ хорошъ, пригожъ былъ освобожденный богатырь...

«Чтѣ смотришь такъ безмолвно на меня, Чудо-Краса? спросилъ освобожденный красавецъ... Дай руку... мы съ тобой друзья съ этихъ поръ!.. Ты избавилъ меня отъ заклѣтой Ятагѣй, оказалъ мнѣ услугу безпримѣрную... Я въ долгу предъ тобой... Отплатить тебѣ хочу за услугу услугой... Есть у меня цвѣтокъ волшебный, изъ скарбницы громовержца Перуна: въ этомъ цвѣткѣ заключается таинственная сила, предъ которой трепещетъ даже Баба-Яга, а не то, что какая нибудь Ятагѣй... Погубить тебя она хотѣла и похитила у тебя раскрасавицу

твою жену... Ну такъ вретъ же, баба злая, не быть по еѣ: я спасу твою красу-жену, только дѣлай все, что я тебѣ скажу... а не то не берусь помочь спасти твою жену...

Подаль руку богатырю Чудо-Разумъ и обнялись молодцы, какъ два родные брата.

А потомъ богатырь такъ сказалъ своему освободителю: вотъ смотри что будетъ...

Сказалъ и изъ сапога лѣвой ноги вынулъ дивный волшебный цвѣтокъ...

Засіялъ цвѣтокъ радужными отливами; лучи яркіе, огневые отъ него сверкнули подъ сводами мрачной храмины кладовъ заклѣтыхъ; закружились земляные слои, заходили ходенемъ трясущіяся, топкія болота и заросшія тростникомъ озера... взвизгнули змѣи, засвистали драконы... пошатнулся котель мѣдный съ алмазами и въ минуту очутился предъ богатыремъ съ волшебнымъ цвѣткомъ...

«Стой, и не двигайся съ мѣста, котель мѣдный! говоритъ богатырь... Ожидай здѣсь насъ... Мы отправимся въ дальній путь — къ бабѣ-Ятагѣ... посмотрѣть на ея владѣнья и отвѣдать силы чаръ ея и волшебнаго *знахарства*—умѣнья...

Слышалъ, видѣлъ все это Разумъ-Краса и подивиться не могъ богатырской такой силѣ волшебнаго цвѣтка...

Но не все тутъ было диво... Было диво и другое.

Махнулъ богатырь волшебнымъ цвѣткомъ на все стороны храмины кладовъ, и замолкло все въ подземной долинѣ... Не стало богатыря.

Смотритъ Чудо-Разумъ, куда дѣвался богатырь... и готовъ былъ плакать съ горя, что не стало помощника-силача.

Сталъ тужить и горевать добрый молодець... Но въ тужъ минуту предъ нимъ сталъ сѣрый волчокъ, съ сребристою шерстью на спинѣ, золотистымъ хвостомъ, огненными глазами и желѣзнымъ языкомъ... на лбу горѣлъ яркимъ огнемъ волшебный цвѣтокъ...

«Ну садись на меня, волчка, добрый молодець; да смотри, дѣлай все, что скажу тебѣ, а не то сброшу тебя въ страшную трущобу... А чтобъ не скучно было намъ, спой-ка пѣсенку про сѣраго волчка, про лихаго бѣгуна...

Затянулъ Чудо-Разумъ звучнымъ, пѣвучимъ голосомъ пѣсенку про сѣраго волчка, про лихаго бѣгуна.

А сѣрый волчокъ топнулъ ножкой, взмахнулъ хвостомъ, и замотавъ головой, понесся лучше всякаго сокола вдоль по воздуху, по окраинамъ горъ...

Стонетъ земля, дрожатъ горы подъ бѣгуномъ, все деревья и расте-

нія подземелья преклоняють верхи свои предъ волшебнымъ цвѣткомъ и сѣренькимъ волчкомъ ..

Вотъ на дорогѣ, посрединѣ, стоитъ *Каменная-баба*, вся обросшая мхомъ: то была заклятая княгиня, стражъ-хранительница владѣній Ятаги.

Остановился волчекъ. А княгиня заклятая, баба каменная, съ просьбою къ Разуму-Красѣ...

«Пожалѣй меня, Разумъ-Чудо! Вотъ ужъ сколько лѣтъ, какъ заклятая здѣсь, вся обросши мхомъ, стою на одномъ мѣстѣ... Ты обмой меня красавецъ чистой водой, сотри пыль съ головы моей бѣлымъ платкомъ... А за то я въ награду тебѣ подарю алмазикъ небольшой. Пригодится онъ тебѣ потомъ...

Раземѣялся Чудо-Разумъ, услышавъ такія рѣчи заклятой княгини, и толкнувъ волчка ногой, думалъ было ѣхать дальше...

Но волчокъ ему на то: «Не хорошо дѣлаешь ты, Разумъ-Краса, что пренебрегаешь такимъ подаркомъ заклятой княгини... Сдѣлай то, о чемъ просить она тебя...

Соскочилъ Разумъ-Чудо съ волчка и исполнилъ просьбу Каменной-бабы... а въ награду за то получилъ отъ нея небольшой алмазикъ и великій поклонъ...

Скачетъ сѣрый волчекъ впередъ, дальше, пробѣгаетъ черезъ густыя лѣса, топкія болота; вотъ на окраинѣ глухаго озера растетъ яблоня пре-большая, вся закованная въ желѣзныя цѣпи, а на ней яблоковъ такая тѣма, что и пересчитать нельзя.

Остановился волчокъ...

А яблоня большая, обратилась къ Чудо-Разуму-Красѣ съ покорною просьбою.

«Ахъ, какъ въ пору подоспѣлъ ты, добрый молодецъ, господинъ!.. Ждала не дождалась я тебя: твоей помощи ожидала... Помогни мнѣ ветряхнуть своими вѣтвями и сбросить съ себя лишнюю тяжесть плодовъ, а за то я тебя награжу двумя розовыми яблочками... Придетъ время, скажешь спасибо мнѣ за нихъ...

Смѣшною показалаеь Разуму-Красѣ такая просьба яблони, и махнувъ рукой въ отвѣтъ, крикнулъ на волчка, чтобъ тотъ бѣжалъ дальше.

«Худо, дурно поступаешь ты господинъ молодецъ! говоритъ Разуму-Красѣ волчекъ. А какъ знать, вѣдь и правду говоритъ яблоня... Слазь поскорѣе и заслужи службой своей обѣщанную награду...

Слѣзь господинъ-молодецъ съ волчка и исполнилъ съ точностію просьбу яблони...

Поклонилась ему яблоня за такую услугу и въ награду дала два розовыя яблочка...

А волчокъ бѣжать да бѣжать дальше... все впередъ, чрезъ поля, чрезъ глухія стѣны: не видать нигдѣ ни деревца, ни травки, ни цвѣтка...

На окраинѣ стѣны стоитъ печка, *самогорьлка*; нѣтъ души живой при ней, кругомъ пусто, глухо; откуда-бъ взялся огню въ печи въ такой безлюдной стѣны? А горить вѣдь печь огнемъ пламеннымъ, горючимъ—подойти близко къ ней нельзя... Горить — и завидѣвъ Разумъ-Красу, кличетъ добраго молодца, чтобъ пожаловалъ подойти къ ней.

Вотъ подходитъ Разумъ-Краса къ печи; смотритъ передъ ней стоитъ огромный котелъ изъ кости съ водой...

— Чтѣ скажешь мнѣ, печь огненная? чѣмъ служить я могу тебѣ?.. Говори поскорѣй, а не то я поѣду дальше въ путь...

— Помоги, благодѣтель-красавецъ, горю тяжкому моему: вотъ много, много лѣтъ я горю въ пламенномъ огнѣ и сгорѣтъ придется мнѣ такъ... И вода вотъ стоитъ, да не кому затушить огонь водой... Злая вѣдьма Ятагѣ заколдовала меня на все вѣки... Помоги моей бѣдѣ, затуши огонь водою, а зато я тебѣ дамъ бѣленькую булочку хлѣба изъ муки степной, бѣлоснѣжной, и на вкусъ самой сладкой, нѣжной... Пригодится тебѣ хлѣбецъ: злой колдунѣ ты насолишь хорошенько этимъ даромъ моимъ... Вѣтъ у этой Ятагѣ плачетъ печалится по тебѣ твоя лебедка бѣлолицая, голубокая, раскрасавица жена...

Не махнулъ рукой въ отвѣтъ на этотъ разъ Разумъ-Краса, а охотно и усердно взялся помочь горю печки: схватилъ котелъ съ водой и въ минуту погасилъ пламя...

Поклонилась ему печка низко и исполнила свое обѣщанное слово: подарила молодцу бѣлоснѣжную мягкую булочку... Поблагодарилъ ее онъ за такой даръ и — поскорѣй къ сѣрому волчку, и ну просить его прибавить шагу впередъ...

«За такое послушаніе твое, господинъ молодецъ, говоритъ ему волчокъ, я готовъ исполнить твою просьбу и прибавлю шагу на бѣгу... Превращусь я въ птицу красную и полечу по верхамъ лѣсовъ, по окраинамъ горъ...

Сказалъ волчокъ — и превратился въ птицу красную. И полетѣла птица-красная съ Чудо-Разумомъ поверхъ лѣсу, поверхъ горъ и остроконечныхъ земляныхъ скалъ...

Но летѣли они недолго... Спустилась птица на лужекъ зеленый, погулять на берегу ручья... А на томъ лужку паслись гуськи заклѣтые, все чубатые, хохлатые; крыльями чуть машутъ и едва переступаютъ съ мѣста на мѣсто: такъ обросли они перьями въ тысячу годовъ...

Какъ увидѣли гуськи Разумъ-Красу, такъ и бросились все они къ нему... А старшій межъ ними такъ промолвилъ молодцу: Ты летяшь

на красной птицѣ къ бабѣ Ятагѣ спасти жену свою; такъ если хочешь, чтобъ пригодились мы тебѣ на обратномъ пути твоёмъ, помоги намъ освободиться отъ этихъ перьевъ большихъ, которыми мы обросли по заклятію Ятаги... Ощипли на нашемъ тѣлѣ лишнія перья, и ты будешь вправѣ требовать отъ насъ помощи... а помощь наша будетъ великая тебѣ...

Призадумался Разумъ-Краса и не зналъ, вѣрить ли словамъ старшей гусыни, аль смѣяться надъ шутовской рѣчью ея... Но въ ту пору подлетѣла къ нему красная-птица и сказала: «Не задумывайся по пустому, дѣлай то, чего хотятъ гуськи...»

Ощипалъ Разумъ-Чудо лишнія перья у гусей и забралъ ихъ съ собою, по совѣту красной-птицы...

«Благодарю тебя, господинъ молодецъ, сказала Разуму птица, за твое повиновеніе... Я охотно полечу съ тобою дальше въ путь... Садись... пора давно...

Разумъ-Краса сѣлъ на птицу, а птица закружилась, понеслась прямо къ морю волнистому, брызжущему цѣлыми рѣками на берега свои крутые, на песчаные обрывы. Перелетѣтъ птицѣ черезъ море не диво, да какъ-то будетъ дальше... Дальше скала огромная на всю дорогу: нигдѣ ни проходу, ни входу, только мухъ и пауку можно пробраться чрезъ скалу такую...

Вотъ и превратилась птица-красная въ длинноногаго паука и запрятался въ брюхѣ паука Разумъ-Краса: хоть не ловко и не роскошно было сидѣть въ такомъ мутномъ кабинетѣ безъ оконъ, безъ дверей, да для пользы своей Чудо-Разумъ соглашался на все: знать ужъ нужно было такъ, коли волшебный цвѣтокъ помогалъ нашему молодцу въ лицѣ дивнаго богатыря, превращеннаго теперь въ некрасиваго сѣраго паука.

Вотъ ползетъ паукъ длинноногій по высокой скалѣ, все выше и выше ползетъ, вотъ взбирается на верхушку скалы, вотъ сползаетъ внизъ тоненькими своими ножками, и обвился сѣтью прозрачною вокругъ кустарника краснаго деревца... изъ брюшка паука выскочилъ Разумъ-Краса и надивиться не могъ чудной картинѣ, явившейся предъ его глазами...

И не диво: вѣдь онъ все это увидѣлъ послѣ пряткокъ въ брюшкѣ сѣраго паука!.. А картина славная была... Садъ величественный красовался на протяженіи безграничнаго пространства: глазомъ богатыря измѣрить нельзя... Садъ такой, какого не было и у Разума-Красы на Стегляной-горѣ... А деревья и деревца, а кустарники пахучихъ, душистыхъ цвѣтовъ, чудо заглядѣнье! Сколько дорожекъ, тропинокъ, усыпанныхъ изумруднымъ, огнегорящимъ пескомъ! А на деревьяхъ что

за плоды: все золотые, изъ чистаго, яркаго, самороднаго золота и серебра...

Разбѣжались глазки Разума—Красы: самъ не знаетъ чѣмъ любоваться, на чтò взглянуть, чѣмъ потѣшить печальное сердце свое... Но чтò всего милѣе и ненагляднѣе въ волшебномъ саду было: — это чудный зеленый, атласный лужокъ: не цвѣты, не трава на немъ зеленѣли, а какой-то бархатистый, мягкій пушокъ, тонкій какъ паутина... А на томъ лужкѣ, на пушкѣ, бѣгаютъ-прыгаютъ кошечки и котенки разношерстные, съ огненными глазками, съ алмазными зубками; то подскочатъ звѣрочки, то кувырнутся клубкомъ, то кружатся-вертятся и ловятъ хвостики свои; то сбѣгутся вдругъ въ одну кучку и давай лизать другъ-другу... таковы ужъ кошачьи ласки!

Заглядѣлся разумъ-Краса на такую *проязу* (продѣлку) чародѣйки Ятагй, родной сестры бабы Яги... и простоялъ бы такъ на одномъ мѣстѣ весь вѣкъ... а пожалуй заманили бы его къ себѣ звѣрочки и сыграли бы съ нимъ штучку, на смѣхъ всему міру подземному, всему люду заклятому... Но отъ такого раздумья пробудилъ его богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ, превратившійся изъ паука въ чуднаго дѣтину-молодца хотъ куда...

«Чтò стоишь, какъ зачарованный? — обратился къ нему съ рѣчью богатырь... Не гляди на этихъ звѣрковъ такъ пристально, а не то какъ разъ увидятъ тебя красу и разбѣгутся по своимъ хаткамъ... Чтòбъ играть вмѣстѣ съ ними, мы должны превратиться въ разноцвѣтныхъ котенковъ... Становись возлѣ меня, да держись крѣпко за руку мою...

Подошелъ къ богатырю Разумъ-Краса и взялъ его за руку... Богатырь махнулъ волшебнымъ цвѣткомъ надъ головой Разума-Красы и потомъ своей: и не стало молодцовъ,—а явились вмѣсто нихъ прехорошенькіе котенки, съ огненными глазками, алмазными зубками, да вдобавокъ съ золотистыми хвостиками...

Зарѣзвились новые котенки и побѣжали дружно на лужокъ, поиграть съ бѣленькими кошечками...

«Кррмъ! кррмъ кривавъ!» раздалось между кошечками Ятагй... и давай онѣ обнюхивать пришлецовъ-котиковъ и лизать ихъ мордочки...

Вотъ играютъ вмѣстѣ часъ другой... Вдругъ слышатъ пришлецы-котенки такую рѣчь кошечки одной, прехорошенькой, бѣленькой, какъ свѣжій сыръ...

«Чтò за котики хорошіе такіе! откуда хвостики у нихъ золотые? Знать не нашего сада жильцы... Не ко мнѣ-ль они съ вѣсточкою о Разумъ-Красѣ моемъ?...

Тутъ котенокъ (богатырь) говорить другому (Разуму-Красѣ): слышшь!.. эта кошечка жена твоя... Чуетъ сердчишко ея, что ты тотъ господинъ, что погубилъ ее своимъ упрямствомъ, непослушаніемъ... Хочешь, я махну цвѣткомъ, и она превратится въ бѣлорусую, голубо-окую, — милую твою жену.

— Какъ не хотѣть:—сталь просить-молить даже о томъ Разумъ-Краса богатыря...

Пожалѣлъ Разума богатырь и вотъ вынулъ изъ-за кожи лапкой цвѣтокъ. Но лишь только онъ хотѣлъ махнуть имъ на кошечку, какъ вдругъ раздался дикій крикъ совы, стража Ятагъ... и всѣ котики и кошечки кубаремъ поскакали по лужку, по мягкому пушку, и запрятались въ свои норки на кровлѣ хатки Ятагъ...

Остались на лужку только два котика—богатырь да Разумъ-Краса. Доложила о томъ сова Ятагъ... Ятагъ взбѣсилась, разсердилась что гарцуки и всѣ прочіе духи—слуги ея осмѣлились пропустить въ садъ такихъ наглецовъ съ того свѣта, гдѣ не можетъ жить вѣдьма подземная... въ тужъ минуту велѣла она привести ихъ къ себѣ...

Но не тутъ то было: никакая сила гарцуковъ и прочихъ подземныхъ духовъ не могла устоять противъ силы волшебнаго цвѣтка изъ скарбницы громовержца Перуна...

Доложила и о томъ сова Ятагъ...

«А! проворчала сердито Ятагъ... Вотъ что! Такъ здѣсь враги мои: Разумъ-Краса и богатырь съ перуновымъ цвѣткомъ... О, злодѣи какіе! Мало того, что спаслись изъ пропастей Стегляной-Горы, да еще прилетѣли сюда беспокоить меня въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ. Ну постой-же, Разумъ-Краса! хоть тебя я погублю, если такъ силенъ твой богатырь...

Между-тѣмъ богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ обращается къ Разуму-Красѣ съ рѣчью такой:

«Намъ бѣда вѣдь грозитъ теперь... Разсердилась баба Ятагъ и пожалуй съѣсть живую кошечку бѣлую, красавицу жену твою... Оставайся ты въ кустѣ краснаго деревца: вотъ тебѣ одинъ листокъ моего цвѣтка, спрячь его въ сапогъ лѣвой ноги... да смотри не вѣрь никакимъ словамъ Ятаги, если будетъ она говорить съ тобой, а не то пропадешь ты въ этомъ саду и погубишь свою жену. Сиди въ кустѣ котенкомъ и не трогайся съ мѣста... А я отправлюсь съ цвѣткомъ въ норку бѣленькой кошечки и попытаюсь спасти ее... А то вѣдь ужъ оканчивается срокъ ея наказанію, и если не съѣсть ее Ятагъ, такъ возьметъ бѣдняжку злой отецъ ея, пресловутый чародѣй-колдунъ... Ну,

будь смѣль, не страшись ничего. Я поспѣшу на помощь къ тебѣ. Я съ тобой и въ огонь и въ воду...

Сказалъ богатырь и полетѣлъ мушкой золотокрылой въ норку къ кошечкѣ бѣлой...

«Здравствуй, кошечка! говоритъ онъ ей; я пришелъ спасти тебя. Разумъ-Краса здѣсь въ саду ожидаетъ насъ.

— Ахъ, богатырь ты красавецъ, мой спаситель-благодѣтель! Неужели здѣсь Разумъ-Краса? Такъ, значить, вспомнилъ наконецъ онъ обо мнѣ... Счастье его и мое, что разбилъ онъ стеклянную-стекляницу и освободилъ тебя отъ чаръ Ягаги, а то осталась-бы я сиротою на весь вѣкъ, не видать бы мнѣ Разума-Красы, моего милого мужа... Благодарю тебя, богатырь молодецъ, что не забылъ ты меня въ моемъ горѣ, въ моей тяжелой долѣ... Ты спасти меня пришелъ — знаю; да не такъ-то легко справиться тебѣ съ чаровницей Ягагой... Есть-ли у тебя твой завѣтный цвѣтокъ?

«Онъ при мнѣ—мой волшебный цвѣтокъ; съ нимъ то я сюда залетѣлъ съ Разумомъ-Красой, а не будь его... не видать-бы мнѣ тебя...

— Ну такъ знай-же, храбрый молодецъ, что ты долженъ прежде отчаровать гуськовъ, печку, яблоню и каменную-бабу—заклятую княгиню, мою милую сестру... Князь съ далекихъ сторонъ пріѣхалъ къ намъ и увезъ сестру съ ея согласія въ свои земли, родовыя владѣнія... А отецъ нашъ, пресловутый колдунъ, чтобъ отомстить старшей дочери, моей милой сестрѣ, *оборотилъ* ее въ каменную глыбу и сослалъ ее къ бабѣ Ягагѣ, а князя голодомъ уморилъ въ подземельи... Вотъ что долженъ сдѣлать прежде ты... Сдѣлаешь—я спасена, а не сдѣлаешь, не отчаруешь,—пропадать мнѣ здѣсь во вѣки вѣковъ...

«Ахъ, красавица бѣлорусая! Я-ль не захочу исполнить такое порученіе? Говори — приказывай, я готовъ на все рѣшиться для спасенія тебя, жены-супруги моего добраго друга, Разума-Чудо-Красы... Я привезу тебѣ по подарку отъ всѣхъ этихъ бѣдныхъ заклятыхъ. Ну, прощай же, голубокая краса! Никакъ замѣшкался я... нужно спѣшить... Прощай, жена друга моего!..

Нарадоваться не могла кошечка красавица такой вѣсти богатыря: отъ радости чуть не отгрызла своего хвостика пушистаго... разыгралась ужъ больно кошечка-крошка.

Превратился богатырь въ чорнаго жучка и полетѣлъ отчаровывать гуськовъ, обросшихъ опять перьями, печку, горящую опять огнемъ пламеннымъ, яблоню, обременную новыми плодами, и наконецъ каменную-бабу, заклятую княгиню, обросшую мхомъ и покрывшуюся пылью...

Прочуяла о томъ Ягага, и пользуясь отсутствіемъ богатыря съ вол-

шебымъ цвѣткомъ, не замѣшкала напасть на Разума-Красу въ-распдохъ всеми силами чаръ и колдовства своего: и любовь и вражда вмѣстѣ закипѣли въ сердцѣ вѣдьмы...

Вотъ что сдѣлала баба Ятага...

Какъ ушелъ богатырь изъ волшебнаго сада, Чудо-Разумъ-Краса, по совѣту друга-покровителя, сѣлъ въ кустарникъ краснаго деревца и сталъ думать думу про свое горькое горе, про несчастное житье-бытье... Передумавъ думу, убаюканый чиликаньемъ волшебныхъ птичекъ, придремнулъ немножко, а листокъ цвѣтка и забылъ спрятать въ сапогъ лѣвой ноги... держалъ въ сжатой рукѣ... Налетѣли гарцуки со всехъ концевъ владѣній Ятаги и всякіе другіе воздушные духи и давай напѣвать на Разума-Красу сонъ тяжкій, глубокой: усыпили молодца... Вотъ является Куйдукъ, старшій гарцукъ, и подкравшись къ молодцу, сталъ щекотать его руку: растворилась ладонь руки, и листокъ цвѣтка очутился въ сапогѣ Куйдука...

Полетѣлъ Куйдукъ къ Ятагѣ и обрадовалъ свою госпожу вѣстью о службѣ своей молодецкой...

Поблагодарила Ятага Куйдука и пошла къ кустарнику краснаго деревца—чаровать спящаго молодца Чудо-Разума-Красу...

«А! Чудо-Краса! самодовольно воскликнула кошачья-голова: теперь ты въ моихъ рукахъ... Будь моимъ,—или не пощажу я твоей красоты и погублю твою молодость безъ сожалѣнія о томъ...

И сказавъ такъ, Ятага поднялась на воздухъ, закружилась, замаяхала крыльями и руками, и спустившись внизъ, обвела кругомъ головы Разума-Красы чародѣйскимъ прутикомъ, изукрашеннымъ какими-то значками и насѣчками... А потомъ свиснула на весь садъ, и со всехъ сторонъ слетѣлись служебные ея духи и сбѣжались чудныя дѣвицы-красавицы,—одна другой краше и пригожѣй...

Вдругъ, откуда взялся, предъ спящимъ молодцомъ силой чаръ Ятаги явился прозрачный весь изъ паутины, не то замокъ, не то палацъ: — чудный неземной дворецъ!

Заиграла музыка; звуки стройныхъ арфъ и гитаръ раздались во кругъ спящаго Разума-Красы... А дѣвицы-бѣлолицы-круглолицы съ распростертыми объятіями прямо бросились къ молодцу и давай его щекотать.

Пробудился молодецъ и не вѣрить видѣнію своихъ глазъ: предъ нимъ цѣлый хороводъ очаровательной красоты дѣвиць... Та манитъ его къ себѣ, та подбѣжить и улыбнется ему, точно сердце подарить, та кружится и вертится предъ нимъ, будто соблазнить хочетъ Чудо-Красу...

Наконецъ, всѣ красавицы-дѣвицы хороводомъ цѣлымъ окружили молодца, и схвативъ его подъ руки, понесли въ волшебный дворецъ...

Смотрить, да дивится Чудо-Разумъ-Краса; точно сонъ предъ нимъ грѣза... Не видалъ такихъ дивъ никогда онъ на землѣ... Полъ хрустальный по всему дворцу, устланъ коврами изъ живыхъ цвѣтовъ, пахучихъ розъ и фіялокъ... на стѣнахъ изъ паутины висятъ будто картины, но картины-то какія?... будто живые люди движутся въ рамкахъ золотыхъ: все красавицы... все чудныя красавицы... А по всему дворцу не огни горятъ, не солнце свѣтитъ, а какой-то чудный розовый свѣтъ мигаетъ въ очахъ, и свѣтящіяся, алмазные огоньки летаютъ межъ потолокомъ хрустальнымъ и такимъ-же поломъ...

Принесли, посадили на воздушномъ сѣдалищѣ Разумъ-Красу; а потомъ, при звукѣ невидимой музыки, стали плясать и кружиться съ молодцомъ до-тѣхъ-поръ пока не закружили бѣднаго дѣтину и не отуманили его совѣмъ... Баба Ятага махнула прутикомъ, и исчезли дѣвицы-чаровницы...

Остался молодецъ-Краса да съ нимъ баба Ятага кошачья-голова...

Вотъ подходитъ она къ молодцу и подноситъ ему прохладительный будто напитокъ; молодецъ-Краса, усталый и измученный, съ жадностью схватилъ напой и до капли выпилъ его, — а напитокъ-то былъ волшебный...

Какъ выпилъ Разумъ-Краса, точно весь переродился, ожилъ, бодрость какая-то проявилась въ немъ... Глядь предъ нимъ не кошачья голова Ятага, а красавица чудная; на щекахъ огнемъ горитъ румянецъ, глаза искрами сыплютъ, губы розы свѣжѣй;

Предъ такимъ обличьемъ Чудо-Разумъ остолбенѣлъ отъ изумленія, и уста его не могутъ промолвить ни одного словца... Весь дрожа въ какомъ-то дивномъ восторгѣ и обаяніи, онъ склоняетъ свою голову на плечо красавицы и не сводитъ глазъ съ ея коралловыхъ устъ, окаймленныхъ чудною улыбкою...

Молчитъ и какъ безумный смотритъ на такое дивное явленіе... А красавица-дѣвица такъ говоритъ ему...

«Забудь свою невѣрную жену, непокорную рабу... она измѣнила тебѣ и полюбила другаго, богатыря молодца— съ волшебнымъ цвѣткомъ... Ты повѣрилъ богатырю, что пошелъ онъ спасать твою жену... а не знаешь того, что онъ давно съ женой твоей улетѣлъ отсюда и живетъ на томъ свѣтѣ, въ твоёмъ дворцѣ... Вотъ какова твоя жена!! Брось ее, невѣрную... Полюби меня, Чудо-Краса: я вѣрна тебѣ буду весь вѣкъ, я голубить тебя не перестану во всю жизнь твою, и измѣнить такому молодцу никогда не рѣшусь... Полюби ты только меня... Брось жену...

Слышитъ все это Чудо-Разумъ, что-то хочетъ сказать и не можетъ, только слезы льются у него изъ очей... Жаль ему стало жены...

И повѣрилъ молодецъ оборотню-красавицѣ; забылъ совѣтъ богатыря съ волшебнымъ цвѣткомъ—не вѣрить Ятагѣ... А вся оѣда въ томъ, что забылъ онъ спрятать листокъ отъ этого цвѣтка въ сапогъ лѣвой ноги...

Видитъ злая Ятага сердце Чудо-Разума-Красы, и понимаетъ, что колеблется его душа... Вотъ еще болѣе стала она лъвуть къ нему и сладко-обаятельные рѣчи напѣвать...

«Ты не плачь, не тоскуй, милый мой... Есть о комъ сожалѣть?! Позабудь ее невѣрную... Я люблю тебя!!! Не нахожу покоя безъ тебя...

И съ такими рѣчами наклонилась чаровница-красавица къ самымъ устамъ молодца... Обаянный силами чаръ волшебныхъ, прильнувъ устами онъ къ губамъ Ятаги. Огонь пробѣжалъ по всемъ фибрамъ и венамъ Разума-Красы... И видѣніе исчезло...

Свиснули вѣтры надъ головой Чуда-Разума и взвились вихремъ подъ его ногами... разразились громы со всехъ сторонъ; дождь, пропитанный запахомъ сѣры, быстрымъ ручьемъ полился сверху; въ мгновеніе ока не стало чуднаго дворца...

Вѣдьма-Красавица скрылась въ вѣтрахъ и полетѣла-понеслась на тотъ свѣтъ, извѣстить о заклятой новой жертвѣ—родича своего, пресловутаго знахаря-колдуна, и потомъ пригласить на волшебный пиръ всехъ сестрицъ-вѣдьмъ и самую старшую сестру, Бабу-Ягу...

А Чудо-Разумъ-Краса какой-то невѣдомой силой очутился въ волшебной хаткѣ Ятаги, строгой совою и разношерстными котенками и кошечками...

Сидитъ, пригорюнившись, бѣдный Разумъ-Краса на жерновахъ каменныхъ, весь закованный въ цѣпи, близъ раскаленной печки, не на радость себѣ молодцу: въ той печкѣ раскаленной горитъ-кипитъ смола на погибель Разуму-Красѣ... Пронадеетъ бѣднякъ ни за что въ смолѣ и не видѣть ему красавицы жены... Неужели-жь жена ушла съ богатыремъ, что съ волшебнымъ цвѣткомъ?!.. Обманула молодца баба Ятага... Жена ждетъ не дождется его: въ норкѣ кошечкой сидитъ и только думы у нея, что про Разуму-Красу, да его друга богатыря...

А другъ Разума-Красы, богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ, давнымъ давно облетѣлъ жучкомъ все подземныя владѣнія Ятаги и отчаровать успѣлъ гусей, самопалку-печку, яблоню и княгиню, превращенную въ каменный истуканъ... Всехъ избавилъ отъ власти Ятаги, и въ награду за то обѣщали онъ ему свою помощь на возвратномъ пути, а княгиня поклялась быть его женой, если толико онъ спасетъ ей сестру и Чудо-Разума-Красу...

Все тѣмъ же жучкомъ летить богатырь назадъ въ волшебный садъ и прямо къ кустарнику краснаго деревца... Нѣтъ тамъ молодца!.. «А! говорить; плохо!» и махнулъ цвѣткомъ...

И нашло на него знаніе: смекнулъ богатырь, гдѣ сидитъ Разумъ-Краса, и невидимкой-пчелкой прямо въ хатку Ятагѣ...

А въ хаткѣ явился уже съ того свѣта земнаго знахарь-колдунъ и помѣшываетъ въ печкѣ смолу; ему помогаетъ черный котъ: еще бъ не много позже прилетѣлъ жучокъ богатырь и засталъ бы Разума-Красу въ котлѣ со смолою.

Но вышло наоборотъ... Подлетаетъ пчелка къ Разуму-Красѣ и шепчетъ ему на ушко: «Ну братъ, Разумъ, не разумно поступилъ... потерялъ листокъ отъ цвѣтка... вотъ и сидишь теперь весь въ цѣпяхъ... Но постой, я докажу же тебѣ, что неправду тебѣ говорила баба Ятагѣ... Я спасу тебя и поведу къ твоей женѣ... Давай только мнѣ булочку, черья, яблочки и алмазикъ...»

Слышитъ Разумъ-Краса голосъ богатыря, а не видитъ никого; хочетъ что-то сказать, да языкъ какъ будто на цѣпи... Смотритъ на всѣ стороны, и кромѣ колдуна и чорнаго ката нѣтъ ни души въ хаткѣ...

Вдругъ богатырь махнулъ волшебнымъ цвѣткомъ, и цѣпи распались, Разумъ-Краса какъ будто на крыльяхъ перелетѣлъ изъ хатки на большой садовый дубъ, гдѣ нашелъ жену-красавицу, все такую же какъ была: и пригожа и молода, только слезы изъ глазъ текутъ въ три ручья; такъ обрадовалась бѣдняжка она, увидѣвъ возлѣ себя Чудо-Разума-Красу, своего милаго дружка...

А богатырь-молодецъ сѣлъ на жернова и прикинулся, будто плачетъ...

Вотъ колдунъ подходитъ къ жерновамъ, и несмотря на богатыря, говорить:

— Ну, зятюшка дорогой, пора намъ разсчитаться съ тобою: ты похитилъ у меня дочь, а я зато наказать тебя хочу... Снимай цѣпи...

Цѣпи зазвенѣли и покатались къ ногамъ колдуна...

Въ хаткѣ раздался хохотъ... Чорный котъ пронзительно сталъ мяукать...

Цѣпи, будто живыя, вкочили на колдуна и обвили змѣей во кругъ шеи, рукъ и ногъ его...

Колдунъ заревѣлъ дико—неистово...

— Ну что, тещушка дорогой!.. отозвался богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ... Не пора ль тебѣ сгорѣть въ смолѣ, чѣмъ проказничать на бѣломъ свѣтѣ... Ты готовилъ смолу для Разума-Красы... такъ покунайся жъ въ ней самъ... Пора тебѣ такъ давно!!..

Колдунъ еще страшнѣе заревѣлъ и сталъ метаться на всѣ стороны... Изъ рта его вспыхнуло пламя и тѣма драконовъ налетѣла въ хатку; черныя вороны откуда взялись и стали защищать колдуна...

Но сила волшебнаго цвѣтка была велика... Богатырь махнулъ имъ на весь волшебный мѣръ, хищныхъ птицъ и змѣй, и не стало духу ихъ въ хаткѣ... Тутъ колдунъ попробовалъ еще разъ силы чаръ своихъ; потомъ сталъ звать на помощь Ятагѹ, но Ятагѹ засидѣлась у своихъ воздушныхъ друзей и не слышала мольбы колдуна...

Пропалъ знахарь-колдунъ!! Богатырь согнулъ его въ три дуги и швырнулъ въ котелъ съ вскипяченною смолою... А чтобъ вѣдьма Ятагѹ не узнала отъ чорнаго кота, кто скипятился въ смолѣ, и гдѣ дѣвался родичъ ея—колдунъ, приласкалъ чорнаго кота и сманилъ его въ садъ вмѣстѣ играть: богатырь превратился въ такого-жъ чорнаго кота...

Вотъ, спустя немного времени, раздался по всѣмъ окраинамъ сада запахъ сѣры, и съ громомъ и молніями прилетѣлъ цѣлый гомонъ (общество) гостей къ бабѣ Ятагѣ...

Задастъ пиръ большой баба Ятагѹ... Вѣдьмы хохочутъ и грохочутъ, точно жернова въ мельницѣ... Шумъ, крикъ, гиканье и непотовое веселье слышатся въ хаткѣ волшебной... Засѣли гости пировать...

Баба Ятагѹ угощаетъ гостей человѣчьимъ мясомъ, мясомъ родича своего; горюха—она думаетъ, что то мясо Разума-Красы... Не въ домекъ вѣдьмѣ съ кошачьей головой хитрость—мудрость богатыря...

Наѣлись, угостились вѣдьмы съ Лысой-горы... остались довольны пиромъ Ятагѹ... поблагодарили хозяйку и разлетѣлись каждая въ свои предѣлы; наступала пора явиться на шабашъ—судъ, расправу чинить съ подчиненными духами...

Осталась одна Ятагѹ и вылетѣла въ садъ насладиться любимой забавой: свернула въ клубокъ и покатила по зеленому лужку, по мягкому пушку...

И качаясь говоритъ сама себѣ:

«Покачусь, повалюсь, мяса Разума-Красы наѣвшись!..»

А ей кто-то въ отвѣтъ:

«Покатись, повались, мяса родича-колдуна наѣвшись!..»

— Кто это изволить смѣяться? спрашиваетъ Ятагѹ...

Отвѣта не было...

Ятагѹ опять стала кататься по лугу, и опять тоже слышитъ...

Три раза повторился такой же отвѣтъ: «покатись, повались, мяса родича-колдуна наѣвшись.»

Взбелѣла Ятагѹ, услышавъ такія слова въ третій разъ: засвер-

кали ея кошачьи глаза и стала звать гарцуковъ и разныхъ духовъ... Но ни гарцуги, ни духи не являлись, запахъ волшебнаго цвѣтка противень ихъ натурѣ былъ...

Еще болѣе разозлилась вѣдьма... Полетѣла въ норки кошечекъ... Нѣтъ бѣленькой кошечки!..

Кличеть Ятага чорнаго-кота и требуетъ у него отвѣта на вопросы о колдунѣ и Чудо-Разумъ-Красѣ...

Но чорный котъ неохотно исполняетъ волю бывшей своей госпожи: онъ ужъ согласился вмѣстѣ съ богатыремъ перелетѣть на землю и бросить злую бабу вѣдьму Ятагѣ...

А притомъ котъ лакомился булочкою, перьями, яблоками и игралъ съ красивенькимъ алмазикомъ: — ну такъ не до отвѣта, вишь, было ему...

«Котикъ-братикъ! чорненькій-усатикъ! стала просить его Ятага... Скажи мнѣ, мой котикъ, что такое слышала я сейчасъ въ саду?... Аль и вправду я наблась мяса колдуна?... Гдѣ же Разумъ-Краса?..»

— Постой, бабка, съѣмъ булочку...

Спустя нѣсколько времени, баба повторила просьбу...

— Постой бабка! съѣмъ яблоки... и оближу кровь на перушкахъ...

Баба въ третій разъ спрашиваетъ кота...

— Постой, говорить, поиграю съ алмазикомъ...

Такъ мучить Ятагѣ чорный-котъ и время мало-по-малу уходитъ... Богатырь, Чудо-Разумъ-Краса и его красавица жена сидятъ на дубѣ и ждутъ гусей...

Смекнула Ятага, что улетитъ богатырь съ Разумомъ-Красою и его женою: что дѣлать? Котъ не слушаетъ ея просьбы...

Оборачивается Ятага въ острую пилу и давай пилить дерево-дубъ, чтобъ погубить Разума-Красу и его жену...

Вотъ ужъ чуть-чуть держится дубъ на корнѣ: вотъ шатается, вотъ — вотъ повалится... вдругъ летятъ гуси и прямо къ дубу: — забрали богатыря, Разума-Красу и его жену... тамъ же пріютился и вѣрный слуга-дѣтина, бывший чорный котъ.

Богатырь махнулъ цвѣткомъ, и пила переломила... дубъ повалился на лугъ и раздавилъ колдунью...

Завизжала, застонала пила, или лучше баба Ятага... и провалилась въ пропасть огненную...

Засверкали огоньки, разбѣжались кошечки и котки: все дѣвицы-молodiцы и красавицы-молodiцы!

Разразились перуны, пронеслась молнія страшнымъ пламенемъ по окраинамъ сада, — и не стало чюднаго сада...

Баба Яга превратилась въ бездонный, великій океанъ...

А богатырь и его спутники понеслись, полетѣли и на пути забрали съ собою самопалку печку, многоплодную яблоню, и наконецъ, раскрасавицу княгиню...

Обняла княгиню сестру и поблагодарила за спасеніе сестры богатыря... Богатырь обнялъ княгиню, и княгиня поклялась вѣчно быть его женой...

Полюбила княгиня богатыря, богатырь полюбилъ княгиню...

По дорогѣ—заглянули въ Стекляную-гору и забрали мѣдный котель съ алмазами и яхонтами...

Прилетѣли все на Стекляную-Гору, развоенную и разрушенную... Богатырь махнулъ цвѣткомъ и — опять предъ Разумомъ-Красой явился замокъ его чудный, съ золотыми палатами и красивыми садами...

И поселилась въ замокъ вся семья родная: — богатырь и Чудо-Разумъ-Краса, его жена и княгиня, жена богатыря...

Созвали гостей и задали пиръ великій, пиръ такой, какого не видѣлъ я и у князя-князевича, молоде-королевича: пилъ я тамъ птичье молоко . и веселился я на Стекляной-горѣ...

8. ЮРЬЕВЪ-ДЕНЬ.

Народные обычаи и повѣрья по случаю этого дня.

Юрьевъ-день чуть ли не во всей Россіи пользуется особеннымъ значеніемъ, доказательствомъ извѣстная пословица русская: «вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ-день!»

Но особенно Юрьевъ-день чтятъ въ Бѣлоруссіи... Простонародье мѣстное ознаменовываетъ его празднованіемъ и пѣніемъ пѣсень, въ которыхъ упоминается о Юрьѣ... Мало того, наканунѣ Юрьева-дня совершаются какіе-то языческіе обряды *, ясно говорящіе о древнемъ значеніи этого дня и дающіе поводъ думать, согласно съ г. Мацѣвскимъ **,

* См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846. г. Прибавл. кн. 4., мою статью: Бѣлорусск. Народ. Повѣрья, № XXX, *Ляля*.

** Niezaropominajki, 1844 г.; статья Мацѣвскаго: *Swięta Polakow Pogan*, стр. 35, 36.

что прежде, во времена язычества славянскаго, день этотъ извѣстенъ былъ подѣ именемъ *Юра или Яра*, но въ-послѣдствіи, со введеніемъ христіанства, къ этому дню приуроченъ день памяти Георгія или, какъ выражается простонародье, Юрья.

Какъ бы то ни было, только Юрьевъ-день до-сихъ-поръ празднуется какъ день обрядный. Народъ бѣлорусскій вѣритъ, что Юрій — покровитель скотоводства и охраняетъ скотину домашнюю отъ всякихъ чаръ и привораживаній вѣдьмъ и огненныхъ змѣевъ, высасывающихъ у коровъ молоко *.

Кромѣ-того, думаютъ бѣлоруссы, что св. Юрій охраняетъ лѣса, гдѣ пасутся стада, и считаютъ его покровителемъ лѣсныхъ птицъ.

Но главная замѣчательность Юрьева-дня вотъ въ чемъ...

Въ Юрьевъ-день, первый разъ выгоняютъ на пастбища домашній скотъ. Для этого, завременно, къ Юрьеву-дню стараются найти честнаго, пожилаго *пастуха*; перѣдко одинъ и тотъ же пастухъ избирается въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И такой пастухъ пользуется большимъ уваженіемъ всей деревни, уваженіемъ не потому только, что этотъ пастухъ обыкновенно бываетъ опытенъ, но потому, что онъ славится какъ извѣстный *знахарь* **. Нужно замѣтить, что эти бывалые пастухи очень дѣльные самоучки ветеринарные лекаря: имъ знакомы свойства травъ и разныхъ кореньевъ, и потому очень часто они удачно вылечиваютъ заболѣвшую скотину.

Въ-слѣдствіе такого уваженія, пастуху стараются всячески во всемъ угождать и нерѣдко исполнять все его прихоти. И не удивительно: ему вѣряютъ всю свою домашнюю скотину, очень важный источникъ сельскаго продовольствія и, пожалуй, богатства; не угоди чѣмъ-нибудь пастуху, онъ (говоритъ бѣлорусскій народъ) зачаруетъ тебѣ твою корову, и не дастъ она молока, загубитъ теленка, или *подчумитъ* (подкурить) овцу и не дастъ она тебѣ шерсти, пригодной въ хозяйствѣ.

Въ Юрьевъ-день, отправляя пастуха съ стадомъ скота на пастбища, вся деревня проводитъ его на поле съ освященнымъ хлѣбомъ, рожью, и разнымъ печивомъ изъ мяса, также съ сыромъ и копченымъ свинымъ саломъ. Какой-нибудь почтенный старикъ окропляетъ святою водою весь скотъ, и даритъ пастуху просфору, переданную ему во-время молебствія священникомъ, какъ напутственный хлѣбъ...

Скотину обыкновенно сгоняютъ въ одинъ дворъ, къ пастуху, и

* См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 1., мою статью: Бѣлорус. Народ. Преданія, слово *Цмокъ*.

** См. Мо наптяннъ 1853, № 5., статья о *вожвалакахъ*.

когда сойдутся всѣ хозяева, пастухъ три раза обходить со стадомъ вокругъ дома своего, и потомъ гонить скотину чрезъ разобранный заборъ, а не чрезъ ворота; у забора бросаютъ замкнутый замокъ и куриныя яйца, при чемъ наблюдаютъ, которое изъ животныхъ переступитъ чрезъ замокъ и которое чрезъ яйцо... и изъ этого выводятъ заключеніе о плодовитости коровъ и овецъ, о состояніи здоровья скота и проч.

Гоня стадо, пастухъ наблюдаетъ, чтобъ не встрѣтиться на поляхъ съ какою-нибудь старухою; въ случаѣ подобной встрѣчи, пастухъ бросаетъ на старуху горохъ и перегоняетъ скотину на другія пастбища...

А чтобъ на стада не нападали волки, для этого пастухъ обязанъ поймать наканунѣ Юрьева-дня одного волка, и живаго, связаннаго тащить за собою до самаго мѣста пастбища... Простонародье вѣритъ, что волки, обнюхавъ слѣды пойманнаго своего собрата, не смѣютъ заходить въ тѣ мѣста. Если же пастухъ не можетъ поймать волка, то долженъ добыть какъ-нибудь хоть шерсти волчьей, и привязавъ ее къ веревочкѣ, тащить по дорогѣ до мѣста пастбища...

Пастухъ, особенно если онъ уже бывалый и нѣсколько лѣтъ пастеть въ одной и той же деревнѣ, знаетъ наперечетъ всѣхъ животныхъ, пасущихся у него, и зоветъ ихъ имъ самимъ придуманными именами... Животныя до того привыкаютъ къ пастуху, что на малѣйшій зовъ, кличку его сбѣгаютъ въ одинъ кружокъ и безъ позволенія своего пастуха не смѣютъ тронуться съ мѣста. Оттого-то бывалые пастухи не нуждаются въ такъ-называемыхъ *подпаскахъ* (помощникахъ) и сами, одни, управляютъ съ ввѣренными имъ стадами...

У каждаго пастуха есть свои любимцы и любимицы: есть коровка бурая или гнѣдая, есть волкъ лысый или бѣлобокій, есть *овечечка*, ласкающаяся къ своему патрону... И всѣмъ имъ даетъ пастухъ разныя нѣжныя имена: кого *чурочкою* назоветъ, кого *рябчикомъ* кличетъ, кого *куцылг* дразнитъ... Есть свои любезности между пастухами и скотами; есть разговоры между ними.. Вотъ пастухъ отдыхаетъ у куста вербъ или лиственницы..., манитъ къ себѣ любимицу-коровку: та съ мычаньемъ какимъ-то сладкимъ, точно къ матери родной, подбѣгаетъ къ пастуху, и махая хвостомъ отъ радости и животнаго восторга, лижетъ руки, голову, и даже лицо добраго человѣка... А человекъ вступаетъ въ разговоръ съ скотомъ, и лаская, милуя его, ведетъ рѣчь-бесѣду съ нимъ, словно понимаетъ онъ рѣчь людскую, живое слово разумнаго творенія...

И счастливъ пастухъ бесѣдой такой: его ласкаютъ, его любятъ животныя, эти ручныя звѣрки; они цѣнятъ его заботы, его вниманіе; они умѣютъ по-своему благодарить добраго человѣка: кто полизеть

руку, кто замычить радостно и замашетъ хвостомъ, кто прильнетъ къ нему спиной и потрется вокругъ него своимъ брюшкомъ... Доволенъ пастухъ, и кого покормить хлѣбцомъ, а кому и пирожка, аль печива какого поднесеть...

Вѣчнымъ, не измѣннымъ спутникомъ пастуха его вѣрная, большая собака, а подчасъ и нѣсколько собакъ...

Собака не отходитъ отъ пастуха ни на шагъ; она вѣрный его стражъ; лежитъ съ закрытыми глазами и будто не видитъ и не слышитъ ничего, а пусть-ка кликнетъ пастухъ, пусть-ка пошлетъ ее собрать скотину въ одинъ кружокъ: въ тужъ минуту бросится она со всѣхъ ногъ, разнесетъ приказаніе пастуха по всѣмъ окраинамъ пастбища, и раздастся, залѣтся звонкимъ, веселымъ лаемъ; такъ и видно, что охотно исполняетъ волю господина.

И весело на душѣ у пастуха, и не на радуется онъ своей семьѣ, собравшейся вокругъ него; улыбка искренняя, привѣтная говоритъ ясно, что у пастуха свѣтло, весело на душѣ. Счастливый пастухъ!..

Съ закатомъ солнца, пастухъ сзываетъ всю свою семью и спѣшитъ домой сзади за нею... Полныя, круглыя коровы едва идутъ и переваливаются съ ноги на ногу; волы заигрываютъ съ баранами; овцы прыгаютъ и шалютъ съ молоденькими барашками... Всѣ довольны, всѣ рады по своему, по скотскому... Радъ и доволенъ пастухъ, а еще болѣе веселитъ его вѣрная собака: она то забѣгаетъ напередъ пастуха и скачетъ не наскочетъ предъ нимъ, то вертится кружкомъ по сторонамъ стада, то останется сзади пастуха и обнюхиваетъ какую-то собачью траву, а потомъ бѣжитъ въ запуски по слѣдамъ пастуха, и опять ласкается къ нему, опять лижетъ его руки, опять заигрываетъ съ нимъ...

Вотъ ужъ нѣсколько шаговъ осталось до деревни, вотъ проходятъ послѣднія поля хозяйскія... А пастуху навстрѣчу попадаются красныя-дѣвицы, звонко-голосыя пѣвицы...

Идутъ онѣ хороводомъ привѣтствовать пастуха съ счастливымъ началомъ дѣла, и подносятъ ему разные подарки, кто поясокъ дарить, кто *оборы* (нѣчто въ родѣ веревочекъ или ремней, которыми привязываютъ къ ногамъ лапти...), кто ленточку и разныя другія вещи.

Пастухъ приостанавливается съ стадомъ въ виду самой деревни, и садится вмѣстѣ съ дѣвушками на травѣ...

Дѣвушки собираютъ на травѣ росу и умываются ею... Потомъ кружатся хороводомъ воздѣ пастуха и начинаютъ кувыркатись...

* Замѣтьте, это бываетъ только въ Юрьевъ-день.

Затѣмъ пастухъ вѣтаетъ и всѣ спѣшать домой...

Хороводъ дѣвицъ, приплясывая, поетъ слѣдующую пѣсню:

Ой иду я на улачку, а бычки бушуюць:

Юрѣя! Юрѣя!.. бычки бушуюць...

Бычки бушуюць, ба весну чуюць...

Юрѣя! Юрѣя! ба весну чуюць...

Зашумѣли рѣчки, леды паплыли:

Юрѣя! Юрѣя! леды паплыли...

Зачарнѣла зямліца, ба паарали,

Юрѣя! Юрѣя! ба паарали...

Зазеленѣла берѣза ба папукалася...

Юрѣя! Юрѣя! ба папукалася...

Завеселѣла дубѣрава: пташки сьпѣваюць:

Юрѣя! Юрѣя! пташки сьпѣваюць...

Зазеленѣла долица: квѣтки зацвилі...

Юрѣя! Юрѣя! квѣтки зацвилі...

Ой выду я выду квѣтки збираць:

Юрѣя! Юрѣя! квѣтки збираць...

Квѣтки збираць, вянѣчки виць:

Юрѣя! Юрѣя! вянѣчки виць...

Вянѣчки виць, Юрѣя сьпѣваць...

Юрѣя! Юрѣя! Юрѣя сьпѣваць...

(Ой иду я на улицу, а волы шалѣть, играють. Юрѣя! Юрѣя!
волы шалѣть, играють... Волы играють, потому-что чувствуютъ весну: Юрѣя! Юрѣя! чувствуютъ весну. Зашумѣли рѣчки, сбросили съ себя ледъ... Почернѣла земля, потому-что ее вспахали...: Юрѣя!
Юрѣя! потому-что ее вспахали. Зазеленѣла береза, потому-что распустились почки на ея вѣтвяхъ: Юрѣя! Юрѣя! потому-что распустились почки на ея вѣтвяхъ... Повеселѣли лѣса...: птички въ нихъ поють...:
Юрѣя! Юрѣя! птички поють... Зазеленѣла долина; цвѣтки зацвѣли:
Юрѣя! Юрѣя! цвѣтки зацвѣли... Ой, пойду я пойду цвѣтки собирать:
Юрѣя! Юрѣя! цвѣтки собирать... Цвѣтки собирать, вѣнки вить: Юрѣя!
Юрѣя! вѣнки вить... Вѣнки вить, Юрѣя прославлять (воспѣвать):
Юрѣя! Юрѣя! Юрѣя прославлять.

Поющихъ дѣвушекъ и пастуха со стадомъ хозяинъ дома (при которомъ живетъ пастухъ) встрѣчаетъ верхомъ на лошади и бросаетъ зерновой хлѣбъ на скотину...

Дѣвушки стараются подхватить хоть по зернышку, которое потомъ прячутъ у себя до того времени, пока сами не сдѣлаются хозяйками, т. е. пока не выйдутъ замужъ...

Потомъ дѣвушки кружатся возлѣ лошади, и поклонившись сидящему на лошади хозяину, поютъ:

Разыграйся Юра-коникъ

Залаценьки коникъ!

Разби камень капыцѣйкамъ

Пригожи коникъ!

У томъ камени ѡдзерка есьць...

Милы коникъ!!

Нехай же пастушокъ лго зѣсьць...

Нашъ ты коникъ!

Разыграйся Юра-коникъ!

Залаценьки коникъ!

Разби камень капыцѣйкамъ

Пригожи коникъ!

У томъ камени шасьце есьць...

Милы коникъ!

На наши нивки нехай Юра сашлѣць...

Ты нашъ коникъ!

(Разыграйся Юрьевъ коникъ, золотенькій коникъ! Разбей камень копытникомъ, красивый коникъ!—Въ камнѣ, въ срединѣ, есть ядрышко: милый коникъ! Пусть съѣстъ его пастушокъ: ахъ, ты нашъ коникъ!.. Разгуляйся Юрьевъ коникъ, золотенькій коникъ! Разбей камень копытникомъ, красивый коникъ! Въ томъ камнѣ хранится счастье, милый коникъ! Пошли, Юрій, счастье на наши поля! Ахъ ты нашъ коникъ!)

Тѣмъ оканчивается обрядность Юрьева-дня. Вечеромъ у пастуха бываетъ пирушка.

9. МОЛОДИКОВАЯ-НЕДѢЛЯ.

Мѣстный очеркъ.

Знаете ли вы, читатель, или по-крайней-мѣрѣ, слышали ль вы, что значить — *молодиковая недѣля*? Я думаю, не знаете, если вы никогда не бывали въ бѣлорусскомъ краю.

Вотъ видите ли, молодиковая недѣля значить — первое воскресенье послѣ новолунія, въ которое совершается богослуженіе въ церкви, или въ часовнѣ, хранящей въ себѣ чудотворный образъ Божіей Матери.

Въ это-то воскресенье, въ той деревнѣ или мѣстечкѣ, гдѣ совершается богослуженіе въ честь явленной чудотворной иконы, бываетъ большоѣ стеченіе народа, не только изъ сосѣднихъ деревень и городовъ, но даже, нерѣдко, изъ отдаленныхъ губерній Россіи... Стекается народъ не только простой, но очень часто такъ-называемый знатный, магнатскій. Всѣхъ влечетъ туда одно чувство искренней вѣры въ помощь Заступницы Небесной; всѣхъ ведетъ въ непроходимыя лѣса и глухія мѣста надежда на полученіе исцѣленія отъ болѣзней и тяжкихъ страданій; всѣхъ зоветъ, наконецъ, туда голосъ совѣсти, внушающій исполненіе обѣта, даннаго Богу во-время безотраднaго состоянія души.

Мѣста, ознаменованныя чудотворнымъ явленіемъ Небесной Заступницы извѣстны въ Бѣлоруссіи подъ именемъ *Прощь* или *Просьча*. Просьча или проща значить то мѣсто, въ которомъ мы обращаемся къ Святой Покровительницѣ съ просьбою, съ молитвою.

Эти прощи существуютъ почти во всякомъ уѣздѣ, мало-того, почти въ каждой главной деревнѣ или мѣстечкѣ бѣлорусскаго края.

Чтобъ познакомить читателей съ подобными прощами, я постараюсь описать одну изъ нихъ, и разскажу, какъ проводятъ въ Бѣлоруссіи молодиковыя недѣли; при чемъ буду имѣть въ виду и описаніе самой мѣстности той прощи, о которой буду говорить въ предлагаемомъ характеристическомъ очеркѣ.

Я хочу говорить о кривицкой прощѣ.

Въ минской губерніи, слѣдкомъ уѣздъ, въ завшицкомъ приходѣ есть деревня *Кривичи*, принадлежащая князьямъ Витгенштейнамъ.

Здѣсь не мѣсто распространяться о древнемъ значеніи этой деревни, такъ ясно напоминающей объ остаткахъ оселищъ русско-славянскихъ кривичей, — объ этомъ будетъ сказано въ особой статьѣ о Бѣлоруссіи; слѣдуетъ только замѣтить, что деревня эта носитъ первобытное названіе, данное ей еще въ XIII вѣкѣ, именно названіе *Куничной*; сосѣдніе поселяне до-сихъ-поръ называютъ кривичанъ куничными.

Деревня лежитъ на опушкѣ сосноваго лѣса; у подошвы ея стелется раскинутая пелена луговъ, полей и мелколиственныхъ кустарниковъ, кой-гдѣ окаймленныхъ ручейками и крошечными протоками.

Почти въ виду самой деревни, на довольно значительномъ возвышеніи, окруженномъ досчатымъ заборомъ, скромно выглядываетъ изъ-за высокихъ, довольно старыхъ сосенъ и березъ маленькая, деревянная, двухкупольная церковь, на каменномъ основаніи.

Направо отъ церкви устроена маленькая часовня, или, какъ говорятъ въ Бѣлоруссіи, *каплицца*, — которая составляетъ необходимую принадлежность всякой прощѣ. Каплицы эти обыкновенно безъ дверей, но съ открытымъ окномъ, изъ котораго видна копія той чудотворной иконы, подлинникъ которой хранится въ самой церкви.

Налѣво — небольшое зданіе, называемое *старожовкою*, въ которомъ ночуетъ сторожъ.

Вокругъ церкви, по всему погосту растутъ безчисленные деревья, составляющія почти лѣсъ; даже самыя дорожки и тропинки также унылы и мрачны, какъ и тѣ, которыя обыкновенно встрѣчаются въ непрочищенныхъ рощахъ. Между деревьями, кой-гдѣ навалены груды камней, обросшихъ буеракомъ и мхомъ; мѣстами встрѣчаются небольшія насыпи, курганчики — и могилы, осѣненные кустами дикой розы и сѣрыми, деревянными крестами.

Такая обстановка погоста придаетъ прощѣ что-то таинственное, и невольно приводитъ на мысль бѣлорусское народное преданіе, что всѣ прощѣ въ Бѣлоруссіи, по волѣ Промысла, сами-собою явились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде, въ языческія времена нашихъ предковъ, совершались различныя *паганскія* (идолопоклонническія) служенія и жертвоприношенія въ капищахъ, храмахъ, или на открытомъ воздухѣ, въ густыхъ, таинственно-мрачныхъ лѣсахъ, или, наконецъ, на возгорьяхъ, пригоркахъ и вообще значительныхъ возвышеніяхъ, извѣст-

ныхъ подъ именемъ *городищъ*. Въ подтвержденіе такого преданія можно привести то обстоятельство, что при раскапываніи подобныхъ городищъ, не разъ находили нѣкоторыя орудія, употребляемыя нѣкогда славяно-русскими языческими жрецами при обрядахъ кумирнаго богослуженія *. Въ-послѣдствіи времени, со введеніемъ христіанства, желая привлечь языческой народъ къ богослуженію христіанскому, правительство строило на мѣстахъ прежняго языческаго служенія храмы и часовни, для служенія Богу истинному **.

Внѣ ограды погоста, у подошвы горы, съ одной стороны, именно съ самаго проѣзда къ прощѣ, нестрѣютъ дикіе кустарники и зеленѣютъ луга, кой-гдѣ пробиваются участки обработанныхъ крестьянскихъ полей, между которыми извивается довольно гладкая дорога, проложенная къ церкви изъ села *Завшичь*; съ другой открывается видъ густой осино-вой роши, отдѣленной отъ подошвы возвышенія прощю ухабистыми и какъ бы изрытыми берегами какого-то протока ***; съ третьей продолжается возвышеніе, еще болѣе заросшее дикимъ, непрочищеннымъ лѣсомъ, чѣмъ самый погостъ; — съ четвертой, у самаго обрыва возвышенія красуются цвѣтистыя, душистыя, пастбища, при видѣ которыхъ легко вообразить наслажденіе тѣхъ животныхъ, которымъ позволяется питаться такими ароматическими травами...

Съ разсвѣтомъ дня, вся дорога завшицкая наполняется богомольцами. Прежде всего, изъ сосѣднихъ деревень: Чижевичъ, Чапличь, Царовець, Романова, Иваничъ, Прусь, Погоста, Доросина—тянутся возы и брички съ поселянами, однодворцами и окольною шляхтою. Потомъ являются карафашки и буды съ горожанами и горожанками изъ Слуцка, Грозова, Пырашева, Хотлянъ, Игуменя и даже Минска. Наконецъ, въ 10 часовъ утра, проѣзжаютъ и коляски, а иногда и кареты изъ сосѣднихъ губерній. Впрочемъ, главную часть модельщиковъ составляютъ жители и помѣщики означенныхъ деревень и городовъ.

Большая часть собравшагося народа располагается у протока, и по-

* Напримѣръ каменные молотки, топоры, какіе-то сосуды въ родѣ мисокъ. Всѣ эти орудія описалъ Гр. Тышкевичъ, извѣстный бѣлорусскій ученый. (См. Его *Badania archeologiczne*, стр. 31, 32).

** См. *Собраніе актовъ* минской губерніи.

*** Одинъ кривичскій старожилъ рассказывалъ мнѣ, что когда-то здѣсь была рѣчка и называлась *Кривичкою*; но въ послѣднее время она высохла и вмѣсто ея остался только небольшой протокъ — *Кривча*.

ка звонъ колокола призоветъ къ молитвѣ, переодѣвается и прогуливается вокругъ прощя по красивымъ, цвѣтущимъ окраинамъ ея *.

Но вотъ раздался первый звукъ колокола... Народъ суетится, спѣшитъ со всѣхъ концовъ, какъ муравьи, и пробирается къ погосту...

Звукъ колоколовъ усиливается; — погостъ наполняется народомъ все болѣе и болѣе, такъ что, наконецъ, становится тѣсно, и запоздалый богомолецъ долженъ довольствоваться мѣстечкомъ внѣ ограды прощя...

Входятъ въ церковь—нѣкоторые, потому—что всѣмъ невозможно помѣститься въ маленькой церкви...

Внутренность церкви озаряется безчисленными огнями восковыхъ свѣчей, привезенныхъ, или принесенныхъ усердными богомольцами... Народу столько, что буквально нельзя птичкѣ пролетѣть межъ плечъ и даже головъ молящихся; священнослужитель съ трудомъ выходитъ на средину, для совершенія извѣстныхъ обрядовъ священнодѣйствія.

Церковныя двери растворены настежь, на паперти неменѣе народа, какъ и въ самомъ храмѣ...

Всѣ молилось, все преклоняло колѣни и падало ницъ предъ Всемогущею Заступницею; одни стояли съ обращеннымъ къ иконамъ взоромъ, и ударяя себя руками въ грудь, со вздохомъ повторяли молитву мытаря; другіе, болѣею частью женщины, лежали ничкомъ, съ распростертыми руками, и шептали покаянные псалмы; даже дѣти постоянно клали поклоны и усердно, искренно твердили молитву Господню...

Отрадно и весело было на душѣ среди такой искренней, чистой молитвы народа къ Премудрому и Всеблагому Создателю... Я давно не испытывалъ такого дивнаго восторга души; жизнь столичная надолго разлучала меня съ родными мѣстами Бѣлоруссіи, гдѣ я провелъ первые, чудные годы дѣтства, гдѣ впервые испыталъ столько радостей и наслажденій въ кругу родныхъ и близкихъ сердцу людей... Какъ невыразимо—отрадно было предаваться этому младенческому обаянію, доступному сердцамъ бѣлорусцевъ въ—теченіе всѣхъ періодовъ жизни, до самой могилы!

Мнѣ вспомнились тѣ чудные дни, полные неописаннаго веселья и понятнаго только тому, кто самъ это испыталъ, дни, въ которые я спѣшилъ на каникулы изъ губернскаго города въ отдаленный уѣздъ, и

* Я описываю стеченіе народа на богомолье въ лѣтнее время. Зимой меньше бываетъ народа.

могъ съ полною свободою разъѣзжать по деревнямъ и селамъ, гдѣ по какой-то страстной, безотчетной охотѣ къ изученію народныхъ повѣрій и сказокъ, прислушивался къ звукамъ гармоническаго, пѣвучаго бѣлорусскаго языка, записывалъ слова и рассказы изъ устъ поселянъ домо-рошенныхъ *баяновъ* и *знахарей*, пробирался въ бѣлорусскія *хаты* и *клѣтки*, находилъ удовольствіе бесѣдовать за скромной деревенской трапезой съ сѣдолосыми стариками и морщинистыми старухами... Что влекло меня туда, въ эти хижины бѣдныхъ людей? Не знаю... я любилъ этихъ добрыхъ людей, я находилъ отраду въ ихъ, медленномъ, лѣнливомъ разговорѣ, въ ихъ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ; мнѣ весело было жить съ ними, дѣлиться чистыми восторгами ихъ души; мнѣ не хотѣлось уходить изъ ихъ хатъ, мнѣ жаль было разставаться съ ихъ углами, гдѣ я слышалъ столько дивъ и чудесъ о князьяхъ заколдованныхъ и княжнахъ *зачарованныхъ*, окладахъ не доступныхъ и стерегущихъ ихъ чуднцахъ, о волшебныхъ подземельяхъ и знахаряхъ-колдунахъ... Сколько новаго, невѣдомаго мнѣ за школьной скамьей, я узналъ въ этомъ народномъ училищѣ, богатомъ разнородными предметами и науками о родной землѣ и языкѣ, о древнемъ житьѣ-бытьѣ предковъ, дѣдовъ, о переворотахъ въ разныя эпохи исторіи Западной-Руси.

И я забывалъ съ ними о губернскомъ городѣ, о товарищахъ по школѣ, о знакомыхъ и даже родныхъ... я жилъ съ ними, я росъ между ними... И я часто молился съ ними подъ однимъ кровомъ, гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ всѣхъ *книжниковъ* и мудрецовъ мірскихъ, въ скромномъ, уединенномъ деревенскомъ храмѣ... Я былъ счастливъ, я былъ восторженъ, потому-что могъ молиться искренно, тепло, горячо. А какъ часто потомъ... на душѣ у меня было тяжело: я былъ въ свѣтѣ, веселился—но молиться не могъ уже такъ, какъ молился въ Бѣлоруссіи родной, подъ сосновой кровлей, осѣненной вѣковыми дубами и густыми елями... Какъ все измѣнилось съ-тѣхъ-поръ... Сколько бурь и непогодъ пролетѣло надъ головой моею: было время—я страдалъ безысходно, сердце покоя не находило, и въ блестящихъ салонахъ я не видалъ отрады. Какъ тяжело было тогда!

Но теперь, — я опять въ родномъ краю, вдали отъ столицы, у подножія давно-видѣннаго мною алтаря и въ душѣ моеи пробудились восторженные минуты первой юности-дѣтства: мнѣ отрадно, весело... Я опять могу молиться... межъ родныхъ людей, бѣлорусскихъ *господарей*... Откуда взялась теплота прежняя въ душѣ; въ сердцѣ кровь ожила... Я молился въ бѣлорусскомъ деревенскомъ храмѣ... Какое свѣтлое воспоминаніе!..

Но вотъ масса народа заколебалась, раздвинулась и въ храмѣ образовалась пустота... Всѣ стали выходить, чтобъ дать мѣсто пройти духовенству и причту съ хоругвами и крестами: то былъ крестный ходъ по окончаніи литургіи.

Впереди шелъ почтенный пастырь съ евангеліемъ въ рукахъ; предъ нимъ два младшіе священника несли чудотворный образъ Богоматери; народъ, при видѣ этого образа, палъ ничкомъ и шествіе на нѣсколько минутъ остановилось...

Желая оказать снисхожденіе усерднымъ богомольцамъ, пастырь далъ народу время выразить свою преданность къ Небесной Заступницѣ и сталъ читать евангеліе... Народъ, стоя на колѣняхъ, съ поднятыми вверхъ руками, молча и благоговѣнно-восторженно слушалъ чтеніе старца и вливался взорами въ иконопись лика чудотворнаго образа...

Чтеніе кончилось, — ходъ продолжался, но народъ, не вставая съ своихъ мѣстъ, слѣдилъ за скрывавшимся въ чашѣ деревъ образомъ и въ благочестивомъ настроеніи ожидалъ возвращенія пастыря на прежнее мѣсто. Нѣкоторые, особенно женщины, по данному обѣту, на колѣняхъ слѣдовали за образомъ, заставляя тоже дѣлать и малютокъ—дѣтей своихъ...

Ходъ повторился трижды и вотъ пастырь съ клиромъ остановился у каплицы и сталъ читать евангеліе... Народъ валомъ прильнулъ къ каплицѣ и въ возможномъ, почтительномъ отдаленіи отъ пастыря припалъ къ землѣ...

Наконецъ, пастырь пропѣлъ славословіе Пресвятой Богоматери, и народъ, настроенный пѣніемъ къ высокому, благоговѣнному чувству, огласилъ все поднебесье прощя пзвѣтнымъ по всей Бѣлоруссіи гимномъ:
подъ покровъ твой, Богородице, прибѣгаемъ!..

Картина была величественная, какую только можно встрѣтить въ бѣлорусскомъ краю во-время молодиковыхъ недѣль...

Мною овладѣло какое-то непонятное, давно забытое чувство; въ душѣ моей происходило что-то особенное, необыкновенное... колѣни мои невольно согнулись и я сталъ пѣть знакомый мнѣ въ дѣтствѣ гимнъ. Какъ счастливъ я былъ въ эти минуты!

По окончаніи крестнаго хода, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ отправились домой, но бѣльшая часть народа, по-преимуществу проетаго, осталась тутъ-же на погостѣ и внѣ погоста, по окраинамъ возвышенія, — и возвратилась домой къ вечеру.

За оградой погоста явились нѣкоторые промышленники съ товарами, съ сластями, пряниками, даже съ живыми курами, гусями и тому подобное; словомъ импровизировалась небольшая сельская ярмарка, безъ шума, безъ крика, ничуть впрочемъ непохожая на описанную мною *. Цѣль этой ярмарки очень простая—чтобъ доставить возможность прѣхавшимъ изъ далекихъ мѣстъ поселянамъ, въ случаѣ нужды, купить что-нибудь для дневнаго продовольствія...

Оставшіеся расположились хороводами на курганахъ, и на разостланномъ обрусѣ поставили разныя печива и сырыя закуски **.

Но пусть себѣ кушаютъ эти оставшіеся на погостѣ и вокругъ погоста, а мы заглянемъ въ хаты завшицкихъ поселянъ, гдѣ проводятъ время сосѣдніе ихъ знакомые, бывшіе на богомольи и зашедшіе къ нимъ въ гости.

Такъ-какъ кривицкая проща принадлежитъ къ завшицкому приходу, то и обязанность принимать и угощать гостей лежитъ по преимуществу на завшицкихъ поселянахъ; — даже изъ Кривичъ заходятъ нѣкоторые въ Завшичи.

Почти вся деревня Завшичи, особенно если хороша погода, превращается въ гостиницу, или въ заѣздный домъ; ко всякому семьянину непременно зайдетъ или заѣдетъ нѣсколько гостей и знакомыхъ, а часто вовсе незнакомыхъ путешественниковъ, пришедшихъ изъ далекихъ сторонъ... На этотъ разъ, домъ каждаго хозяина открытъ для усталаго богомольца, — гдѣ предлагается ему гостепріимнымъ и радушнымъ семействомъ кровъ, постель, стулъ и столъ... Добрые поселяне готовы сами-себѣ отказать во многомъ необходимомъ, но не пожалѣютъ послѣдняго добра для гостя. «Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!» обыкновенно прѣтствуютъ въ этомъ случаѣ бѣлорусецъ вошедшаго къ нему богомольца, и дѣлится съ нимъ послѣднею крохюю... Не правда-ли, что это прекрасное обыкновеніе живо напоминаетъ гостепріимство древнихъ предковъ нашихъ, русскихъ славянъ...

Нужно и то впрочемъ замѣтить, что вообще весь случій уѣздъ (минской губерніи) отличается хлѣбосоельствомъ, радушіемъ и рѣдкимъ гостепріимствомъ; развѣ только пинскій уѣздъ той же губерніи) можетъ нѣсколько поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи, Гостепріимство и

* См. № 4-й Памт. 1853 г., *Бѣлорусская ярмарка*.

** При этомъ совершаются иногда поминовенія, но чаще всего — собственно и ушаютъ и больше ничего. О поминкахъ будетъ особая статья.

хлѣбосолюство развиты не только между добродушными, простыми поселянами, но и между *застѣлковой* (окольной) шляхтою, духовенствомъ и помѣщиками. Въ молодиковыя недѣли дома духовныхъ и помѣщиковъ и шляхты наполняются знакомыми и незнакомыми людьми: и всѣ эти люди, подъ однимъ именемъ гостей, находятъ искренній, радужный пріемъ въ домахъ мѣстныхъ владѣльцевъ.

Но по преимуществу, повторяю, деревня Завшичи превращается въ бесплатную гостиницу.

Вотъ по улицамъ тянутся длинныя, многочисленныя вереницы стариковъ и старухъ, хлопцевъ и молодицъ, парней и дѣтей, въ праздничныхъ нарядахъ; — и чѣмъ далѣе подвигаются къ противоположному концу деревни, тѣмъ рѣже и рѣже становятся вереницы: одни поворачиваютъ направо, другіе налево, наконецъ улицы пустѣютъ—всѣ разошлись по домамъ...

Хозяинъ и хозяйка съ радостью встрѣчаютъ гостей у воротъ и провожаютъ ихъ въ свои хаты. Длинные, узкіе столы о четырехъ ножкахъ съ перекладинками, покрытые чистыми скатертями, заставлены всѣми возможными кушаньями, но между ними первое мѣсто занимаетъ яичница и домашній сотовый медъ, прозрачный, какъ кристалль, и блестящій, какъ чистѣйшій, высокой доброты янтарь... Рядомъ съ кушаньями поставлены деревянные ковши съ пивомъ и бутылки съ водкою...

Первая встрѣча хозяйна въ свѣтлицѣ — встрѣча гостепріимная... Онъ не угощаетъ усталаго гостя сладкими, но не питательными побасенками и разказами, а прямо предлагаетъ ему—покушать и выпить.

Гости садятся.. Хозяева и дѣти ихъ (если они взрослые), стоя, угощаютъ посѣтителей обѣдомъ.

Старики и старухи, по просьбѣ хозяевъ, снимаютъ съ себя тяжелую одежду, откладываютъ ее въ сторону и, какъ у себя дома, свободно размѣщаются вокругъ стола. Молодые парни и дѣвицы, изъ уваженія къ старикамъ, не смѣютъ снять съ себя лишней тяжести и только послѣ нѣскольکو-кратнаго *понуканья* стариковъ рѣшаются снять свои суконныя (даже и лѣтомъ) свиты, и скромно, почтительно садятся рядомъ съ господами пожилыми.

Можетъ-быть, вамъ хочется знать, что и изъ какой посуды ѣдятъ бѣлорусскіе поселяне?.. Если угодно, я разкажу...

Кромѣ яичницы и меду, подаютъ жидкія горячія кушанья, а именно

капусту (тоже, что щи), *бураки* (то-есть, борщъ), *крупень* или *крупникъ* (то-есть, сушь), *зацирку* (родъ лапши, или клецокъ).

Капусту и бураки варяť съ свинымъ саломъ, *вляной* (ветчина), или съ *затавкой* (то-есть съ мелко изрубленнымъ и растертымъ въ кашу свинымъ саломъ), — но почти никогда не варяť съ говядиной, частью потому, что ее не во всякое время можно имѣть въ деревнѣ, а частью потому, что капуста и свекла, по понятію простолюдиновъ бѣлорусскихъ, не могутъ имѣть такого вкуса отъ говядины, какъ отъ свиного сала *. Что касается до крупени и зацирки, то онѣ варяťся съ курятиной или съ говядиной. Крупень дѣлается изъ крупъ, болѣею частью ячменныхъ или гречневыхъ, домашняго приготовленія, а зацирка изъ пшеничной или гречневой муки. Нерѣдко случается, что подають вмѣстѣ и борщъ и крупень.

Изъ жаркихъ — подають телятину, курей, цыплятъ, баранину и колбасы; — все это готовится на салѣ и на *шкваркахъ* (мелко изрубленное сало съ верхнею кожицею), но не на маслѣ.

Послѣ жаркихъ подають сласти и лакомства, состоящія изъ *макушекъ* (маковники съ медомъ), *коржей* (засушенные блинчики, облитые сытою), аладій, *плески* (плеска, то-есть картофель съ молокомъ), также орѣховъ и дынныхъ сѣмянъ...

Жидкія кушанья подаются въ деревянныхъ или глиняныхъ мискахъ, а подѣ часъ и въ горшкахъ или *чугунахъ* (то-есть горшкахъ чугунныхъ, особаго фасона); жаркія—на сковородахъ или просто на деревянныхъ кружкахъ... Тарелокъ и вилокъ почти нигдѣ не употребляютъ, не потому, чтобъ не знали объ ихъ существованіи, но потому, что считаютъ ихъ излишними: «душа мѣру знаетъ, говорятъ они, къ чему наливать въ тарелки?» Обыкновенно старшій между гостями рѣжетъ говядину или сало и складываетъ на одинъ кружокъ; съ кружка берутъ руками по кусочку и не церемонясь, подносятъ ко рту. . Ложки употребляютъ деревянные, дубовыя или липовыя, некрашенныя, довольно красиво выточенныя, съ очень длинными рукоятками, но не слишкомъ глубокими желобками.

Послѣ обѣда, старыя отдыхаютъ, а старухи съ хозяйкою отправляются въ огороды.. Хозяйка хвалится своимъ хозяйствомъ, показываетъ, какъ хорошо у нее растутъ горохъ, огурцы; сколько насадила конопли, ранняго ячменя и кукурузы; сколько насадила моркови, рѣпы,

* Правда, что въ Бѣлоруссіи прекрасно умѣютъ солить и коптить свиное сало; копченое сало бѣлорусское поспоритъ вкусомъ съ любымъ заморскимъ сыромъ.

бобовъ и картофеля... словомъ, водить старухъ по всеѣмъ огородамъ, и показавъ все свое растительное добро, просить заглянуть въ хлѣвы,— посмотреть, сколько у нея дойныхъ коровъ; рассказываетъ, сколько каждая корова дала телятъ; — каковы овцы, бараны, сколько думаетъ получить съ нихъ шерсти;—потомъ ведетъ въ гусятникъ, курятникъ, хвалится индѣйками, утками и другими домашними птицами... Наконецъ, показываетъ гостямъ свое прядиво, кудель, ткацкіе станки; рассказываетъ, сколько у нея приготовлено для продажи полотна, нитокъ, льну и всякаго *пачесья* (дурной сортъ льнянаго волокна). — Старухи хвалятъ, дѣлаютъ свои замѣчанія, просятъ на раскладъ индѣйку или утку, и приглашаютъ хозяйку къ себѣ на храмовой праздникъ, а если есть у нихъ проща,—на слѣдующую молодиковую педѣлю.

Въ тоже самое время, молодые парни и дѣвицы, вмѣстѣ съ дочерьми и сыновьями хозяевъ, отправляются гулять по деревнѣ или въ ближайшую рощу... Въ деревнѣ образуются хороводы, но хороводы безъ шалостей, безъ шумныхъ пѣсней; болѣею частью ходятъ и говорятъ,— то-есть собственно знакомятся, потому-что сходятся и встрѣчаются люди съ разныхъ сторонъ,—никогда не видавшіе другъ-друга... Вся сущность хороводовъ заключается въ пѣсняхъ, которыя поются дѣвицами по усмотрѣнію, какая которой нравится... Привожу здѣсь ту пѣсню, которую я самъ слышалъ и записалъ съ устъ одной-дѣвицы...

Туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ,
 Широкий листъ на калинѣ, на калинѣ.
 Ширѣй таго, ширѣй таго на дубочку;
 Кличить голубъ галубачку, галубачку,
 Хоць не сваю, хоць не сваю, да чужую:
 Пастой, мила, пацалую—пацалую.
 На што-жъ тоя, на што-жъ тоя цалаванья,
 Серцу туги задаванья, задаванья?
 Не задавай, не задавай сердцу туги;
 Ня° возьмешь ты, возьме други, возьме други.
 Пастой, дзѣвка, пастой—дзѣвка! не журися;
 Я ищѣ моладъ—ня жанився, ня жанився.
 А якъ буду, а якъ буду жанитца,
 Прашу-й—пива напнтца, прашу дзива дзивитца.

Тваё-й-пива, тваё-й-пива мнѣ ня мила,
 Тваё-й-дзива—мнѣ ня дзива, мнѣ ня дзива.
 Только дзива, якъ мы съ табой гаварили:
 Твая маці чаравница, твая сестра разлучница.
 Разлучила, разлучила насъ съ табою,
 Якъ рыбацку и зъ вадою, и зъ вадою.
 Гариць агонь, гариць агонь за вадою;
 Я-й-ня виджу за бядою, за бядою.
 Гариць агонь, гариць агонь за лѣсами,
 Я ня виджу за слезами, за слезами!..

(Въ долинѣ стелется туманъ, на калинѣ шелестятъ листья, — листья побольше, чѣмъ на дубѣ. Зоветъ голубь голубку (самку) — не свою, чужую. Постои миленькая, я тебя поцѣлюю. Къ чему тебѣ меня цѣловать, сердцу горе, скуку накликать? Не накликай горя себѣ, не быть мнѣ твоею, быть мнѣ женою другаго... — Постои, дѣвица, постои! не горюй! я еще молодъ и холостъ... А какъ задумаю жениться попрошу на пиво, подивиться моему диву... Не хочу я твоего пива, не удивить меня твое диво... Что-жъ за диво тамъ такое будетъ у тебя?—Вотъ скорѣе диво—то, что твоя мать колдунья и сестра злая разлучили меня съ тобой, какъ рыбку съ водою... Горить огонь, горить онъ и подъ водою; не видать мнѣ его за своей бѣдою. Горить огонь, горить онъ подъ землею; не видать мнѣ его за своими слезами...)

Между-тѣмъ, старики—господари уже встали, отдохнули и ведутъ межъ собой рѣчь о своихъ господарскихъ дѣлахъ... Хозяинъ рассказываетъ имъ объ урожаѣ на своихъ поляхъ, о новой столодѣ (сарай), недавно выстроенной для воловъ, объ удачной уборкѣ сѣна пахучаго, какъ ароматные цвѣты, о томъ, что затѣваетъ онъ посѣять на новыхъ *польткахъ* (новое поле для посѣва озимаго хлѣба), случайно открытыхъ имъ въ сосѣднемъ *березнякѣ* (березовая роща)... Старики съ *люльками* (трубками) въ зубахъ, сложивъ крестообразно руки на столѣ, внимательно слушаютъ и по временамъ, сквозь дымъ доморощенного табаку, пускаютъ красное словцо, ласкающее самолюбіе гостеприимнаго хозяина... Радужный хозяинъ предлагаетъ гостямъ прогуляться съ нимъ по полямъ, сѣнокосамъ и заглянуть въ гумно...

Вотъ отправляются на поля; разматриваютъ ново-вспаханные участ-

ки, любятъ густымъ, большимъ льномъ, предсказываютъ большіе барыши отъ льнянаго волокна; срываютъ колосья пшеницы, растираютъ ихъ въ рукѣ, пробуютъ зерна, и самодовольно покачивая головами, хвалятъ чудную пшеницу; подходятъ къ кошнамъ сжатой ржи, взвѣшиваютъ руками снопы, и радуются хорошему умолоту ихъ... Вотъ проходятъ межъ бороздъ гречи, и окинувъ глазами нѣсколько *загоновъ* (известная часть десятины), двигаются такому обилію добра хозяйскаго... Хозяинъ улыбается, и въ восторгѣ отъ похвалъ стариковъ, обнимаетъ и цалуетъ ихъ...

На сѣнокосахъ разсуждаютъ, какъ бы устроить такъ, чтобъ завезть въ своемъ краю, бѣлорусской землѣ, тройную уборку сѣна, точно также, какъ въ благодатной Малороссіи... Хозяинъ возражаетъ... старики опровергаютъ его возраженія, и дѣло оканчивается тѣмъ, что хозяинъ даетъ слово попробовать счастья—завезть тройную уборку на слѣдующее лѣто...

Потомъ пробираются въ гумно... Хозяинъ подводитъ стариковъ къ *озеродамъ* *, показываетъ, сколько онъ успѣлъ *уозеродить* ржи и ранняго ячменя; объясняетъ, сколько стоило ему трудовъ поставить новый озеродъ, по случаю недостатка лѣсу въ *Случизнѣ* **, какъ помогъ ему одинъ добрый человекъ, у котораго оказался лишній запасъ сосновыхъ и еловыхъ жердей... Старики просятъ хозяина показать ему свою молотильню; хозяинъ ведетъ ихъ въ *токъ* (мѣсто, гдѣ молотятъ),—разсказываетъ, изъ какого матеріала сдѣланъ его овинъ, какъ славно сохнетъ въ немъ збожье (всякой зерновой хлѣбъ); какъ много берегаетъ мякины и ометья (мелкая мякина, которая остается послѣ молотбы) и какъ выгодно молотить на току, вымощенномъ глиною...

Насмотрѣвшись вдоволь всякаго добра и порядковъ хозяйскихъ, гости и хозяинъ возвращаются въ хаты, гдѣ ихъ встрѣчаютъ старухи, молодичицы, парни и дѣвицы. Гости собираются домой.

Хозяинъ и хозяйка просятъ ихъ отдохнуть за столомъ и закусить на дорогу.

Слѣдуетъ небольшое угощеніе: пиво, медъ и водка не сходятъ со

* *Озеродъ*, т. е. переплетъ клѣтчатый изъ жердей еловыхъ или сосновыхъ, для провѣтриванія и просушиванія сноповъ.

** Случизною называютъ здѣсь весь случкій уѣздъ

стола, и гости-старьики позволяютъ себѣ немножко потѣшить себя *веселящими сердце* напитками.

Вотъ старухи, развеселившись, начинаютъ говорить громче и развязнѣе. Говоръ и хохоть увеличиваются... Хозяйка проситъ еще выпить, гостя отпѣкивается; просьбы повторяются, гостя, будто не хотя, беретъ кубокъ съ водкою, и поставивъ его предъ собою, начинаетъ что-то напѣвать; сосѣдки ей вторять... начинаются припѣвы... болѣе веселая поетъ:

Цижъ намъ бѣда не надаѣла?
Усімъ намъ кѣпска доля не припѣла..

Пасядзимъ, пагадайма...

Адна другую пацѣшайма!..

Ня великае ници дѣла,

Усімъ намъ въ вочахъ пачарнѣла...

Гаспадыня уважай,

Якъ не стане, даливай!..

Маешъ трунакъ у пивницы,

Будуць повны усѣ шклянницы!

А ты, нутка, увивайся,

Многа гасѣцей — не улекайся!..

Пекъ вамъ! не баюся,

Усімъ догаджу, сама звернуся...

Будзя годзи!.. не праси...

Пбйдземъ да сваяси.

(Неужели-жъ намъ не надоѣло горе? Не вѣчно-жъ горевать на свою злую долю... Сядемъ, погадаемъ, одна другую утѣшимъ!.. Не велика вещь пить такъ, чтобъ въ глазахъ потемнѣло... Ты смотри, хозяйюшка, не жалѣй вина, подливай... Есть у тебя этого добра въ погребѣ довольно, есть откуда налить въ бутылки... Не пугайся только, что такъ много у тебя гостей... Послужи ты намъ... а ужъ такъ и быть, не побоюсь я за себя, угрожу и я вѣмъ вамъ, сама угощу васъ, пожалуйста ко мнѣ... Впрочемъ довольно! не проси больше, пора домой!..)

На другомъ концѣ стола, старики — тоже на веселѣ; тутъ сцена очень-умильная, чисто-идиллическая... Старики кланутся другъ-другу въ дружбѣ, обнимаются, цѣлуются и извиняются предъ хозяиномъ, что засидѣлись у него такъ долго... Хозяинъ, въ свою очередь, извиняется, что онъ не можетъ угостить чѣмъ-нибудь получше, и предлагаетъ гостямъ выпить еще на прощанье...

Наконецъ, какой-нибудь краснобай, поднимая рюмку вверхъ, прощается съ хозяиномъ и прочими знакомыми, и напѣваетъ, мотая головою, слѣдующую пѣсню:

Не усѣ жъ зъ вами быць, треба и разетатца,
 Зъ усими вами тутъ притомными папращатца...
 Выѣжджаю адъ васъ да свайго дому,
 И кланяюся вамъ зъ-асобна каждому.
 Кланяюся табѣ, щпры гаспадару,
 И дзякую табѣ за ужитаць дѣру;
 Не хай Богъ сто разъ надгародзиць цебѣ,
 А па сьмерци штобъ намъ быць разамъ у небѣ.
 Чимъ каго абразивъ, то перепрашаю,
 Добра щирае серца да каждая маю,
 Даруйце образы, якую хто мае,
 А самъ нехай въ счасьци-здоровъ застае.
 Бывайце здаровы, да не забывайце,
 Што я васъ пріяцель, мяне вспаминайце;
 Вспаминайце мяне такими славами:
 «Бывъ тутъ добры чалавѣкъ, чшо бавився зъ нами!»

(Не все же съ вами быть, нужно и разетаться; нужно распрощаться со всѣми, сколько ни есть васъ здѣсь. Уѣзжаю я отъ васъ домой, и кланяюсь я вамъ всѣмъ и каждому по-одиночкѣ. Кланяюсь тебѣ, радушный хозяинъ, и благодарю тебя за твое угощеніе: пусть Богъ сто-рицей наградитъ тебя за твое добро; суди Боже быть намъ вмѣстѣ въ раю. Если я кого оскорбилъ, прошу прощенія, искренне, отъ сердца извиняюсь; простите меня, если кто оскорбленъ мною; желаю вамъ быть счастливыми и здоровыми... Будьте здоровы, да не забывайте, что я

вашъ другъ, вспоминайте обо мнѣ; помяните меня этими словами: «былъ здѣсь добрый человекъ, онъ веселился съ нами дружно!»

Хозяинъ и хозяйка проводятъ гостей до воротъ, и перецѣловавши всѣхъ просятъ ихъ къ себѣ на слѣдующую молодиковую недѣлю...

Гости, въ свою очередь, запрашиваютъ хозяевъ къ себѣ на какой-нибудь праздникъ, или просто отвѣдать хлѣба соли...

ПАВЕЛЪ ШПИЛЕВСКІЙ.